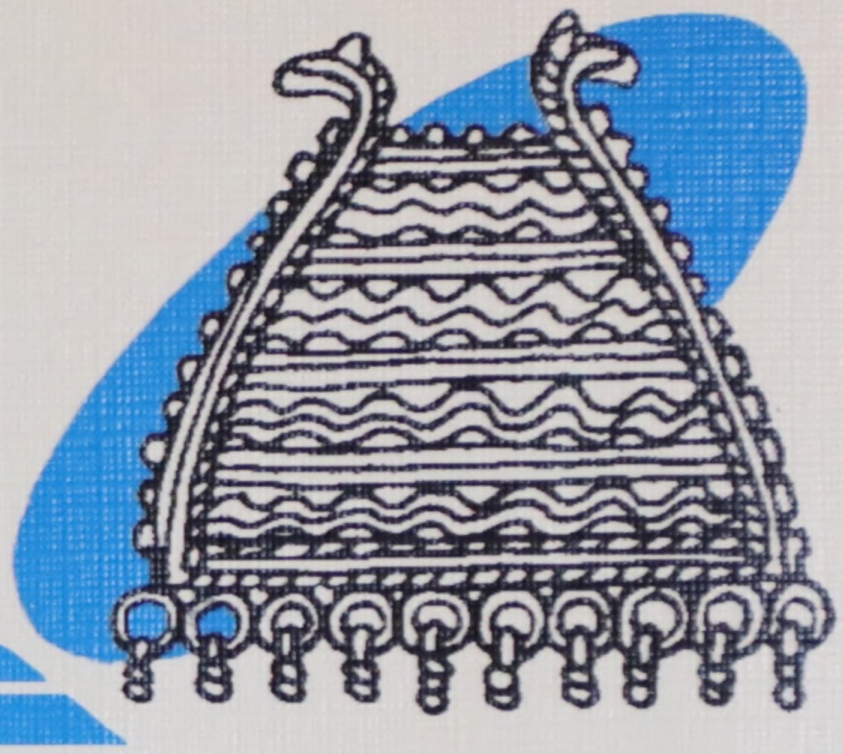
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2.2008

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2008, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (*главный редактор*)
С.С. Сибатрова (*зам. главного редактора*)
Т.Л. Молотова (*отв. секретарь*)
И.Г. Иванов
Л.Е. Кириллова
Н.И. Кульбаева
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
А.Н. Ракин
Л.С. Христолюбова

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не всегда совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Сануков К.Н. Петер Домокош и финно-угорское литературоведение 3
Богомолова З.А. Слово о литературе Удмуртии 9
Примечаева М.А. Некоторые философские аспекты развития марийской традиционной культуры в современных условиях 18
Кузнецова М.Н. Единый язык – единый народ (еще раз к вопросу о едином марийском литературном языке – взгляд со стороны) 30
Мамаева М.Н. О систематизации марийских свадебных песен 38

СООБЩЕНИЯ

Сибатрова С.С. К истории марийской орфографии 49
Николаева А.В. Изменения в области гласных и согласных в уржумском говоре марийского языка 56
Попова Е.В. «Солдатская ель» в современном сакральном пространстве бесермянских селений 62
Федосеева Н.А. Просветитель марийского народа Г.Яковлев и его творческая деятельность 70
Кириллова Р.В. Звуковой колорит лирики Гая Сабитова 77
Столярова Г.Р., Васильева Е.А. Межэтнические браки в Республике Марий Эл . 82

ПЕРСОНАЛИИ

Григорьева Л.Я. К 125-летию со дня рождения академика Э.Беке 94
Иванов И.Г. К юбилею Яноша Пустаи 99
Сибатрова С.С. К юбилею В.И. Вершинина 103

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Чертыкова М.Д. Рец.: Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. – Ханты-Мансийск, 2007. – 134 с. 106
Ракин А.Н. Рец.: Пашкова Т.В. Народные названия болезней в карельском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Петрозаводск, 2008. – 167 с. 110
Литвин А.А. Рец.: Малинина О.С. Этнокультурное и общественно-политическое сотрудничество финно-угорских народов в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Казань, 2008 – 237 с.. 116

ХРОНИКА

Садовин И.Г., Федосеева Н.А. X Международный конгресс финно-угорских писателей 119
Ягафова Е.А. Межрегиональный научно-практический семинар «Визуальный мир культуры народов Урало-Поволжья» 126
Иванов И.Г. Памяти В.Н. Васильева 130
Сведения об авторах 133

«Финно-угроведение», 2008, № 2

СТАТЬИ

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

ПЕТЕР ДОМОКОШ И ФИННО-УГОРСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В мае 1989 года в Йошкар-Оле состоялась первая встреча писателей финно-угорских народов, фактически положившая начало широкому общественному движению по развитию дружбы, единения, сотрудничества родственных народов. У его истоков стояли несколько человек, олицетворяющих интеллектуальные силы, гуманитарный потенциал финно-угорского мира. Одним из таких энтузиастов стал венгерский ученый-литературовед Петер Домокош.

Петер Домокош родился 15 января 1936 года на территории нынешней Румынии, в исторической Трансильвании. Годы его школьной, гимназической учебы еще не предсказывали в нем будущего ученого. Скорее всего, можно было ожидать, что он продолжит семейную традицию – по музыкальной линии. Но университет определил его будущую судьбу. Известно, что становление человека с его интересами, пристрастиями происходит в юношеские годы, совпадающие, как правило, со студенческим периодом жизни. А студенческая пора Домокоша – середина и вторая половина 1950-х годов. Это – время грандиозных потрясений в общественной жизни, в общественном сознании народов так называемого социалистического лагеря. Это время озарено венгерской народной революцией и ее подавлением советскими танками.

В 1958 году (50 лет назад) появились первые научные публикации Петера Домокоша, сначала по проблемам венгерского языка. И сразу же вслед за этим произошел выход на общую финно-угорскую тематику. Именно в это время среди ученых, изучающих финно-угорские (шире – уральские) языки, укрепляется желание общения, организации широких научных встреч. Финно-угристы (лингвисты), отмечая в 1958 году 75-летие Финно-Угорского Общества, договорились о том, чтобы с интервалом в 5 лет, начиная с 1960 года, проводить Международные конгрессы финно-угроведов. Венгерские ученые взяли на себя непростую обязанность устройства первой такой встречи.

В числе участников I конгресса был и молодой (самый молодой из участников) Петер Домокош, делавший свои первые шаги в науке. Он выступил с докладом о новейших литературах пермских народов. Это первое же прикосновение к мировой научной элите было настолько весомым, уверенным, что имя Домокоша после этого стало узнаваемым. И все последующие 9 Международных конгрессов финно-угроведов не проходили без него.

А ведь, как признается он сам, у тогдашних мэтров-традиционалистов финно-угристики были серьезные сомнения и возражения по поводу его допуска в свою среду с новым, более широким пониманием содержания финно-угроведения. Традиционная финно-угристика была лингвистической. Теперь литература, литературоведение благодаря усилиям Петера Домокоша и его последователей стали отвоевывать там себе место.

Сложность положения молодого исследователя заключалась, строго говоря, не в самом обращении к литературоведению. Применительно к венграм, финнам, эстонцам определенные историко-научные традиции уже имелись. Европейская, мировая филологическая наука, общественная мысль имела определенные (хотя совершенно ограниченные) сведения о художественном слове этих трех народов, заявлявших претензии о вхождении в европейскую цивилизацию, в мировое культурное пространство. Более или менее оправданным выглядело бы обращение к их литературному опыту. А тут вдруг приходит молодой человек с рассуждениями о литературе каких-то восточных финнов, о которых практически мало кто слышал в европейской науке. Это была «terra incognita».

Еще в 1908 году в обзоре «Культура современности» на немецком языке были представлены некоторые сведения о венгерской, финской, эстонской литературах, но литературы других финно-угорских народов не упомянуты вовсе. В 1911 году венгерский ученый Аладар Бан в «Истории всеобщей литературы» писал, что «из финно-угорских народов литературы имеют только венгерский, финский и эстонский». По существу из такой оценки исходили последующие финно-угроведы и литературоведы, не заметив зарождения в начале XX века художественной литературы у мари, удмуртов, коми. Даже в более позднее время положение в науке сохранялось в таком же виде. То, что после революции у многих восточных финно-угров литературный процесс получил значительное развитие и об этом писали в соответствующих республиках и регионах, – это до международной научной общественности не доходило: советская наука была в изоляции от мировой.

Даже в середине и второй половине 1950-х годов, когда «железный занавес» стал приоткрываться, положение быстро измениться не могло. Только молодые научные силы могли совершить прорыв, предложив новые парадигмы мышления. В литературоведении таким человеком, определявшим новые подходы, взгляды и методы, оказался Петер Домокош. Но старые авторитеты продолжали считать, что литературные (да и вообще культурные) процессы можно систематизировать только по зональным, ареальным принципам (типа – «литературы Поволжья и Приуралья», «литературы народов Севера» и т.п.), но не по языковому родству. Да и

сейчас, через 20 лет после Первой международной встречи финно-угорских писателей, приходилось и приходится слышать суждения, что финно-угорская общность (в том числе литературная) – это миф. Противоположную позицию с самого начала своего научного творчества занял Петер Домокош и настойчиво добивался своей правоты.

Крупный авторитет в филологии и фольклористике Роберт Аустерлиц в 1980 г., отмечая, что Домокош занимается «литературами уральских народов», восклицал: «Я лично не верю, что существует такая тема»; он назвал его занятия «романтической фикцией». Но из этой «фикции» родилось новое, перспективное научное направление. Сегодня выросла целая плеяда молодых исследователей, идущих по пути, который полвека назад начал прокладывать Домокош. Правда, большинство литературоведов по-прежнему ограничиваются узкими рамками только своих родных литератур. Овладение широким сравнительно-историческим, сравнительно-типологическим методологическим подходом, который характерен для Петера Домокоша, обогатило бы литературное финно-угроведение достижениями, достойными уровня современной мировой науки.

Годы стажировки и работы в Ленинграде в 1965–1970 годах окончательно утвердили ученого в правильности выбранного пути. Он избрал для досконального изучения литературу одного – удмуртского – народа в её взаимосвязях с богатейшим многовековым фольклором, с великой русской литературой, со словесным творчеством соседних (не обязательно только родственных) народов со схожими историческими судьбами.

Кандидатская диссертация «История удмуртской литературы» была написана, успешно защищена и издана на венгерском языке в 1975 году. Переведенные на русский язык ее фрагменты, ставшие известными в Ижевске, вызвали шок у многих (после Василий Ванюшев напишет – «откровение для нас»). Это событие или целое явление в культурно-интеллектуальной жизни республики повлекло обсуждение (с отрицательным знаком) на партийном собрании писателей, соответствующие идеологическим догмам того времени оценки на партийном пленуме. В том, что новаторская работа Домокоша не была оценена по достоинству, была своя историческая «правда»: она не соответствовала официальной идеологии, по существу отвергала социалистический реализм и классовый подход в оценке явлений культуры. Но хотя многие идеи и оценки Домокоша официально отвергались, подспудно в сознании некоторых ученых (особенно молодых) находили отклик и накапливались.

Действительно, это капитальное исследование венгерского ученого было новым словом в науке. В частности, в нем дана высокая оценка творчества Григория Верещагина, Кузебая Герда, Ашальчи Оки с позиций требований общелитературных мировых критериев, в то время как в Ижевске еще было в ходу пущенное в оборот в 1930-х годах слово «гердовщина». Не случайно только в 1993 году книга была издана в Ижевске на русском языке. Только приходится сожалеть: насколько продвинулись бы литература и литературоведение не только в Удмуртии, но и в

других регионах, если бы уже тогда новаторские идеи венгерского ученого стали достоянием научной общественности в России. А на родине ученого сразу же, в 1975 году, была ей дана заслуженная оценка: «Исследование литературы финно-угорских народов – наименее разработанная отрасль финно-угорской филологии в Венгрии. Петер Домокош со всех точек зрения – пионер в венгерской научной жизни, заглянувший далеко за пределы своей страны. Он мужественно идет трудными путями.., впервые дает основательную, подробную и всестороннюю, почти не известную миру картину литературно-культурной жизни малого народа в ее цельности и впервые делает доступной для венгров и всей Европы духовную культуру удмуртов».

Важнейшая особенность исследования Петером Домокошем истории удмуртской литературы – смелая, правдивая оценка литературных процессов первой половины XX века, когда словесное творчество удмуртов в лице Кузебая Герда и его сподвижников достигло вершины, что затем было утеряно. Не менее значительно другое новшество – рассмотрение истоков национальной литературы, начиная с XVIII века, когда была издана первая удмуртская грамматика, зародилась письменность.

Этим подходом Петер Домокош показал себя ученым с широким историческим мышлением. Рассмотрение литературного развития на широком историко-культурном фоне оказалось весьма продуктивным. Именно с учетом названных здесь новшеств у себя на родине Домокош был назван «пионером в научной жизни», в то время как у нас ко всему этому отнеслись настороженно, движимые не преодоленными последствиями сталинской методологии «соцреализма».

В исследовании удмуртской литературы было заложено другое крупное научное начинание венгерского ученого: переход к рассмотрению в совокупности истории литератур малых уральских народов. Сравнительно-исторический подход давал потенциальную возможность комплексного изучения литератур группы родственных народов. Тем более параллельно углубленному изучению одной – удмуртской – письменности и литературы ученым проводилась и другая работа. Во-первых, выпущен сборник удмуртских сказок. Во-вторых, подготовлен и издан интересный сборник «Medveenek» («Медвежья песня») – «Маленькое зеркало литературы восточных финно-угорских народов» (1975). В нем бережно собраны произведения фольклора и профессиональной литературы коми, удмуртов, мари, мордвы, ханты и манси, саами, ненцев. В-третьих, издана хрестоматия-антология по уралистике – «Uralistikai olvasokonyv» (1977). Здесь поражает широкий географический и глубокий исторический фон, на котором соблюдено мудрое сочетание народной поэзии, исторических преданий, мифологии и профессиональной художественной литературы в лице лучших представителей художественного слова уральских народов.

Хотя всё это, изданное на венгерском языке, было в первую очередь адресовано венгерскому читателю, но находило заинтересованный отклик и у советских исследователей и зарождало стремление подхватить начинание и энтузиазм венгерского коллеги, пробуждало новые идеи и мысли.

Кроме перечисленного, строительными лесами и строительным материалом для задуманного и постепенно наполняемого фактическим материалом крупного исследования были и другие работы, расширяющие обзор не только литературной, но и общественной культурно-идеологической жизни родственных народов. Особенно примечательно в этом плане обращение к истории финно-угристики.

Заметным событием в мировом финно-угроведении стала книга, составленная совместно с другим видным венгерским ученым Петером Хайду – «Urali nyelvrokonaink» («Наши уральские родственники по языку») – 1978. Это – суммарное изложение прошлого и настоящего финно-угорского мира, много здесь материала об исследованиях и исследователях родственных народов, их литературе, культуре, языке, фольклоре.

Большая заслуга профессора Домокоша перед родственными народами – распространение знаний о них, об их культуре, литературном творчестве не только среди них самих, но и знакомство с ними широкой международной общественности.

В 1978 году на английском языке вышла книга «Uralic Studies and the Research of Literatures in Uralic Languages» («Исследования по уралистике и изучение литературы на уральских языках»).

В 1980 году появилась книга на французском языке – «Le Pouvoir du Chagnt. Anthologie de la poesie populaire ouralienne» («Антология уральской народной поэзии»). Здесь дано развернутое вступительное слово и довольно подробные заметки о поэтическом фольклоре каждого отдельного народа.

Итогом многолетних сравнительно-исторических и сравнительно-типологических исследований Петера Домокоша стала капитальная книга «Формирование литератур малых уральских народов» (на венгерском языке – Будапешт, 1985; на русском – Йошкар-Ола, 1993). Автор рассматривает изучаемые литературы по семи типологическим группам. При этом наибольшее внимание уделено группе, куда отнесены марийская, удмуртская, мордовская, коми, коми-пермяцкая литературы. Совместное рассмотрение всей совокупности уральских литератур – это не простое арифметическое сложение. Можно выделить в методологическом подходе автора две стороны. Первая – рассмотрение общих закономерностей рождения и развития национальных литератур. Вторая – рассмотрение каждой из них в системе типологических связей. К сожалению, подобный подход нашими литературоведами по-настоящему не освоен; литературные процессы рассматриваются в узких национальных рамках, изолированно, без сравнительного сопоставления. В методологии Петера Домокоша – будущее финно-угорского (и не только) литературоведения.

Не один раз в прошлые годы профессор огорчался, что в России его научные труды по-настоящему не востребованы. На самом деле, книги, изданные на языке оригинала в 1975 и 1985 годах, в России на русском языке увидели свет только в 1993 году. А сколько других ценных исследовательских материалов опубликовано в различных журналах, сборниках на разных языках. При нашем традиционно низком приобщении к иностранным языкам они остались и остаются вне поля зрения российских исследователей.

Петер Домокош внес большой вклад в изучение истории финно-угроведения. На X Международном конгрессе финно-угроведов в августе 2005 года в Йошкар-Оле не случайно первым прозвучал его основательный доклад «История и роль международных конгрессов финно-угроведов».

Петер Домокош стоял у истоков финно-угорского писательского объединения, он был членом первого оргкомитета. Огромен его личный вклад в проведение третьей Международной встречи в Эгере в августе 1993 года. Он был несколько лет председателем Ассоциации финно-угорских писателей. Профессор Домокош был консультантом Президента Венгерской Республики Арпада Генца во время его поездки по финно-угорским регионам России.

Научная, педагогическая, общественная деятельность Петера Домокоша занимает заметное место в финно-угорском сообществе. В 1996 году его коллега Ласло Клима справедливо написал о нем: «В наши дни деятельность ни одного другого ученого не играла такую большую роль в жизни малых финно-угорских народов». Уважаемый корифей, патриарх финно-угорского литературоведения и сейчас, через полвека после начала научной деятельности, находится в гуще жизни, в расцвете творческих сил.

Ksenofont Sanukov

PETER DOMOKOSH AND FINNO-UGRIC LITERATURE STUDIES

Traditionally, Finno-Ugristics was linguistically. 50 years later in 1958 in the 1st International Congress of Finno-Ugrists in Budapest young Hungarian researcher Peter Domokosh gave a talk about literature of Perm people. It was beginning of wideness of Finno-Ugric Studies including study of literature. Time passed comparatively-historical research of literature of related people became new direction in science. P. Domokosh has deeply studied history of Udmurt literature from new methodological position, and it is not interpreted in Udmurtia at once (Russian variant of the book published in 1975 was edited in 1993 only). The complex research of literature of small Uralic people became Domokosh's next coarse pitch to science of related people. Besides, scientist published books and great number of articles on history of Finno-Ugric studies including English book titled «Uralic Studies and the Research of Literatures in the Uralic Languages». He gave a talk «History and a role of international congresses of researchers of Finno-Ugric studies» on the X International Congress Finno-Ugrists in August in 2005.

«Финно-угроведение», 2008, № 2

Зоя Богомолова
Ижевск

СЛОВО О ЛИТЕРАТУРЕ УДМУРТИИ

Литература – благородное призвание,
но только тогда, когда она служит миру,
жаждущему просвещения и блага.
Хорхе Грили

Прошло более ста лет со времени создания Г.Е. Верещагиным первого художественного произведения «Чагыр, чагыр дыдыке...», ставшего любимой народом колыбельной песней. За эти годы литература Удмуртии вместе с народом, страной пережила периоды становления, обрела зрелость, став «многоликим зеркалом» отражения жизни. Творчество Г.Е. Верещагина – это материк художественной словесности, стоящий особняком в пору, когда еще профессиональная литература с развитием творчества основоположников (М. Прокопьева, М. Можгина, Кедра Митрея, К. Герда, Ашальчи Оки, Д. Майорова, ученых-просветителей) только набирала в «легкие» воздух, проходя «университеты» русской, советской, европейской классических литератур, утверждая свое направление развития, свой метод, стиль, связанные с историческими, политическими, социальными преобразованиями, постепенно становясь учебником жизни народа, его духовной основой.

Удмуртская литература возникла в последней четверти XIX века. Вот как символично это можно представить по прошествии времени: ночь, мгла, на небе ни звезд, ни луны, из хижины выходит высокий, молодой, полный творческих сил, красивый человек – Григорий Верещагин. Внимательно всматривается в даль – он ищет место на земле, чтобы проложить свою тропу. И вдруг на горизонте зажегся огонек, затем второй, третий – это Короленковские огоньки, которые осветили путнику пространство для того, чтобы он смог проторить дорогу к своему народу и к свету, знаниям, к людям мира. А позже ученый, эксперт Г. Верещагин и писатель-правозащитник В. Короленко встретятся на Мултанском судебном процессе, чтобы снять с удмуртского народа жестокую клевету.

Постепенно исторический и социальный мрак стал рассеиваться – появились лица, силуэты других первопроходцев: Кедра Митрея, Кузебая Герда, Ашальчи Оки, позже М. Петрова, М. Коновалова, Г. Медведева, Т. Архипова, Г. Красильникова, С. Самсонова, Ф. Васильева – классиков художественного слова.

Наступил 1917 год – революция, а когда «по военной дороге шел в борьбе и тревоге боевой восемнадцатый год», Кедра Митрей сражался за свободу и национальную независимость своего народа в рядах сибирских партизан, Иван Дядюков прошел боевой путь с легендарным Чапаевым. Один из крупных защитников удмуртской государственности (друг и соратник К. Герда) поэт, публицист, переводчик «Интернационала» Максим Прокопьев, участник первой мировой войны, воевал за советскую власть и погиб под Кунгуром. На разных фронтах гражданской войны воевал основоположник русской советской прозы в литературе Удмуртии Дмитрий Бор-Раменский.

А затем наступили годы бурного созидания духовной культуры и... репрессий – арестованы более тридцати писателей, многие погибли в ссылках и лагерях: Кузебай Герд, Кедра Митрей, М. Коновалов, Г. Медведев и др.

Когда же прозвучали на всю страну и на весь мир позывные: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой», более 30 писателей Удмуртии, надев шинели, пошли по огненным дорогам страны защищать Родину (пять из них погибли). Классик удмуртской литературы – поэт, прозаик, драматург М.П. Петров, участник битвы под Москвой, освобождавший Смоленщину, Прибалтику, бравший Кёнигсберг, в поэме «Песня не умрет», посвященной другу-поэту Филиппу Кедрову, погибшему в 1944 г. на фронте, писал:

Он лежал на снегу с потемневшим и строгим лицом,
В гимнастерке своей под скупыми лучами рассвета,
Как и в подвигах слава не может погибнуть с бойцом,
Так и песня поэта не может погибнуть с поэтом.

Перевод *Н. Грудининой*

Дальнейший путь удмуртской литературы ознаменован художественным осмыслением событий военного и послевоенного времени (роман «У реки Лудзинки» Т.А. Архипова, повесть «Перед рассветом» М.П. Петрова), открытием нового героя – воина-труженика, созидателя (романы и повести Г. Красильникова), утверждением главного, реалистического метода, цементирующего все жанры поэзии и прозы – изображения национального характера, национальной самобытности в исключительных исторических условиях. Это нашло отражение в поэзии и прозе участников Великой Отечественной войны М. Петрова, Т. Шмакова, С. Широбокова, Н. Байтерякова, М. Лямина, гражданская лирика и публицистика которых создали прочный фундамент для становления самобытного лирического голоса Ф. Васильева, позже В. Ившина, В. Романова, М. Федотова, а также поэтов, творчество которых формировалось на рубеже XX и XXI веков – В. Ар-Серги, С. Матвеева, П. Захарова, В. Шибанова. Здесь же следует назвать плеяду женских имен в поэзии, которые вслед за Ашальчи Оки открыли для российского читателя «мир женской души» (А. Зуева), мир души женщины-удмуртки – это А. Кузнецова, Т. Чернова, Г. Романова, Л. Кутянова, М. Гаврилова-Решитько и их современницы: Л. Нянькина, Л. Тихонова, Ю. Разина, из русских поэтесс Удмуртии – М. Зимина, А. Верина (Ф. Бушмакина) и др.

Организованный в 1934 году Союз писателей Удмуртии был и остается уважаемой общественной организацией. Им руководили талантливые поэты, прозаики, драматурги, критики: Кедра Митрей, М. Петров, И. Гаврилов, А. Лужанин, Г. Красильников, Ф. Васильев, Г. Перевощиков, А. Шкляев, С. Самсонов, О. Четкарев, ныне руководит народный писатель Республики Удмуртия Е. Загребин.

Книги удмуртских писателей нашли своих читателей и в республике, и за ее пределами, в России и за рубежом, а Дни удмуртской литературы и искусства (Москва, Тула, Чебоксары, Татария, Марий Эл) становились событиями огромного культурного значения. Основоположник советской литературы М. Горький на Первом съезде писателей СССР (1934) говорил, что необходимо начать ознакомление с культурами братских республик. Знаменательны его встречи с Кузебаем Гердом, Кедра Митреем, Михаилом Коноваловым, Григорием Медведевым.

Не случайно известные поэты и прозаики Удмуртии получили высокое почетное звание народного поэта и писателя (С. Широбоков, Т. Архипов, М. Лямин, Г. Перевощиков, А. Леонтьев, Г. Ходырев, и др.). Большинство из них стали лауреатами Государственных премий республики, почетными членами зарубежных академических и литературных обществ (Венгрия, Финляндия) Ф. Ермаков, В. Владыкин, Г. Перевощиков, А Шкляев, награждены орденами и медалями своей страны, литературными премиями и медалями финно-угорских стран: Г. Перевощиков, В. Владыкин, М. Гаврилова-Решитько.

Удмуртские писатели, независимо от исторических и политических перемен, не теряли своего общественного лица, оставаясь не только творчески, но и общественно-активными потому, что следовали высоким традициям классиков русской, советской и мировой литературы. Осмысляя их художественный опыт, создавали свои традиции («Традиции делаем мы, писатели», – говорил М.П. Петров), свою художественную систему, открывали миру менталитет своего народа, его образ жизни, духовную сущность, его обычаи и традиции.

Все мы, ныне здравствующие и те, «кого уж нет, а кто далече...», прошли трудный исторический путь, формируя своим творчеством государственное мышление народа, его нравственные принципы, созидая его духовную культуру, пережив революции (1905, 1917), репрессии (1937–1948), две войны, становление новой государственности, восстановление разрушенного войной 1941–1945 гг. хозяйства, перестройку, крушение общественно-политического устройства огромной державы, переход из одной социально-политической системы в другую, переход из одного века и тысячелетия в новый век и новое тысячелетие. И все это коснулось тех, кто стал классиками, и нас, живых свидетелей исторических перемен. Произошла ломка всех институтов общественно-государственного и культурного устройства, изменилось общественное сознание, психология общества.

Жизнь поставила нас перед выбором: разрушить ли дорогие идеалы, отказавшись от того, что было свято для нас и составляло наши убеждения, от созданного в 30-е и 40-е годы, в нелегкие послевоенные десятилетия, или остаться самими

собой, сохранить свои убеждения, веру в свои силы, веру в то, что «наше слово отзовется», что оно по-прежнему должно служить народу, а в этой службе главное – гражданственность, патриотизм, интернационализм, вера в идеалы добра, независимости и свободы, свободы социальной, свободы творческой, свободы слова.

По праву старшинства выражаю искреннюю признательность нашему писательскому сообществу за то, что мы сохранили наш Союз, не разделились по политическим и национальным воззрениям и по-прежнему остались вместе в рядах организации, в которой рука об руку работают удмуртские и русские художники слова, (17 лет при СП УР работает Федерация женщин творческих профессий), а теперь присоединилась к нашему Союзу и секция татарских писателей (декабрь, 2005).

Писатели Удмуртии, русские и удмурты, выдержали экзамен творческого содружества на прочность, незыблемость человеческих отношений потому, что мы нужны не только друг другу, но и тысячам читателей. Подчас не осознаем, как дорог нам наш Союз писателей. Это наше душевное пристанище, каковым для национальных литератур страны и русского зарубежья является Союз писателей России, который объединяет более девяноста Союзов страны, это порядка семи тысяч членов.

Время проверяет нас на стойкость. По большому счету, мы остаемся верны высоким морально-нравственным и гражданским принципам, но долг перед будущим, новыми поколениями остается главным и определяющим в последующей творческой жизни. За 74 года существования Союз писателей вобрал в себя эпохи, сцементированные историческими, трагическими и героическими событиями, время строительства нового государства, репрессии и Великую Отечественную войну, послевоенные годы и годы «оттепели», годы так называемого «застоя», перестройку и время нового государственного устройства страны и всех институтов духовной культуры, науки, образования: по словам Ч. Айтматова, когда обновляется история, обновляется и литература. С 1991 года в литературе Удмуртии появилось немало произведений мемориального жанра, книг Памяти, повестей и романов, поэтических сборников, отразивших коренные перемены нашего национального бытия, это книги – О. Поскребышева, Г. Перевощикова, О. Четкарева, В. Ар-Серги, А. Вериной, ученых-фольклористов Т. Перевощикова, Э. Тамаркиной, филологов А. Зуевой, В. Ванюшева, А. Шкляева, В. Пантелеевой, В. Захарова, В. Шибанова, Д. Черашней, Е. Подшиваловой, Г. Мосалевой, М. Серовой, Л. Федоровой, Т. Зайцевой, Н. Кралиной, известных лингвистов И. Тараканова, В. Кельмакова, а также этнографов, историков К. Куликова, Р. Голдиной, М. Ивановой, В. Владыкина, А. Шепталина, М. Гришкиной, Г. Никитиной, Л. Макарова и др.

И на все эпохальные события в России литература Удмуртии, в том числе и русские писатели, создавшие все жанры художественного творчества, начиная от Н. Дуровой, Д. Бор-Раменского, О. Поскребышева, В. Семакина, Н. Кралиной, П. Куляшова, П. Любомирова, В. Емельянова, В. Болтышева, А. Демьянова, В. Татаринова, А. Андреева, О. Хлебникова, В. Парамонова, Г. Иванцова, В. Созо-

нова, В. Чулкова, В. Глушкова, В. Захарова, М. Зиминой, В. Федорова, А. Вериной, как камертон откликалась на «звуки» жизни, вбирала в свое творчество судьбы людей разных исторических периодов, прогнозировала будущее, искала ответы на волнующие вопросы жизни, внося свой посильный вклад в многонациональную российскую словесность.

Наверное, только в малых национальных государственных образованиях, в содержании младо- и новописьменных литератур наиболее ярко и зримо предстает облик народа с его светлыми, героическими и трагическими страницами жизни, которая как солнечный луч отражается в безбрежном океане литературы страны, рельефно выделяя создающие неповторимый пейзаж небольшие островки. Огромная, многонациональная страна с великой многонациональной литературой состоит из таких океанских островков, но исчезновение одного из них изменит пейзаж: он утратит свою гармонию, совершенство. Так и в большой литературе: все ее молодые, младописьменные литературы, соединяясь, создают ее многоцветье, ее масштаб, ее величие, и среди них можем с гордостью сказать: литература Удмуртии занимает заметное место.

Хотя в годы репрессий невосполнимые потери понесли литературы союзных и автономных республик, областей, краев все-таки советская, а ныне российская литература и искусство остаются великими, всемирно известными и признанными. В Европе все чаще организуются многонациональные книжные ярмарки (Германия, Франция), в Москве – международные, Всероссийские выставки, на которых демонстрируются и книги наших писателей. Например, в связи с 200-летием со дня рождения А.С. Пушкина книга «Сказка о попе и о работнике его Балде», изданная на удмуртском (переводчик В.Н. Ившин) и русском языках, была удостоена литературной премии правительства Москвы и Диплома международного конкурса, под председательством С.В. Михалкова.

Годы перестройки внесли в общий литературный процесс страны организационную неразбериху, создалось множество союзов, их отделений, филиалов, не объединенных общей национальной и творческой идеей. К чести Союза писателей Удмуртии он сохранил свою цельность, состав членов его значительно возрос, оживилась работа литературных объединений в Глазове, Воткинске, Можге, Сарапуле, Ижевске (УдГУ), (ИжГТУ). Выходят серии книг «Память Удмуртии», книги Памяти, посвященные писателям-классикам, книги воспоминаний о них. Значительное место писателям Удмуртии отведено в энциклопедии «Удмуртская Республика» (2000, 2008), в словаре «Литература народов России: XX в.» (2005), изданным Институтом мировой литературы им. М. Горького РАН (авторы А. Зуева, В. Ванюшев). Увидел свет библиографический справочник «Писатели и литературоведы Удмуртии», составитель А.Н. Уваров. Следует высоко оценить двухтомную «Хрестоматию по истории Удмуртии» (2007), подготовленную Госархивом УР.

Нельзя не обратить внимание на сборники материалов Международных и Российских научно-практических конференций, например, сборник «Россия и Удмуртия: история и современность», посвященный 450-летию добровольного вхождения

Удмуртии в состав России, а также на традиционное издание сборников «Кормановские чтения» (7 выпусков), на серию сборников, изданных институтом Человека УдГУ, посвященных проблемам философии.

После длительного перерыва произведения удмуртских поэтов, критиков, прозаиков стали появляться в центральной периодике: в газетах «Литературная Россия» (В. Шибанов), «Литературная газета» (В. Ар-Серги), «Российский писатель» (З. Богомолова), в журнале «Дружба народов» (В. Ар-Серги). В настоящее время СП России (Н. Переяслов) готовит к изданию антологию поэзии Удмуртии. Книги воспоминаний об удмуртских писателях вызвали большой интерес. Некоторые из них – «Река судьбы» (2001) о М.П. Петрове – удостоена Всероссийской литературной премии им. братьев Киреевских. Президент УР А.А. Волков в 2001 году удостоен Диплома, подписанного Ю.В. Бондаревым, С.В. Михалковым, Р.Г. Гамзатовым, за помощь в издании книг «о певцах Удмуртии Кузебае Герде, Михаиле Петрове, за внимание к писательскому дару создателя классического автомата М.Т. Калашникова и за постоянную заботу о молодых дарованиях республики». Действительно, издание книги многих писателей: О. Поскребышева (три сборника), В. Ар-Серги, П. Чернова, книг Памяти о М.П. Петрове, С.П. Широбокове, юбилейных книг писателей, а также проведение творческих вечеров поддерживалось средствами из фонда Президента УР. Книга о выдающемся удмуртском композиторе Г.М. Корепанове-Камском «Музыка» – удостоена Диплома Международного музыкально-литературного конкурса «Вера, Надежда, Любовь» (Москва, 2005). В Москве, в издательстве «Голос-Пресс» вышла книга «Удмурты» (2005), посвященная 85-летию Удмуртской государственности и 450-летию добровольного присоединения Удмуртии к России (2008). Помимо экскурса в историю, этнографию, фольклор удмуртского народа, в книгу включена антология поэзии удмуртских и русских поэтов. Успешно прошли презентации книг Е.Е. Загребина и его юбилейный творческий вечер в Национальной библиотеке Удмуртской Республики (2005).

В начале XXI века появился ряд новых художественных и научных публикаций на страницах республиканских газет «Удмуртская правда», «Удмурт дунне» (подборки стихов, рецензии на книги и театральные премьеры, очерки о писателях). Изменилась к лучшему практика издания художественных, научно-популярных, документальных книг, а также книг-альбомов по искусству, учебников, хрестоматий, методических пособий для школ и вузов в издательствах УдГУ и особенно «Удмуртия». Издательство «Удмуртия» выпускает книги-очерки по истории и культуре Воткинского, Завьяловского, Граховского, Малопургинского и других районов республики. Предприняты выпуски книг новой серии «Адями. Писатель. Вакыт» («Человек. Писатель. Время») К 85-летию издательства «Удмуртия» вышла книга К.Н. Дзюиной «Национальное книгоиздание Удмуртии: страницы истории и современность», ставшая своеобразной энциклопедией, в которой представлены страницы истории издательства, прослежен его путь от начала 20-х годов XX века до первых лет нового столетия.

Следует отметить книгу народного писателя Удмуртии Г. Перевощикова «Шелеп» («Жестокосердие»), о трагических событиях первых лет перестройки. За нее Г. Перевощиков удостоен престижной премии им. М. Кастрена (Финляндия). Нельзя не отметить и выход книги известного журналиста Е. Ламбина «Трагическая повесть», тоже повествующей о перестройке и ее драматических обстоятельствах. Особняком в большом издательском деле – выход девяти томов книги «Феномен Удмуртии», предпринятый доктором политологических наук С.К. Смирновой и ее соратниками: В.Е. Владыкиным, К.И. Куликовым, К.А. Пономаревым, Ю.В. Семеновым, Л.С. Христолюбовой и др.; автор проекта М.Н. Губогло. Планируется издать двенадцать книг. Книги «Феномен Удмуртии» – это широкая панорама современной жизни республики в историческом, политическом, культурном, социальном аспектах. Кстати, в связи с юбилеем поэта, этнографа, доктора исторических наук В.Е. Владыкина в 2003 году вышла его необычная книга «Мон» («Я»), в которой события литературной, общественной, личной жизни изображены на фоне новой истории. Увидела свет и новая уникальная книга на трех языках В. Владыкина «Мы – удмурты. Здравствуйте!» (2007). Не менее интересна книга народного писателя Удмуртии Е.Е. Загребина на удмуртском и русском языках «Яратонэ тон, вожанэ...» («Любовь моя, ревность моя...»), куда вошла повесть, давшая название книге, очерки о деятелях культуры, театра. В ней все свежо, романтично, сюжетно увлекательно. В удмуртской литературе впервые глубоко исследована душа любящей женщины, жизнь которой трагически оборвалась. Радует и немалое количество поэтических книг, вышедших в издательстве «Удмуртия». Это «Узел голосов» (2001) В. Ившина, «Фиолет» (2003) С. Матвеева, «Прямая речь» (1998) Г. Иванцова, «Русская зима» (1998) В. Емельянова, «От росы до росы» (2005) А. Ельцова, «Порадевшая миру душа» (2003) и «Когда перевожу стихи друзей...» (2005) О. Поскребышева; «Осеннее равноденствие»(2006) А. Вериной и др.

Событием литературной жизни стал выход шести томов поэзии и прозы классика удмуртской литературы Кузебая Герда, подготовленных (составление, предисловие, комментарии) профессором Ф.К. Ермаковым, нескольких книг, методических пособий, адресованных учителям школ. Новое слово в литературоведении и музыковедении сказала книгой «Содружество двух муз» (2004) кандидат филологических наук Е.Г. Красновская. Впервые на теоретическом уровне прослежена связь профессиональной поэзии и музыки, их взаимопроникновение. Заметным явлением стали также книги М. Гавриловой-Решитько «Эшъяськонлэн шунытэз» («Тепло дружбы»), Э. Борисовой «Напряду из сердца строки...» (2004). В издательстве «Инвожо» вышла книга молодого поэта и литературоведа, автора нескольких книг А. Арзамазова «Эскизы, статьи, рецензии, эссе, стихи» (2005), в которой сделана интересная и небезуспешная попытка по-новому взглянуть и оценить историю развития литературоведческой и критической филологической мысли в Удмуртии. В «копилку» республиканских библиотек, в науку – историю, фольклористику, археологию, литературоведение, искусствоведение – вошли разнообразные по жанру книги, подготовленные сотрудниками Удмуртского института истории, языка и ли-

тературы УрО РАН, руководимого доктором исторических наук К.И. Куликовым, автором нескольких десятков книг, среди которых выделяется монография о великом полководце М.И. Кутузове «С этой минуты Россия спасена!» (2001). Не менее значима попытка коллектива ученых института создать «Историю Удмуртии» в трех томах (издано два).

Событие в культурной жизни Удмуртии – издание девятитомного собрания сочинений Г.Е. Верещагина, посвященного 150-летию со дня его рождения, при непосредственном участии доктора филологических наук В.М. Ванюшева. Научные сотрудники института планируют издать 16 томов первопроходца удмуртской литературы Г.Е. Верещагина, занявшего одно из почетных мест в финно-угорской духовной культуре.

Следует отметить интенсивную творческую жизнь в городе Глазове. В настоящее время решается вопрос об организации там филиала СП Удмуртии. Инициативу проявляют литературовед В.В. Захаров и поэт Л.Ф. Смелков. С литобъединением в Глазове, как и в Воткинске, Можге, Сарапуле активно работает поэт В.И. Глушков. В последние годы в Глазове увидели свет разные по жанру книги: альманах «Берег», сборники стихов Л.Ф. Смелкова и других, четыре выпуска творческих биографий выпускников ГГПИ, последний из которых «Флор Васильев – поэт со свечой в душе», а также книга рассказов журналиста и талантливого прозаика Н. Вершининой «Не первой свежести» (2005).

Нельзя не отметить и выход в свет в московских издательствах документально-художественных книг Главного конструктора стрелкового оружия, дважды Героя Социалистического Труда, члена СП РФ М.Т. Калашникова, книги-альбома «М.Т. Калашников – это мир» и др., а также издание Камским институтом гуманитарных технологий и благотворительным фондом им. М.П. Петрова литературно-художественного и публицистического журнала «Италмас», предпринятого академиком В.А. Никулиным (вышло два номера).

Библиотека научно-публицистической литературы Удмуртии пополняется юбилейными, прекрасно оформленными изданиями: «Мы шли к Победе трудным путем» (2005), книга-альбом «Россия. XXI век. Художники Поволжья и Урала» (2003) из серии «Путь созидания», в который вошли репродукции работ художников Удмуртии Ф. Матанцева, П. Ёлкина, В. Кононова, М. Гарипова, П. Семенова и других.

Заметным явлением стали монументальные книги доцента УдГУ А.А. Шепталина об истории и современности старинного города Сарапула, а также книги-исследования о взаимодействии русской и удмуртской литератур профессора Н.С. Витрука, как и предпринятое им издание серии книг классиков русской поэзии на удмуртском и русском языках (издательство «Удмуртия»). Вышли произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, С.А. Есенина, а также его работы о В.Г. Короленко.

Достойна пристального внимания читателей новая книга доктора филологических наук, протодьякона М.Г. Атаманова «К Источнику жизни» (2005), изданная

на двух языках, юбилейная книга Р.А. Анкудиновой «Чипчирган» звучит в душе моей» (2008), а также книга трагически погибшего поэта и журналиста Эрика Батуева «Ночная радуга» (2005), продолжившая серию «Человек. Писатель. Время» (изд-во «Удмуртия»). Сколько бы ни выходило книг – оценка им одна: мастерство писателя, его роль и место в общем литературном процессе, понимание им своего долга перед народом, обществом, историей. В свое время Шарль де Голль писал, что в литературе, как и во всем, талант – это символ ответственности. А великий французский поэт и романист Виктор Гюго утверждал, что литература – это руководство человеческого разума человеческим родом.

Современность требует от писателя разумного, даже рационального подхода к явлениям жизни, понимания того, что каждая созданная им книга должна открывать истоки, настоящее и завесу будущего, освещать новому поколению дорогу в завтра, помогать понять, оценить с позиции высокой нравственности время, в котором он живет. К счастью, по оценке политологов, по общественному мироощущению, по настроению художников слова можно судить о том, что в нашей жизни происходят перемены к лучшему, что сказывается на писательской творческой активности, на количестве и качестве издаваемых книг (имеется в виду истинная художественная словесность), хотя бы в главном издательстве республики. В последнее время оживилось и издание общественно-политической литературы: изданы семь выпусков книги о ветеранах войны и труда, 9 томов Книги памяти о погибших в Великой Отечественной войне, Книга памяти жертв политических репрессий (2001).

С приходом нового руководства издательства «Удмуртия», а также с некоторым государственным финансированием и спонсорской помощью благотворительного фонда ТНК-ВР «Родниковый край», Президента УР, Госсовета УР, Министерства национальной политики, мэрии города Ижевска, администрации некоторых районов, с улучшением качества полиграфических работ и художественного оформления положительно изменились обстоятельства выхода книг (количественно и качественно) на удмуртском и на русском языках.

Zoya Bogomolova

WORD ABOUT UDMURT LITERATURE

In the article it is tracked the main moments of the development of Udmurt literature in the Udmurt and Russian languages from the source to the present. The author of the article gives attention to survey artistic, social-political, publicistic, literary, memorial and other books published last years by the publishing house «Udmurtia».

Мария Примечаева
Йошкар-Ола

НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МАРИЙСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Россия – одно из самых многонациональных государств, в котором разные этносы соседствуют и взаимодействуют на протяжении многих веков. На большинстве территорий современной Европейской части Российского государства за несколько тысячелетий до прихода славян проживали народы финно-угорской языковой семьи. Одной из наследниц архаической культуры финно-угорских племен является культура народа мари. Мифологические представления финно-угров сформировались в эпоху их общности (примерно III–I тыс. до н.э). Выделение древнемарийских племен произошло во второй половине I тысячелетия нашей эры (1, с. 5). Определенные трудности в реконструкции мифологической картины мира создаются особенностями исторического развития народа мари, а именно влиянием на него соседствующих на протяжении многих веков тюркских и славянской культур. В результате социокультурного развития сформировался самобытный культурный феномен, являющийся одним из самых древних по своему происхождению.

В XXI веке актуализировалось значение информации, которая приобрела междисциплинарный характер, охватывая практически все сферы науки. Информация и знания становятся решающими переменными постиндустриального общества по причине того, что информация становится источником стоимости. Более того, как следствие, так называемый «информационный ресурс» обеспечивает власть, и, следовательно, свободу. Знания и информация в значительной степени обеспечивают развитие постиндустриального общества. Поэтому закономерной тенденцией становится актуализация проблемы безопасности информации. В философском обороте понятие «информация» приобретает более широкое значение. Она не может быть передана, принята или сохранена в чистом виде, носителем ее является сообщение. Таким образом, информация не воспринимается сама по себе, а только через использование носителя, которым может быть очень многое – от звука, знака до физических изменений. Информация представляет собой сложноорганизованную систему. Свойство мозга отражать и познавать внешний мир является важнейшим звеном в развитии процессов, связанных с передачей и переработкой информации. Для формирования оптимального функционирования субъективная система долж-

на постоянно приспосабливаться к непрерывно изменяющимся внешним условиям, исследуя, изучая и познавая эту среду путем обобщения и переработки как внешней, так и своей внутренней информации, в результате чего в системе формируется своеобразная динамическая матрица информационной модели внешнего мира.

Под системой следует понимать также и культуру этноса, являющуюся носителем информации о народе. В узком смысле культура является инструментом приспособления человека к реальности, формирующим адекватное поведение личности в окружающей среде, и выступает важнейшим фактором формирования особенностей, в том числе этнических, мировоззрения индивидуума. Носителем информации в сфере культуры выступает язык, образ, символ. Передача накапливаемой информации от поколения к поколению осуществляется посредством устного народного творчества (мифы, сказки, легенды, сказания, былины, песни, пословицы и поговорки), через прикладное искусство, танцы, музыку, большую роль играют обычаи и традиции, оказывающие влияние на формирование особенностей этнической картины мира.

В рамках простого информационного подхода этнос выступает как система, функционирующая по определенным законам, обладающая рядом уникальных признаков, исследование которой необходимо проводить комплексно. Ближе всего, на наш взгляд, к решению задачи понимания эволюции внутриэтнических мировоззренческих процессов подходит психологическая антропология, которая различными методами описывает этнические особенности народа и показывает, как эти особенности определяют поведение членов того или иного народа. Необходимо учитывать и достижения культурной экологии (изучающей адаптивные свойства этносов и процессы культурных изменений), культурологии и традиционалистики, изучающих среди прочих проблем «распределение» культуры среди ее носителей, процессы культурных трансформаций, содержание постоянных компонентов культуры (ее «центральной зоны») и периферийных ее компонентов, структуру культурной традиции и механизмы ее изменений, а также некоторые из проблем, обычно изучаемых в рамках социологии, конфликтологии, теории модернизации. Историческая этнология изучает изменения в истории народов, которые обусловлены закономерностями функционирования этноса: внешние формы их выражения, причины, механизмы и особенности протекания. Другими словами, историческая этнология изучает механизмы и закономерности функционирования и трансформации этнических общностей, которые наряду с экономическими, культурными, геополитическими и т.п. влияют на ход истории.

Наиболее ёмко целостную культурную единицу отражает понятие этнос. Длительное время в этнографической науке ведущей была концепция этноса академика Ю.В. Бромлея. Этнической общностью, которую Бромлей называл этникосом, является, как он считал, «исторически сложившаяся на территории устойчивая многопоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований

(самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» (2, с. 540). При эволюционно-историческом подходе в исследовании этноса он понимается в широком смысле слова как этносоциальный организм, который представляет собой сочетание собственно этнических элементов с условиями их складывания и функционирования. В рамках исторической этнологии понятие «этнос» употребляется, когда речь идет об особого рода социальной системе, которая кроме общих социологических закономерностей имеет внутреннюю особую логику развития. Этнолог С.В. Лурье вводит понимание этноса как социальной общности, которой присущи специфические культурные модели, обуславливающие характер активности человека в мире, и которая функционирует в соответствии с особыми закономерностями, направленными на поддержание определенного уникального для каждого общества соотношения культурных моделей внутри общества в течение длительного времени, включая периоды крупных социокультурных изменений (3, с. 41). Оба определения представляются правомерными, но выделение С.В. Лурье социального аспекта и введение критерия наличия культурных моделей в этносе являются важными дополнениями к определению Бромлея.

Существуют закономерности, обусловленные тем, что этнос обладает внутренними механизмами, обеспечивающими его устойчивость. Стабильность этнической культуры обеспечивается также ее внутренней структурой, скрепляющей данное сообщество и предохраняющей его от распада.

При культурологическом подходе, понятие «этнос» используется в качестве культурной единицы. Традиция понимается как комплекс культурных парадигм, крепко сцепленных одна с другой и представляющих собой устойчивую целостность, которая может принимать в зависимости от внешних условий различные формы выражения. Следовательно, этнические традиции выражают идейно-сущностные константы миропонимания народа, в соответствии с которыми происходит бытийствование. При изучении динамики эволюции развития этноса главенствующее и определяющее место занимают этнические традиции.

Традиционная культура является главным носителем информации об этносе, поэтому, говоря о сохранении этноса, мы в первую очередь предлагаем бережное отношение к традиционной культуре. Важно определить содержание и границы данного понятия. В литературе термин «традиция» имеет несколько значений, причем, значений порой взаимоисключающих. Встречается понимание термина «традиция» в узком значении, как закостеневшее наследие прошлого, которое в принципе мало изменчиво, не гибко. Так, этнолог А. Ройс предлагает вообще исключить понятие «традиция» из этнологического словаря, считая, что оно ассоциируется с застывшими формами, косностью (3, с.43). Иные исследователи, как, например, С.Н. Айзенштадт, рассматривают традицию, как нечто, находящееся в процессе постоянного изменения, считая, что традиционное общество постоянно меняется, и изменения эти могут быть как малыми, так и глобальными, связанными с трансформацией всего социального каркаса общества. По его мнению, в традиции присутствуют в двуединстве креативная (творческая) и консервативная составляю-

щие. Однако характер изменений в традиционном обществе не произволен, он задается традицией изнутри. Для объяснения своего понимания термина «традиция» С.Н. Айзенштадт прибегает к предложенной в начале шестидесятых годов Э. Шилзом концепции «центральной зоны культуры» – неподвижного, неизменяющегося стержня культуры, вокруг которого сосредотачивается подвижная, изменчивая культурная «периферия» (4, с. 253). Определение С.Н. Айзенштадта представляется более оправданным и объясняет как целостность, так и разнообразие и изменчивость традиционной культуры. Пользуясь ими и смотря на трансформацию, мы с достаточной степенью достоверности можем идентифицировать этническую составляющую той или иной традиции.

В бытовой разговорной речи слово «традиция» нередко употребляется в одном ряду с «обычаем», «ритуалом», «обрядом». Другими словами, традиция – то, что принято людьми с незапамятных времен и устойчиво повторяется, воспроизводится в потоке времени. В этнографии термин «традиционная» обычно рассматривается как синоним слов «народная», «фольклорная». Большинство фольклористов и этнографов полагают, что традиционная культура должна пониматься, прежде всего, как особая семиотическая система, возникшая в дописьменную эпоху (5, с. 105–115). Таким образом, в контексте заданной темы вполне оправданно говорить и вести исследование и традиционных, и инновационных элементов культуры.

До середины XX века некоторыми исследователями традиция рассматривалась в большинстве случаев, как нечто консервативное, препятствующее развитию общества. Вместе с тем, однозначно положительно оценивались процессы модернизации. Но многие ученые (например, американский востоковед Л. Пай и др.) обоснованно утверждали, что процессы модернизации на деле оказываются бесконечно более сложными, чем предполагают существующие подходы. По их убеждению, нередко вынужденная модернизация, вместо того, чтобы приводить к общественному прогрессу, может вызывать широкий спектр глубоких разрушительных реакций, грозящих нарушением идентичности индивидов, препятствующих их способности к человеческим и социально-политическим отношениям, парализующих общественную активность (3, с. 171). В новейшее время, особенно в начале XXI века, наблюдается положительная тенденция сохранения и восстановления традиций, поиск ценностей и нравственных идеалов в архаической культуре.

В настоящем исследовании мы исходим из близости понятий «этнос» и «традиция», которые тесно взаимосвязаны. В нашем контексте «особенности этнического сознания» – это «традиционное сознание» этноса. Касаясь проблемы этнического сознания, мы должны особо оговорить следующий вопрос. Когда мы говорим о традиционном сознании этноса или этническом сознании, то слово «сознание» употребляем в какой-то мере условно, поскольку мы имеем в виду не только сознательные, но и бессознательные установки членов этноса. Традиция выражается в менталитете народа, который является динамическим понятием. Так, историки Л.Н. Пушкарев и А.А. Горский в определении понятия «менталитет» средствами русского языка использовали два дополняющих друг друга термина: «мировоспри-

ятие» и «самосознание». Первый из них подразумевает не только картину мира, существующую в сознании человека, но и активное восприятие, включающее в себя элемент двусторонности: мир воздействует на человека, а человек в соответствии со своим восприятием мира строит свое поведение в нем. Термин «самосознание» подчеркивает осознание человеком своего места и роли в окружающем мире и обществе (6, с. 3). Кроме того, что не менее важно, менталитет понимается и как основа для самоорганизации общества, и как каркас для культурной традиции: «В образном виде менталитет можно представить строительной конструкцией, фундамент которой – сфера «коллективного бессознательного», а крыша – уровень самосознания индивида. Структуру менталитета образуют «картина мира» и «кодекс поведения» (7, с. 4). Говоря о менталитете марийского народа, мы должны рассматривать как мировоззренческие константы, так и основанные на них нормы и правила поведения.

Общечеловеческий социально-психологический уровень этнического мировосприятия связан с базисными потребностями, которые в основном сходны в разных культурах. Здесь присутствуют «вечные» идеалы, ценности, фиксирующие отношение людей к различным сторонам их бытия. Развитие рациональных форм мышления приводит к приспособлению мифологического сознания к современным реалиям, и как следствие формируются модернизированные, неявные формы мифологем в устном народном творчестве. Мифологические символы традиционного мировосприятия, вытесняемые научными фактами, переходят в коллективно-абстрагированное бессознательное, не теряя при этом силы своего влияния на членов этноса, например, главным богом у народа мари был и остается вездесущий Юмо, в силе которого марийцы-язычники не сомневаются и до сих пор.

Традиционное и инновационное принято считать двумя составляющими культуры. Именно в традициях (религиозных, духовных, материальных, художественных и других) многообразные элементы культурного наследия – всевозможные ценности, нормы, обычаи, идеи, мифы, обряды, фольклор и т.д. – сохраняются и передаются от одного поколения к другому. Одним из первых в новоевропейской философии о диалектике взаимоотношений между традицией и новацией в культуре писал И.Кант. В «Критике способности суждения» (8, с. 236) он искал устойчивые образцы вкуса в латинском языке. При этом устойчивость традиции в словесности и грамматике для И.Канта предполагала не только противостояние нововведениям, но и определяла сам способ изменения оценки суждений вкуса. Культура вкуса сконцентрировалась в традиции, где время «свернулось» в определенную целостность. Устойчивость предполагает возможность адекватного введения новых элементов в тезаурус культуры. Известные российские методологи С.С. Неретина и А.П. Огурцов, оценивая взгляды великого немецкого философа, писали: «Традиция, следование древним образцам предстает как образец вкуса, как способ оценки нового в настоящем времени, как способ постижения культурных инноваций и как форма саморефлексии культуры» (9, с. 240). Тем не менее, до настоящего времени дискуссионным остается вопрос о трансформации традиционной культуры. Несом-

ненно, что культура является показателем состояния социальной реальности, но именно традиционная культура сохраняет духовные ценности и идеалы, иногда меняя форму, но практически никогда – содержание.

Этническая культура включает в себя, помимо материальных особенностей, прежде всего, духовные ценности, мировоззренческие идеалы, способы ориентации в социокультурном пространстве, которые закреплены как в предметах материального бытия, обрядах, так и в менталитете представителей данного этноса. Отсюда следует, что именно традиция является универсальной формой фиксации, закрепления и передачи из поколения в поколение тех или иных элементов этнического культурного наследия, общего социокультурного механизма, обеспечивающего преемственность в культуре. В современной же философии гуманитарного направления (Х. Ортега-и-Гассет, Г. Померанц) все более утверждается мысль, что традиции – это не только устойчивый «каркас» этноса, но и основа, главная составляющая его обновления. Современная глобализация обостряет проблему взаимодействия традиционной этнической культуры и процессов модернизации общества.

В последнее время теорию ассимиляции как финальной фазы в развитии этносов и их культур в науке сменила новая парадигма, а именно теория «этнокультурного плюрализма», которой придерживается автор. Стереотип о преходящем чувстве этносоциальной принадлежности заменен сегодня на прямо противоположный тезис о возрастающей роли этнической идентичности в условиях глобализации. Этнонациональная культура, на наш взгляд, вполне справедливо рассматривается сегодня как один из важнейших источников творческой энергии людей.

Новшества, с точки зрения социокультурного подхода, даже если они рационально оправданы фактами объективной реальности, тем не менее, могут приводить к дестабилизации, неупорядоченности этнической целостности. Способность этноса включать в себя новшества и при этом сохранять этнические идентификационные особенности определяется в первую очередь устойчивыми культурными элементами. Традиция – это не только «запретительный», ограничивающий и стабилизирующий элемент культуры, но и базис, «катализирующий» момент процессов обновления этносоциума. Особое значение здесь приобретают этнокультурные традиции.

На примере культуры народа мари можно проследить общую динамику рассматриваемых процессов, происходящих у малочисленных народов России. Одной из главных тенденций развития современного мира является глобализация, которая является не только генератором глобальных проблем в мире, но и несет отрицательный заряд в виде культурной унификации, нивелировки особенного, трансформации отдельных элементов в общее (10, с. 428). Проблема культурной унификации – это проблема не только марийского народа. Понятие народ включает в себя целый ряд признаков: культуру, религию, язык, территорию, историческое прошлое и др. Потеря даже одного из этих элементов может привести к активизации ассимиляционных процессов. Культурные особенности этноса, народа, нации заключены в традиции, которая по своей сути является накопленным веками опытом пред-

шествующих поколений по гармонизации человеческого бытия. Народ мари на протяжении многих веков сохраняет самобытную культуру, язык, особенности мировосприятия, поступательно увеличивается в численности и потому обоснованно становится объектом пристального внимания со стороны ученых.

В этой связи в исследовательских целях актуализируется необходимость вычленения ядра архаической культуры. Уникальные духовные традиции марийского народа представляют не только несомненную исследовательскую ценность в российском культурно-историческом пространстве. Весьма актуальной представляется проблема философского осмысления культурного наследия марийского этноса, определение четкой методологической позиции и выработка научно-методических критериев для анализа накопленных материалов. Выкристаллизовалась проблема проведения четкой границы между традиционными и модернизированными элементами культуры. Сложность для исследования ядра традиционной духовной культуры заключается в том, что марийская культура относится к дописьменным. Первые описания встречаются в сочинениях А. Олеария, С. Герберштейна и др., исследования традиций и обычаев начались лишь в XVIII веке после открытия в 1725 году Российской академии наук, в описаниях народов Поволжья исследователями Г.Ф. Миллером, И.Г. Гмелиным, И.П. Фальком. В XIX веке было положено начало изучению отдельных народов России в работах А.А. Фукс, С.М. Михайлова и др. Значительным исследованием культуры и быта народа мари в дореволюционной этнографии является монография профессора Казанского университета И.Н. Смирнова «Черемисы», опубликованная в 1889 году в Казани.

Издревле использовались в основном устные средства транслирования многовекового опыта, заключенного, часто в символической форме, в мифах, обрядах, фольклоре. Реконструкция мифоязыческих представлений о мире у народа мари носила и зачастую носит интерпретационный характер и потому велика доля субъективности трактовок и оценок. Например, этнофутуризм, который в последнее время развивается как художественное направление, имеет мало общего с традиционной культурой народа мари. Первая небольшая выставка молодых финно-угорских художников-этнофутуристов прошла в 1990 году в Йошкар-Оле. Данное художественное направление следует рассматривать вне рамок традиционной культуры, так как в нем иногда прослеживается искажение смыслов. Поиск символов производится зачастую не путем изучения традиционной культуры, а с помощью эзотерических практик. Изучение глубоких пластов сознания личности в рамках искусства и психологии, безусловно, интересно, но не может являться общенаучным методом.

В условиях деидеологизации постсоветского пространства образовался идеологический вакуум, заполнить который пытаются религиозные организации различного толка. Одной из таких идеологий является неоязычество. В последние десятилетия в научный оборот вводится понятие «неоязычество», фиксирующее не столько синкретическую, сколько эклектичную идеологию, сформированную на

общей базе языческих верований разных народов страны. Как правило, неоязыческая платформа включает в себя социально-политический аспект, который отсутствует в традиционных религиях. Неоязычество – одно из современных направлений духовно-религиозных исканий; на наш взгляд представляет искусственное возрождение дохристианских форм мировоззрения в поисках современной модели гармоничного взаимодействия с природой и обществом. Среди причин возникновения неоязычества в России можно выделить, во-первых, активизировавшийся в последние десятилетия поиск национальных корней и национальной идеологии. В условиях идеологической фрустрации разнообразные верования и учения, наряду с традиционными религиями, стремятся заполнить пустоту, возникшую после крушения советской идеологии. Во-вторых, своеобразным катализирующим фактором, вызывающим защитную реакцию, выступает культурное, политическое и идеологическое влияние глобализирующих процессов западной культуры. В-третьих, причиной популяризации неоязыческих верований является стремление противодействовать ряду негативных тенденций в развитии общества: урбанизация, нездоровый образ жизни в мегаполисе, отчуждение от природы и т.д.; сокращение геополитического пространства этноса и угроза биологической деградации; коммерциализация культуры, индивидуализация социума и т.д. (11, с.20–26). Неоязычество активно начало формироваться в последние десятилетия и потому еще недостаточно исследовано. Материалы по данному вопросу в основном содержатся в публицистических и редко в научных статьях.

Термин «неоязычество» еще недостаточно утвердился в научной терминологии, но представляется достаточно подходящим для описания феномена социокультурной реальности. Неоязычество – это своеобразная новаторская идеология, сформированная в наше время на базе традиционных языческих представлений. Следует различать понятия «язычество» и «неоязычество». Неоязычество носит достаточно синкретический характер компилятивного свойства, сочетает в себе черты политеизма, пантеизма, зороастрийской мифологии и восточных учений.

Например, в славянском неоязычестве утверждается культ языческих, дохристианских кумиров, обряды которого частью вынесены из научных этнографических трудов (например, академика Б. Рыбакова), неоархаического апокрифа-мистификации «Велесова книга», заимствуются элементы из капитальной работы Дж. Фрезера «Золотая ветвь» и других, используются образы русских былин и сказок, частично используются мифы народов мира, начиная с древнегреческой мифологии, дополненные фантазией современных волхвов.

«Возрождение Руси» в идеологии неоязычников по сути означает заключение самого русского народа в некую этнокультурную резервацию. Именно культурная резервация является единственным итогом подобных радикальных идеологий. В этом заключена опасность для традиционной культуры, которая может быть исключена из мирового информационного культурного поля.

В конце 80-х годов XX века в республике Марий Эл появилось социально-политическое движение, призывающее отказаться от христианства и вернуться к тра-

диционному язычеству («чимарий вера»). На наш взгляд, основной причиной появления данного явления стали стихийные поиски идеологической опоры в условиях нестабильного политического положения внутри страны. Судить об этом можно по политическим методам и целям, которые преследовали «строители» новой идеологии, пропагандируя порой национальный экстремизм. На наш взгляд, анализ состояния социума, отраженный в имеющейся литературе, требует разграничения понятий «национализм» и «национальный экстремизм». В отечественной духовной традиции патриотизм подразумевает вертикальную связь человека собственно с Родиной, понятие которой, естественно, не сводимо ни к конкретным людям, ни ко «всем вместе», она «приподнята» как некое божество. Национализм же формирует горизонтальную связь между людьми, опосредованную национальными символами, предполагающую солидарные действия, требования друг к другу, в том числе элиты и «простого народа», их взаимную ответственность. Философ Ильин, на наш взгляд, вполне справедливо указывает, что здравый национализм в нашем понимании может быть одной из составных частей патриотизма (12, с. 105). Правомерно говорить о национализме, когда речь идет об уважении к своей культуре, и использовать понятие «национальный экстремизм», когда своя культура ставится выше остальных.

Причины появления идеологии неоязычества на почве марийской традиционной религии видятся не только в социально-политической сфере, но и в сфере психологии. Человек стремится освободиться от репрессивных механизмов цивилизации и ограничений традиционных религий, найти альтернативный мир, в котором мог бы в современном обществе существовать свободно и непротиворечиво. Фундаментальным представлением неоязычников является пантеизм. Одна из причин тяготения к нему видится в том, что христианский монотеизм требует слишком мощного напряжения духовных сил, которое психологически стало восприниматься как насилие над суверенным эго. Прогресс отрывает городского жителя не только от природных, но и от народных корней. Космополитическая цивилизация наступает, границы национальной идентичности размываются, что и приводит к поиску гармонии и идеалов духовности в природе.

Важную роль в сфере культуры играет государственная политика, одним из направлений которой является сохранение обычаев и традиций коренных народов России. Граница пересечения политической и духовной сфер общества зачастую оказывается довольно зыбкой, что приводит к использованию идеи сохранения этноса как политический лозунг для достижения власти. На наш взгляд, сегодня нет веских оснований говорить об ущемлении прав приверженцев марийского язычества. В Республике Марий Эл ежегодно проводятся языческие моления, священные рощи и другие природные сакральные комплексы занесены в список охраняемых объектов, в межконфессиональных дискуссиях по вопросам духовного развития общества принимают участие представители Русской Православной Церкви, представители ислама и традиционного марийского язычества, что свидетельствует о диалоге культур.

Молодежь объективно является наиболее восприимчивой к трансформации частью населения, однако, в наименьшей степени в сфере религиозного сознания. Основанием обращения к язычеству среди молодежи может, пожалуй, выступать тот факт, что миф предлагает универсальные решения, так как свободен для интерпретации и толкований смыслов. Об этом еще Бердяев, рассуждая о духовных пристрастиях человека говорил: «Человек этот согласен временами принять какую угодно религию, любую форму язычества, религию Вавилона и дионисизма... но только не христианство. В этом отвращении от христианства есть что-то странное и таинственное. Особенно охотно человек нашей эпохи становится пантеистом... Пантеизм и пантеистическая мистика уживается и с позитивизмом, и с атеизмом, и с марксизмом, и с любым учением современности» (13, с. 327).

Наряду с неоязыческим движением, в сфере традиционной марийской культуры можно заметить тенденции к продолжающейся ассимиляции, разрыву наследования обрядов и верований, естественному сокращению людей старшего поколения – живых носителей традиционной культуры. Эти явления потенциально способны привести к замещению и потере исконно марийских элементов культуры в религии, искусстве, быте. В связи с этим необходимо предпринять ряд мер по анализу и фильтрации существующих материалов для четкого разграничения исторических элементов традиционной культуры народа мари от нововведений и внешних влияний. Встает вопрос о сохранении исконных элементов марийской традиционной культуры.

Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что в марийской духовной культуре исторически сформировался особый религиозный феномен – двоеверие. За сотни лет христианизации языческие верования тесно переплелись и гармонично объединились с православием. Христианизация Марийского края повлияла на формирование современных мифоязыческих представлений народа мари. В ходе эволюции религиозных представлений некоторые христианские праздники вошли в быт крестьян. Например, в материалах исследователя марийского фольклора В.А. Акцорина содержится большое количество сказаний и легенд, где одними из главных героев выступают библейские личности: Христос, Моисей и др. (14). Поэтому актуальной представляется проблема идентификации собственно марийских обрядов, верований, мифологических представлений.

Несмотря на внешние влияния, марийское язычество следует относить к традиционным, а не к модернистским верованиям, поскольку оно сохраняет древнейшую глубинную основу, претерпевая изменения и поддаваясь влияниям лишь на поверхностном уровне. Неизменным остается ценностный пласт культуры, сохранившийся большей частью в неизменном виде в мифологии народа мари.

Негативное влияние инноваций и интерпретаций традиционной культуры видится в постепенном размытии смыслов, смешении мнимого и реального, традиционного и псевдотрадиционного. Отсутствие разграничения этих категорий может привести к потере важного пласта духовной культуры марийского народа.

Вызывающей тревогу тенденцией можно считать и то, что с повышением значимости сохранения информации о народе, не наблюдается адекватный рост мер по сбережению самобытных культур.

Также актуальной является проблема исследования взаимного влияния культур. Столетиями существующие рядом народы, как правило, оказывают взаимное влияние друг на друга. Достаточно подробно изучено влияние соседствующих культур на марийскую, но до сих пор неисследованной остается проблема влияния марийской культуры на другие народы. Представляется, что данная тема будет исследована в ближайшем будущем.

Традиционные культуры коренных народов России представляют интерес и ценность не только в пределах отдельной страны, но и как составной элемент всего мирового культурного фонда. В этой связи возникает необходимость более широкой презентации марийской культурной традиции в мировом сообществе. На данный момент решается проблема адаптации марийского шрифта для сети Microsoft, являющейся крупнейшим в мире разработчиком программного обеспечения. Это позволит представить марийский народ во всем многообразии его культурной индивидуальности.

Глобализация – это двусторонний процесс, потому немалую роль в сохранении традиционной культуры играет позиция самого народа, и этот факт еще раз подчеркивает значимость воспитания и формирования «здорового национализма». Сохранение марийского языка в большей степени зависит от того, насколько знание языка передается от родителей к детям. К сожалению, социологические опросы и наблюдения показывают, что имеется тенденция к утрате языка. Особенно это заметно в городской среде: часть молодого поколения по национальности мари не знает родного языка и культуры.

В качестве способа сохранения и трансляции традиционной культуры мари могут успешно выступать меры по введению специализированных курсов в программы учебных заведений республики. Думается, определенную положительную роль в этом может также сыграть компьютеризация процесса обучения, расширение его форм и методов.

Очевидно, что сохранение национального идентитета в сфере духовной жизни народа невозможно без бережного отношения к духовным традициям, как и к традиционному материальному наследию. Разумное сочетание общего и особенного, сущности и формы обеспечивает не только функционирование составляющих элементов народной культуры, но и, несомненно, самым положительным образом отражается на социально-психологическом самочувствии этнического самосознания. Адаптация традиционных культур к условиям современного мира – процесс длительный и нередко болезненный, чреватый потерями и искажениями. Понимание этого прослеживается в стремлении общества и государственных структур обеспечить максимальное сохранение богатейшего культурного наследия и традиций народов на современном этапе. Важная роль в этом принадлежит, по нашему мнению, решению задачи философского осмысления и обоснования традиционных духовных ценностей.

Сохранение самобытного народа мари как этноса, без сомнения, чрезвычайно важная задача. Объединение культур малочисленных народов в рамках одного крупного и сильного государства может самым положительным образом отразиться не только на духовном, но и на социально-экономическом состоянии страны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Марийцы. Историко-этнографические очерки: колл. монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005.

2. *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973.

3. *Лурье С.В.* Историческая этнология. – М., 1997.

4. *Eisenstadt S. N.* Tradition, Change, and Modernity. – New York, Sydney, Toronto: John Wiley, 1973.

5. *Захаров А.В.* Традиционная культура в современном обществе. Социологические исследования, 2004, № 7.

6. Сборник. Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). – М.: Институт Российской истории РАН, 1994.

7. *Усенко О.Г.* К определению понятия «менталитет» В сб. тезисов: Русская история: проблемы менталитета. – М.: Институт Российской истории РАН, 1994.

8. *Кант И.* Критика способности суждения // И.Кант. Соч. Т. 5. – М., 1966.

9. *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Язык и речь – векторы определения пространства культуры // Теоретическая культурология. – М.- Екатеринбург, 2005.

10. *Чумаков А.Н.* Глобализация. Контуры целостного мира. – М.: Проспект, 2005.

11. Справочник «Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера». Т. 3. Неоязычество. Часть 1. – М., 2000.

12. *Ильин. И.* О русском национализме. – М.: Российский фонд культуры, 2006.

13. *Бердяев Н.* Собр. соч. Т. 3. – Paris, «YMCA-Press», 1989.

14. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания / Сост. В.А. Акцорин. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1991.

Maria Primechayeva

SOME PHILOSOPHIC ASPECTS OF TRADITIONAL MARI CULTURE DEVELOPMENT IN THE MODERN CONDITIONS

Mari culture is one of the most ancient Finno-Ugric cultures, Mari people lived on Russian territory many centuries before the Slaves came.

XX century is the beginning of information epoch. Any system has to keep internal information for survive, and ethnic culture is not exception. The mediums of ethnic information are word, symbol and image. Corresponding to traditional culture mediums of information will be ethnic music, art, dance, myths, tails, songs an so on. It is very important to distinguish traditional and modern Mari culture elements, because replacement ancient traditions by modifying ones might lead to unique ethnic culture disappearance. One of the preventive measures for Mari ethnos surviving is system of education, which provides ethnic culture transmission.

In the XIX century we can watch globalization process in all spheres, but it is very dangerous for cultures. Russia will be more powerful state if preserves multi-cultural basis.

«Финно-угроведение», 2008, № 2

Маргарита Кузнецова
Сомбатхей

ЕДИНЫЙ ЯЗЫК – ЕДИНЫЙ НАРОД

(еще раз к вопросу о едином марийском литературном языке – взгляд со стороны)

1. В качестве вводного слова. Марийская интеллигенция, как мне кажется, прекрасно понимает преимущества единого марийского литературного языка для единого марийского народа, насчитывающего в XXI веке всего чуть более 600 тыс. человек, и в век глобализации, европеизации, дальнейшей русификации чувствует свою ответственность за сохранение своего народа и своего языка. Она представляет и трагические последствия проводимой ею в настоящее время политики раскола между двумя этническими группами марийского народа, выражающейся в дальнейшем культивировании двух литературных языков, политики, которая в конечном итоге приведет к полной ассимиляции и исчезновению марийского народа.

2. Из истории развития марийского литературного языка. В истории развития марийского литературного языка И.Г. Иванов выделяет три периода (1). На современном этапе в развитии марийского литературного языка можно выделить четвертый период, который, на мой взгляд, начался в 80-е гг. XX в. и продолжается по настоящее время. Начало четвертому периоду положила конференция по актуальным проблемам развития, исследования и преподавания марийского языка и литературы в условиях марийско-русского двуязычия в 1987 г. Этот период имеет свои особенности, связанные с демократическими изменениями в России в целом, его можно сравнить с периодом бурного развития марийского языка после октябрьской революции, с реализацией марийского языка в 20–30-е гг. прошлого столетия, с борьбой передовой марийской интеллигенции за единый марийский язык.

Начало 90-х гг. четвертого периода было наиболее благоприятным для создания единого марийского литературного языка: подъем национального самосознания марийского народа, повышение интереса к своему языку, историческому прошлому и культуре, активизация политической и общественной деятельности марийского народа, принятие закона о государственности марийского языка в 1995 г.

Борьбу за закон о государственных языках в Республике Марий Эл с 1992 по 1995 гг. можно охарактеризовать в определенной степени как борьбу за единый марийский литературный язык, хотя официально об этом нигде и никем не говори-

лось. Наиболее жгучим вопросом был тогда вопрос о марийском языке: что конкретно должно стоять в законе – «марийский язык», или «лугово-восточный и горномарийский языки», или как-то по-другому? Дискуссия продолжалась три года, аналогично событиям 20-х гг. прошлого столетия, когда решалась судьба единого марийского литературного языка, так называемое спиральное развитие истории. Тогда на решающем этапе против создания единого марийского литературного языка выступила горномарийская интеллигенция. В этот раз инициаторами против единения снова оказались отдельные представители горномарийской интеллигенции. Приходится только сожалеть, что марийской интеллигенции не удалось сконсолидироваться и на этот раз.

Причины можно назвать самые разные. Но самой главной, на мой взгляд, является отсутствие единой, конкретной, последовательной языковой политики в отношении единого марийского литературного языка и связанного с ним планирования языка, несмотря на имеющиеся документы, как, например, государственная программа реализации Закона «О языках в Республике Марий Эл» на 2000–2005 годы, на созданные комиссии, которые должны претворять разработанные мероприятия в жизнь, активизировать деятельность по разработке марийской терминологии, орфографии и т.д.

3. Две тенденции в решении вопроса о создании единого литературного языка. Если проследить за выступлениями и публикациями марийских языковедов в последний период, можно выделить два направления в подходе к вопросу о создании единого литературного языка.

Представители первого направления (Д.Е. Казанцев) выступают за приоритет лугово-восточного варианта, как единственно способного выполнять функции общелитературного языка (2). Д.Е. Казанцев подчеркивает, что признаки, характерные для литературного языка (наддиалектность, нормированность, стилистическое разнообразие, полифункциональность) свойственны только лугово-восточному варианту (2, с. 187). Хотя в более позднем выступлении он уже говорит о существовании двух вариантов марийского литературного языка и призывает марийских языковедов объединить усилия для выработки «согласованных организационных и методических мероприятий для сохранения и развития единого марийского языка как государственного» (3, с. 29).

Мнение Д.Е. Казанцева можно, конечно, оспорить и доказать, что горномарийский вариант является таким же литературным, как и лугово-восточный вариант, но это не так важно. Главная проблема здесь в том, что ни один из них не является *единой формой для единого народа* и ни один из них не стал полифункциональным, оба варианта находятся в стадии своего формирования. В языковой ситуации, когда явно прослеживается тенденция отдельной части марийской интеллигенции считать или понимать под марийским языком лугово-восточный вариант марийского литературного языка, выступления Л.П. Васиковой о самостоятельном горномарийском языке (4; 5; 6) можно рассматривать и охарактеризовать как проявление чувства языковой лояльности, «linguistik allegiance». Языковая лояльность – это

такое явление, когда один язык как единая система противопоставляется другому языку и по своему значению занимает более высокую ступень в сознании человека. В случае, если этому языку угрожает опасность, его пытаются защитить. Горные мари считают горное наречие своим родным языком, точно также луговые мари считают луговое наречие своим родным языком. Оба «родных» языка имеют литературные нормы и защищены законом. Горному наречию в настоящее время грозит «опасность», что его литературная норма может быть заменена луговой-восточной. В подобных условиях горномарийская интеллигенция пытается отстоять права горного наречия наравне с правами лугового наречия в разработке единых норм марийского литературного языка. Это естественная реакция человека на угрозу насильственного насаждения одного варианта литературного языка другому в целях сохранения, якобы, и дальнейшего процветания марийского языка.

Д.Е. Казанцев прав в том, что в вопросе о едином марийском литературном языке идет смешение или отождествление общенародных и литературных языков (3, с. 27). Поэтому так необходима правильная, учитывающая все нюансы сложившейся языковой ситуации языковая политика, которая должна окончательно разрешить вопрос о литературном языке. При этом нужно проводить разъяснительную работу в том плане, что наличие единого литературного языка *не обязывает* всех мари *повседневно* и *ежечасно* использовать только литературный язык, что и при наличии литературного языка возможно преподавание в начальных классах на своем диалекте, но литературный язык должен изучаться в качестве обязательного предмета, и по окончании школы человек должен владеть в той или иной степени нормами литературного языка.

Второе направление связывается с именем И.Г. Иванова, являющегося единственным марийским языковедом, который в своих статьях и выступлениях последовательно проводит мысль о необходимости создания единого марийского литературного языка в целях сохранения как марийского языка, так и марийского этноса (1; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16). Все публикации и выступления И.Г. Иванова, особенно последних лет, проникнуты тревогой и заботой о будущем марийского языка. Опираясь на богатый опыт (в т.ч. и ошибки) языкового строительства 20–30-х гг., он предлагает придерживаться приблизительно той же самой модели создания единого марийского литературного языка, которая была выдвинута основателем марийского языкознания В.М. Васильевым и его последователями, которая и по настоящее время является актуальной и, может быть, единственно приемлемой в деле решения этой важной для марийского народа задачи: *создание единого литературного языка на базе лугово-восточного наречия с включением в него некоторых грамматических и лексических особенностей горного наречия* (17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24). В настоящее время речь может идти также о более активном включении в литературный язык элементов северо-западного и восточного наречий марийского языка, они достаточно хорошо изучены как с фонетической, так и с лексической и грамматической сторон. В одной из своих публикаций И.Г. Иванов предлагает даже конкретные шаги в этом направлении (10, с. 34–35).

К сожалению, выступления Иванова, его статьи не всегда находят должный отклик среди марийских языковедов. И.Иванов иногда необоснованно обвиняется в пуризме.

4. Два диалекта или два языка? Два диалекта или два языка имеют в конечном итоге марийцы? Теоретически и практически речь идет, конечно, о двух больших диалектах. Наиболее значительными различиями между горномарийским (в дальнейшем Г) и лугово-восточным (в дальнейшем Л) литературными вариантами являются следующие:

1) *в области фонетики*:

а) в Л имеется 8 гласных фонем (*у, ӱ, о, ӧ, и, е, а, ы*), в Г – 10 (*у, ӱ, о, ӧ, и, е, а, ӓ, ы, ыӈ*). Фонотактическая дистрибуция отдельных фонем различна. Что касается редуцированных гласных, то их частотность в Г совпадает с частотностью полных гласных. В Л редуцированные гласные редко встречаются в первом слоге и никогда не появляются в конце слова;

б) в марийских словах в Л выступает 19 согласных фонем, в Г дополнительно имеются *т', ц, ф, х*;

в) для Л характерна лабиальная гармония гласных, для Г – палатальная;

г) в Л господствует в целом так называемое ультима-ударение: оно падает в большинстве случаев на последний полный гласный. Для Г характерно пенультима-ударение, т.е. ударным является предпоследний слог;

2) *в морфологии*:

а) в падежной системе Л имеется 9 падежей (именительный, родительный, дательный, винительный, местный, направительный, обстоятельственный, совместный, сравнительный), в Г кроме перечисленных представлен еще лишительный падеж. А.А. Саваткова выделяет дополнительно причинный падеж (25, с. 93, 102), который в литературном варианте не используется.

Различия имеются в функциях падежей. Ряд функций дательного падежа в Л передаются формами обстоятельственного падежа в Г: Л *Кугечылан толам* ~ Г *когечеш толам* 'приду на Пасху', Л *аваже корнылан киндым пуа* ~ Г *ӓвӓжы корнеш киндӹм пуа* 'мать дает на дорогу хлеб' и т.д. Вместо местного падежа Л для выражения обстоятельства времени в Г используется родительный падеж: Л *январьыште* ~ Г *январьын* 'в январе', Л *ийыште* ~ Г *ин* 'в году';

б) в Л существуют четыре суффикса множественного числа: *-влак, -шамыч, -мыт, -ла*. В Г имеется только суффикс *-вла*, который по сравнению с *-влак* пишется со словами слитно;

в) у имен прилагательных для выражения превосходной степени нет специального суффикса. В Л для этого применяется аналитическая форма со словом *эн*, в Г – с *сек*: Л *эн сай* ~ Г *сек яжо* 'самый хороший';

г) глагольная система имеет два инфинитива – основной инфинитив на *-аш* в Л, *-аш/-аш* в Г и инфинитив долженствования на *-ман* в Л, *-мыла* в Г: Л *толман* ~ Г *толмыла* 'надо прийти'.

Личные окончания глаголов не всегда совпадают, особенно это касается утвердительной и отрицательной форм глаголов 3-го лица множественного числа в I прошедшем времени: Л *тольыч* ↔ *ышт тол*, Г *толевы* ↔ *ӹш толеп* 'пришли ↔ не пришли'.

Некоторые отличия имеются в спряжении (как в утвердительном, так и в отрицательном) вспомогательного глагола Л *улаш* ~ Г *ылаш* 'быть'. В Л формы второго прошедшего времени как в утвердительном, так и в отрицательном спряжениях заменяются формами глагола *лияш* 'быть, становиться', в Г глагол *ылаш* имеет утвердительные и отрицательные формы в настоящем, I и II прошедших временах.

Продуктивными наклонениями в Л являются индикатив, императив и дезидератив, в Г дополнительно представлен кодиционалис с показателем *-гецы* ~ *ылгецы*;

3) *в словарном составе*:

По данным исследований 30-х гг., 80% лексики являлось общим для горного и лугового наречий. В последние десятилетия, как мне кажется, несколько углубились различия. Сравнения слов двух наречий с буквами на *а, к, ш* показывают следующее (в качестве источника я использовала словари А.А. Саватковой «Словарь горного наречия марийского языка» (1981) и Арто Моисио «Марла-финнла мутер» (Arto Moisio, *Marilais-suomalainen sanakirja* 1992): из общего количества слов (3880) 71% являются общими для лугового и горного наречий, число слов лугового наречия, отсутствующих в горном, составляет 35% от общего числа исследуемых слов, в луговом наречии 22% горномарийских слов (20).

Различия эти разрешимы, если будет желание марийской языковедческой интеллигенции объединить свои усилия по созданию общемарийского литературного языка.

Для сравнения: в немецком языке имеются крупные диалектные зоны со множеством диалектов с их говорами и подговорами, где разница между диалектами как на фонетическом, морфологическом, так и на лексическом уровнях столь велика, что носители отдаленных друг от друга диалектов действительно не могут понять друг друга. По сравнению с марийскими диалектами их можно считать отдельными языками. Литературный немецкий язык является своего рода *койне*, *лингва франка* для говорящих на немецком языке. Без него общение немецкоязычного населения было бы чрезвычайно затрудненным. Или пример с эстонским языком: в эстонском языке до второй половины XIX века также существовали два литературных языка – североэстонский (на базе среднесеверного диалекта) и южноэстонский (на базе тартуского диалекта). Но эстонцам удалось создать единый национальный литературный язык на базе североэстонского наречия с заимствованием многих элементов из южноэстонских говоров, хотя расхождений между южноэстонским и североэстонским наречиями значительно больше, чем между двумя диалектами марийского языка. Эстонский литературный язык в своем развитии опирался и опирается на родной язык, т.е. движется в русле народного языка. При создании единого марийского литературного языка следует также опираться на народный язык.

Процесс создания единого литературного языка в Эстонии шел в тесной связи с формированием эстонской нации. Если марийскому народу не удастся выработать общемарийский литературный язык, то это означает, что марийский народ по настоящее время не сформировался как единая нация, и этот процесс при наличии двух литературных языков на современном этапе не сможет завершиться.

5. Что следует предпринять? Субъективное мнение. Марийская интеллигенция должна, в первую очередь, решить вопрос о наддиалектности, о наддиалектности не лугово-восточного и не горномарийского, а единого марийского литературного языка. Наддиалектность предполагает постепенное обособление от диалекта, т.е. отказ от узкорегиональных признаков одного диалекта и объединение черт разных диалектов. Если исходить из этого положения, то надо сказать, что марийский литературный язык находится в процессе формирования своей наддиалектности (я не провожу здесь границы между горномарийским и лугово-восточным литературными вариантами). Разработка единых норм любого литературного языка процесс длительный. В конечном итоге этот процесс связан с формированием национальных отношений, и здесь важнейшую роль играет полифункциональность марийского литературного языка. Несмотря на существование закона о языках в РМЭ, провозгласившего государственными языками республики марийский (горный и луговой) и русский языки, марийский язык не стал еще полифункциональным.

В качестве *первого шага* можно было бы предложить введение так называемой «западной» классификации диалектов марийского языка. Современное марийское языкознание выделяет четыре наречия: горное, северо-западное, луговое и восточное. Западные финно-угроведы (см., например, Г. Берецки; первую научно обоснованную классификацию марийских диалектов на западную и восточную группы предложил М. Веске) различают внутри марийского языка два крупных диалекта, западный и восточный, которые отражают действительное состояние марийского языка. Данная классификация намного облегчила бы разработку норм единого литературного языка, не ущемляя при этом прав и интересов ни одной из сложившихся этнографических групп марийского народа, не задевая и не раня их самолюбия.

Второй шаг является чисто теоретическим: следует провести четкую границу между диалектом и языком. Нельзя забывать при этом тот факт, что решающую роль при определении ареальной единицы в качестве диалекта данного языка или как самостоятельного языка играет этнический фактор. Все: луговые, горные, северо-западные и восточные марийцы – представляют собой единый этнос, у которого самоназвание *мари* и который в истории известен под этнонимом *черемис*, и который говорит *по-марийски*.

Третий шаг – чисто практический: 1) надо постоянно вести пропаганду о марийском языке с двумя крупными диалектами; 2) основное внимание при этом сконцентрировать на общих чертах диалектов, а не на их различиях; 3) постоянно культивировать мысль о том, что марийский народ в состоянии создать свой единый литературный язык, который будет его гордостью. Работу надо начать уже сейчас

в школах, и, в первую очередь, в сельских школах, т.к. сельские дети являются источником и опорой для сохранения и дальнейшего развития марийского языка, они представляют собой будущее марийского народа и марийского языка. Поэтому очень важно, чему будут их обучать в школах, какие мысли о марийском народе и марийском языке будут им прививать с детства.

6. Заключительные мысли. По данным переписи населения 2002 г., численность марийцев составляет всего 604 300 человек, по сравнению с данными переписи 1989 г. она сократилась на 6%.

Общеизвестным фактом является то, что марийский народ в республике составляет национальное меньшинство и, как всё финно-угорское население Российской Федерации, является двуязычным. Несмотря на существование закона о государственных языках марийский язык имеет низкий престиж, он не смог подняться до уровня действительного государственного языка. Процесс превращения марийского языка в государственный идет медленно, одним из основных тормозов является наличие и функционирование двух литературных вариантов.

Создание единого марийского литературного языка явилось бы гарантией дальнейшего развития языка, его фактического превращения в государственный язык, т.е. в язык образования, науки, техники, политики и администрации, язык культуры. Единый марийский литературный язык стал бы тогда главным фактором в укреплении единства марийского народа, одним из мощных рычагов повышения национального самосознания мари, основой для сохранения и дальнейшего процветания марийской нации.

В данном случае вопрос о создании единого марийского литературного языка должен быть официально поставлен на повестку дня.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов И.Г.* История марийского литературного языка. – Йошкар-Ола, 1975.

2. *Казанцев Д.Е.* Марийский язык: современное состояние и новые трактовки // Volgalaiskielet muutoksessa. Изменения в волжско-финских языках. – Turku, 1994.

3. *Казанцев Д.Е.* О едином марийском языке // Проблемы развития марийского языка как государственного. – Йошкар-Ола, 2000.

4. *Васикова Л.П.* Языковые конфликты в Республике Марий Эл // Финно-угорские народы и Россия. – Таллинн, 1994.

5. *Васикова Л.П.* Горномарийское языкознание: современное состояние и перспективы // Тезисы докладов международной научной конференции «Структура и развитие волжско-финских языков». – Йошкар-Ола, 1996.

6. *Васикова Л.П.* Научно-практическая конференция по проблемам изучения и преподавания горномарийского языка // Linguistica Uralica XXXIII. – Tallinn, 1997.

7. *Иванов И.Г.* К проблеме возникновения и формирования марийского литературного языка // CQIFU. Pars III. – Budapest, 1981.

8. *Иванов И.Г.* К проблеме роли сознательного вмешательства в языковые процессы в период формирования литературных норм // Марийская филология. Межвузовский сборник научных трудов. – Йошкар-Ола, 1986.

9. *Иванов И.Г.* Из истории марийской языковедческой науки в 30-х годах // Марийская филология. Межвузовский сборник научных трудов. – Йошкар-Ола, 1986.

10. *Иванов И.Г.* Актуальные проблемы современного марийского литературного языка // Вопросы марийского языка. Актуальные проблемы литературного языка. – Йошкар-Ола, 1989.

11. *Иванов И.Г.* Из истории марийской письменности. – Йошкар-Ола, 1996.

12. *Иванов И.Г.* Некоторые проблемы формирования и функционирования марийского литературного языка // Тезисы докладов международной научной конференции «Структура и развитие волжско-финских языков». – Йошкар-Ола, 1996.

13. *Ivanov I., Moisio A.* Marin kielen sanaston kehitys 1900-luvulla // Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 57. – Turku, 1998.

14. *Иванов И.Г.* Кызытсе жапыште марий йылмым илышыш пуртымо нерген // Проблемы развития марийского языка как государственного. – Йошкар-Ола, 2000.

15. *Иванов И.Г.* Кызытсе марий йылме. Фонетика. – Йошкар-Ола, 2000.

16. *Иванов И.Г.* Влияние русского языка на фонологическую систему марийского литературного языка // Volgan alueen kielikontaktit. Языковые контакты Поволжья. – Turku, 2002.

17. *Kokla P.* Zum Problem einer einheitlichen Schriftsprache // CQIFU Pars III. Budapest, 1981.

18. *Kokla P.* Über die Möglichkeit einer einheitlichen marischen Schriftsprache // Zur Frage der uralischen Schriftsprachen. Linguistica. Seriens A. Studia et dissertationes, 17. – Budapest, 1995.

19. *Bereczki G.* Die aktuellen Fragen der tscheremissischen Spracherneuerung // Zur Frage der uralischen Schriftsprachen. Linguistica. Series A. Studia et dissertationes, 17. – Budapest, 1995.

20. *Kuznecova M.* Wiesentscheremissisch und Bergtscheremissisch – zwei Dialekte oder zwei Sprachen? // Lapponica et Uralica. 100 Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universitat Uppsala. Vorträge am Jubiläumssymposium 20.-23. April 1994. Studia Uralica Upsaliensia 26. – Uppsala, 1996.

21. *Kuznecova M.* Zum Problem der Schriftsprachen im Tscheremissischen // Specimina Sibirica. T. 12. Die sprachliche Situation bei den uralischen Völkern. – Savariae, 1997.

22. *Kuznecova M.* A mari nyelv mai helyzete // Közép-Európa: egység és sokszínüség. A nyelvek Európai Éve 2001 zárókonferenciájának elõadásai. – Szombathely, 2002.

23. *Кузнецова М.* О едином марийском литературном языке // VDSUA 65. Lihkkun lehkos! Beitrage zur Finnougristik aus Anlass des sechzigsten Geburtstages von Hans-Hermann Bartens. – Wiesbaden, 2005.

24. *Кузнецова М.* Размышления о перспективах марийского языка // Языковая ситуация и языковая политика в финно-угорских республиках Волго-Камского региона. Die sprachliche Situation und Sprachpolitik in den finnisch-ugrischen Republiken der Volga-Kama-Region (Materialien einer internationalen Konferenz, Szombathely, 27.-28. Mai 2004). – Szombathely, 2005.

25. *Саваткова А.А.* Горное наречие марийского языка. – Savarial, 2002.

Margarita Kuznetsova

ONE LANGUAGE – ONE PEOPLE

(once more to the problem of one Mari literary language – look from the side)

The author of the article touches on the problem of the one literary language. She gives short account of the history of the Mari literary language. She characterizes modern condition of the language; also the author lists the differences between two literary norms of the Mari language. As a decision of the problem she offers three practical and theoretical steps: 1) leading in new classifications of the dialects of the Mari language; 2) drawing distinct lines between language and dialect; decision of the problems of over dialect of the Mari literary language; 3) teaching the Mari language to Mari children and explaining that Mari language has two big dialects which has more similarities than differences.

Финно-угроведение», 2008, № 2

Майя Мамаева
Йошкар-Ола

О СИСТЕМАТИЗАЦИИ МАРИЙСКИХ СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН

Как известно всякое изучение фольклорного материала начинается с этапа систематизации фольклорных текстов, без которого, как писал В.Я. Пропп, невозможно никакое научное исследование. Свадебный песенный корпус в общем своде марийского фольклора занимает значительное место. Вместе с тем проблема его классификации и систематизации находится лишь в начальном состоянии. В большинстве известных публикаций и сборников марийского песенного фольклора тексты свадебных песен приводятся единым общим массивом без какого-либо их жанрового разделения. В жанровых классификациях свадебные песни выделяются в отдельную группу и на этом систематизация зачастую исчерпывается. Попытки разделения всего обширного корпуса свадебной поэзии единичны. Из всех известных нам публикаций луговомарийских свадебных песен внутрижанровое разделение встречается лишь в сборнике И. Осмина (1). В нем весь свадебный песенный корпус делится на три раздела, соответствующих разным этапам свадьбы: 1. «Ӱдыр ончыл муро» – песни предсвадебной девичьей вечеринки; 2. «Сӱан марий, сӱанвате-шамычын мурышт» – песни свадебных поезжан; 3. «Ӱдыр кондымек, качын суртышто мурымо сӱан муро-шамыч» – песни, поющиеся в доме жениха по приезде (с невестой). Хотя само разделение весьма примечательно, надо сказать, что верный подход к разделению не был до конца разработан и осуществлен лишь частично.

В теоретическом плане разделение по обрядово-этнографическому признаку впервые было предпринято Т. Ефремовым. Попытка систематизации свадебного песенного материала Т. Ефремова оказалась по существу близкой современным принципам изучения и систематизации музыкального фольклора. Надо подчеркнуть, что песенный репертуар марийской свадьбы Т. Ефремов группирует на основании именно музыкальной составляющей – волыночных свадебных напевов, разделяя их по соотнесенности с ситуациями и ритуалами свадебного обряда. Это было довольно прозорливым и перспективным начинанием, единственно, что не хватает его систематизации – это полноты и завершенности систематики. Анализируя свадебный репертуар волынщиков, автор выделяет следующие разновидности свадебных наигрышей: «При начале свадьбы», «У ворот невесты», «Во дворе невесты», «При проезде свадебного поезда деревней», «Пляска свахи с хлопаньем

в ладоши», «Пляска с двойным хлопаньем в ладоши», – таким образом обозначается шесть волыночных свадебных мелодий (2, с. 80). В другой работе краевед-фольклорист отмечает еще такие наигрыши: «Сӱан чарнымет» (Прощальная), «Сӱан лӱнгымет» (Раскачивание свадьбы) (3, с. 19). К сожалению в указанных работах Т. Ефремов не приводит ни одной из вышеназванных свадебных мелодий. Возможно, что не все описанные свадебные наигрыши на волынке были самостоятельными мелодиями, скорее всего – самостоятельными вариантами или версиями традиционных напевов.

Интересную классификацию свадебных песен с точки зрения содержания текста песен и обрядовой функции предпринял В. Акцорин на материале песенного фольклора марийцев Кировской области (4, с. 171–197). Так он выделяет следующие группы свадебных песен (5): песни, исполняемые у ворот невесты (ӱдыр деке миен шогалме муро); песни, исполняемые в честь привода невесты в дом жениха (каче ватым пуртымо муро); песни в честь надевания невесте головного убора женщины (вуй пӱтырымӧ муро); песня в честь угощения (пура йӱын-кочмо муро); шуточные песни в честь укладывания невесты и жениха в постель (качымарий ден ӱдырым малаш пыштыме муро). Такое разделение свадебных текстов находится в русле того же обрядово-ситуационного принципа.

Указание песенных жанров марийской свадьбы находим и в работе И.С. Иванова (5). Он отмечает следующие жанровые разновидности свадебной поэзии: «Моктымо муро» (хвалебные песни), «Мыскара муро» (шуточные песни). Песенные тексты разделяются им и по обрядовой ситуации – «Ӱдырлан кайыме деч ончыч, качын суртышто» (перед отъездом за невестой, в доме жениха); «Ӱдырын ялыштыже, капка ончылныжо» (в деревне невесты, перед воротами); «Кумалтышым чиктыме годым» (во время одаривания), «Ӱдыр йӱктымӧ муро» (песни, певшиеся при сватовстве).

Материалом для нашего анализа послужил широкий круг текстов свадебных песен, рассмотрены все известные песенные сборники и печатные материалы, материалы рукописей песенного фольклора из фонда МарНИИ, также собственные полевые материалы. Исследования песенных текстов позволили выстроить следующую систематику. Отметим, что существуют разные классификационные признаки и принципы, которые нужно учитывать при систематизации песенного материала. Мы считаем целесообразным разделять весь объем свадебных песен не по одному, а по разным критериям и признакам систематики. Систематизация предполагает наличие иерархии, выделение нескольких уровней членения. Одним из важнейших в обрядовом фольклоре следует считать этнографический принцип разделения. В целом весь свадебный корпус песен, исполняемых на *собственно свадьбе (сӱан)*, по этнографическому признаку можно разделить на песни рода жениха – *«сӱан муро»* и рода невесты – *«почеш муро»*. В марийской свадебной традиции различия песенного ряда двух сторон, стороны жениха и невесты, выявлены не так ярко и отличаются от удмуртской, мордовской, русской свадеб. Обе группы песен исполняются на одни и те же напевы, не отличается в принципе и манера исполне-

ния песен. Различие состоит лишь в определенной, довольно узкой тематике и наборе песенных сюжетов и мотивов песен поезжан со стороны невесты – «почеш». Песни *почеш* занимают гораздо более скромное место в общей свадебной драматургии, исполняются в доме (деревне) невесты довольно непродолжительное время (по сравнению с песнями «*сӱан*»).

Бесспорно, преобладающим и по объему, и по жанрам, и тематике является корпус песен свадебных поезжан рода жениха. Они поют на всем протяжении свадебного обряда и в доме невесты, и в доме жениха. Эти песни наиболее разнообразны и по жанрам, и по тематике, и по обрядовой ситуации (месту и характеру исполнения).

Разделение свадебных песен на сӱан муро и почеш муро происходит по «контингенту» исполнителей. По другому исполнительскому признаку – составу и форме исполнения, песни можно разделить на сольные (песни одиночного исполнения), групповые и коллективные. Песни одиночного исполнения, это в первую очередь песни невесты перед свадьбой – «*Ӱдыр ончыл йӱмӧ*». Хотя в некоторых случаях невеста поет не одна, а с подругами или с подругой, по характеру, смыслу и функции – это скорее типичные песни сольного исполнения, песни обрядовой лирики. Отметим, что песни невесты перед свадьбой известны лишь в локальной музыкальной традиции – моркинской этнической группе.

Такого рода и характера песни в других этнических группах могли исполняться и исполнялись, по-видимому, после сватовства, до свадьбы, во время совместной подготовки невестой со своими подругами приданого – *кумалтыш*. Отметим, что пение песен на этих посиделках девушек не было обязательным, не приняло ритуализированного характера, его часто могло не быть. В других диалектах не сложился какой-то особый обряд лирического прощания просватанной девушки со своими родными, домом, любимыми друзьями и подругами, как «ӱдыр ончыл» в моркинской традиции.

Песни одиночного исполнения составляют довольно небольшую и локальную часть общего свадебного песенного репертуара. Сольное исполнение песни происходило, несомненно, на свадебном пиру в основном главными свадебными чинами со стороны поезжан жениха. Наиболее традиционно для марийской свадьбы сольное пение свата (*пӱраш*), свахи (*вуй пӱтырышӧ, пӱрашвате*) и дружки (*савуш*). Можно предполагать, что для старинной (традиционной) свадьбы пение этих «персонажей» было ритуализированным и обязательным моментом обряда. Во всяком случае, пение этих свадебных лиц отмечается в источниках и на это указывается в песенных сборниках. В некоторых источниках отмечается и бытование диалогического (дуэтного) пения (6, с. 205). Такие песни строились в основном в форме диалога, часто как цепочка вопросов и ответов. Можно предположить, что дуэтные песни исполняли главным образом савуш с одной из женщин-сӱанвате или сват со свахой. С точки зрения свадебной драматургии в церемонии свадьбы сольное и диалогическое пение создавало необходимый элемент драматургического контраста и оттеняло сплошное групповое, коллективное пение поезжан.

На современной свадьбе обрядовое ритуализированное пение свахи, савуша уже потеряло ритуально-обрядовый смысл и не является обязательным. Сольное исполнение свадебных персонажей бывает на отдельных свадьбах, если сваха или савуш являются хорошими певцами, прекрасно владеющими свадебным песенным репертуаром. Подчеркнем еще одно обстоятельство, что на современной свадьбе песни свахи и савуша не выделяются в общем песенном «потоке» и не отделяются от общего песенного репертуара ни своими напевами (исполняются на те же свадебные напевы), ни даже тематической спецификой. В этом смысле они находятся в едином корпусе свадебного песенного репертуара рода жениха.

На свадебном пиру с сольным исполнением могут выступить и другие участники свадебного пира, имеющие желание спеть, станцевать. Такое явление, по-видимому, было типичным и для традиционной старинной свадьбы. Подобное свадебное пение по нашему мнению нельзя считать обрядовым, оно не является обязательным в свадебном ритуале. Момент такого сольного исполнения на свадебном пиру скорее может трактоваться как элемент общепраздничного пения, который представлял и представляет импровизационную, мобильную часть свадебного действа.

В моркинской свадебной традиции фиксируется еще одна жанровая группа песен, это особые песни группового исполнения – «рвезе-влакын мурышт» – пение свадебных юношей. Юноши, молодые парни составляют обязательный кортеж свадебного поезда, изначально призванный сопровождать и охранять его. Песни «рвезе-влак муро» имеют специфическую манеру исполнения. Кроме того, в моркинской традиции сопровождающие свадьбу молодые люди имеют свой особый свадебный костюм, нарядно декорированный лентами, яркими платками, непременным атрибутом парней (юношей) являются плетки в руках. Пение свадебных юношей сопровождается размахиванием ими высоко над головой. Отметим, что по имеющимся у нас материалам такая особая жанровая группа – песен юношей в сернурской свадьбе не фиксируется.

В фольклористике песенный фольклор традиционно разделяют и систематизируют по жанровому принципу. В песенном корпусе старинной свадьбы описываются жанровые категории песен, которые не зафиксированы в более поздней традиции. Старинный свадебный репертуар был, по всей видимости, более разнообразным. Так, М. Лосиевский писал о наличии у восточных марийцев особых причитаний девушки, отмечая, что невеста перед отъездом из отчего дома плачет с причитаниями и кланяется отцу и матери (7, с. 175). Скорее всего это прощальные песни девушки-невесты. Мы предполагаем, что это локальная традиция, сохранившаяся у восточных марийцев. По другим источникам и нашим материалам для марийской свадебной традиции так называемые прощальные песни невесты не характерны. Невеста в марийской свадебной традиции на свадьбе не пела и даже не плакала (во всяком случае, по ритуалу).

Я.А. Эшпай указывает на существование в репертуаре традиционных горномарийских свадеб старинных песен-аллегорий, песен-прибауток и старинных песен

без слов, которыми, как он пишет, обычно начиналась вторая часть свадьбы (8, с. 185). Такого рода песенные жанры существуют и в свадебной традиции лугово-марийских свадеб. Но подобная классификация относится скорее к форме высказывания (выражения). Индивидуализированными и разнообразными, как отмечают источники, были песни свадебных поезжан, провожатых невесты и др. Исполнялись песни шуточные, сатирические, величальные (хвалебные), песни-пожелания, плясовые мелодии – все они звучали в определенные моменты свадебного действа.

Наиболее существенными, ведущими (определяющими) в систематике песенных текстов, как нам представляется, являются два принципа классификации: разделение песенного материала по 1) обрядово-ситуативному признаку (предлагается такое рабочее определение) – по месту и ситуации (обстановке) исполнения; 2) по функционально-тематическому признаку – по функции песенного текста и тематике, содержательному аспекту.

Основным принципом жанрового подразделения в фольклористике считается функционально-тематическая классификация. Однако в данном случае почти не учитываются социально-обрядовые функции, этнографическая сторона обряда. В современном этномузыкознании приоритетное место в классификации приобретает так называемая ситуационная теория. Ученые подчеркивают, что «исполнение фольклорного текста всегда мотивируется событийным фоном, внешней ситуацией, которая задает не только выбор того или иного жанра, но и нередко выбор конкретного текста в пределах данного жанра» (9, с. 210). При систематизации свадебных песен прежде всего должна учитываться связь с обрядовой ситуацией, возможность соотнесения текста с определенным актом обряда. В народном сознании, которое находит отражение в народной терминологии, основные вехи свадьбы разделяются по этапам свадебного обряда. Основные ритуалы и действия свадебного обряда маркируются обязательным пением песен. Так, в свадебной терминологии выделяются такие ситуации, этапы свадьбы, как «сӱан тарватыме муро» (сбор свадебного поезда), «ӱдыр налаш лектын кайыме» (выезд за невестой), «ӱдыр деке миен пурымо» (приезд к дому невесты), «ӱдыр-каче, ача-ава дене чеверласыме» (прощание невесты со сверстниками и родителями), «ӱдырым каче мӧнгыш намиен пуртымо» (привоз невесты в дом жениха).

Исходя из анализа песенного материала, мы считаем целесообразным выделить следующие группы песен по признаку обрядовой ситуации. Выделение этих групп вытекает из самого хода и порядка свадебного действа, их обозначение находит отражение и в народной свадебной терминологии. В общем ходе, драматургии опевания свадьбы выделяется несколько этапов, имеющих свой особый песенный репертуар. Песни поезжан со стороны жениха исполняются 1) в начале свадьбы в доме жениха, песни «начала свадьбы» («сӱан тарватыме муро»), песни, исполняемые в дороге («корныштo мурымо»), 2) пение при въезде в деревню невесты, у ворот дома невесты, назовем их песни «прибытия поезда» («ӱдыр деке миен пурымо муро», «капка ончылно мурымо муро», 3) во дворе дома невесты или/и в

доме невесты («сӱан марий, сӱан-ваге-шамычын мурышт», «ӱдырын кудвечыште, суртыштыже мурымо), назовем их как песни «свадебного пира» («застолья»), 4) при отъезде из дома и деревни невесты, это песни «отбытия свадебного поезда» (по сюжетной ситуации это – «ӱдыр лукмо муро», «ӱдыр-каче, ача-ава дене чевер-ласыме»), 5) по дороге и по прибытии в деревню, к дому жениха, песни «привоза невесты» («ӱдыр кондымаш», ӱдырым каче мӧнгыш намиен пуртымо», 6) песни «пирования» в доме жениха, «качын суртышто мурымо» и завершения свадебного ритуала («сӱан кошартыме муро»). Отдельные тематические группы в марийской свадьбе составляют, 7) песни так называемых «почеш толшо» – поезжан со стороны невесты, 8) песни одиночного (сольного), реже – диалогического пения отдельных лиц свадебного поезда (исполняются главным образом в момент свадебного застолья в доме или во дворе невесты). Выделенные нами группы – это отдельные крупные этапы свадебного пения, с блоками свадебных песен, составляющие драматургическую основу музыкально-песенного ряда свадьбы. Они, в свою очередь, имеют свои сюжетно-тематические подгруппы, раскрывающие содержание обрядового действия и семантику обозначаемых свадебных этапов.

Разделение (классификация) песен только по ситуационному признаку представляется нам все же недостаточной для полноты научной систематизации. Следующий уровень членения предполагает разделение песенных текстов по содержательному критерию на жанровые и субжанровые подразделы. В свадебной традиции марийцев характерно следующее обстоятельство: в разных пространственно-временных ситуациях, в разной обстановке исполнения отдельные песенные тексты могут повторяться. Безусловно, они повторяются с изменениями слов или отдельных текстовых блоков (формул), характеризующих изменение ситуации исполнения. Причем чаще всего это наблюдается в отношении не второстепенных, а ритуальных песен свадьбы, основных в песенном репертуаре. Так одни и те же песни могут исполняться и при приезде свадебного поезда, у ворот невесты и при отъезде поезда из деревни невесты, а довольно часто и во время свадебного застолья. Представляется, что следующей ступенью систематизации должно быть разделение песен (песенных текстов) по функционально-тематическому признаку. На этом этапе систематизации нам кажется важным выделить несколько функциональных групп, играющих свою особую роль в обряде. В свою очередь, на следующем уровне систематизации функциональные группы можно разделить по *сюжетному типу* и *форме высказывания*. Нам представляется, что в свадебном песенном фольклоре можно обозначить несколько (5) крупных жанровых разделов. Мы определили их как 1) церемониальные песни, 2) величально-корильные песни, 3) заклинательные (ритуально-магические) песни, 4) празднично-застольные и шуточные (песни свадебного пира, свадебного веселья), 5) прощальные песни. В эти группы в свою очередь входят более частные функционально-тематические подгруппы.

В свадебном репертуаре песен рода жениха (свадебного поезда жениха) выделяется своим массивом и разнообразием группа песен церемониального харак-

тера. В марийской песенной традиции они составляют большой по объему корпус свадебных песен. Это песенные тексты, звучащие в коллективном исполнении поезжан. Поет обычно вся группа свадебных поезжан, в этих песнях комментируются, фиксируются различные ситуации свадьбы, события и действия свадебной церемонии. Другая, возможно меньшая, часть церемониальных песен посвящена комментированию чувств и переживаний главных действующих лиц, прежде всего основных персонажей свадьбы – невесты, жениха, часто и родителей невесты. Эти песни исполняются по ходу свадьбы и/или сопровождают или направляют, иллюстрируют или напоминают о главных обрядовых церемониях, действиях, событиях. По существу они дублируют акциональный ряд свадебного действа, ход соответствующих событий. Церемониальные песни отражают этикет, церемонию установленного обычаем свадебного действа, формулы поведения персонажей.

Церемониальные песни сопровождают практически все этапы свадьбы, звучат в ходе всего свадебного действа. В группе церемониальных песен отдельно можно выделить подгруппу песен, фиксирующих важнейшие моменты ритуальной коммуникации, – поведения, обхождения и общения участников свадебной игры. Специфическую самостоятельную часть в ряду церемониальных песен составляет блок песен, исполняемых при приезде и отъезде свадебного поезда, они образуют своего рода обратную симметрию с семантикой начала / конца движения. Не случайно довольно часто в них повторяются целые песенные тексты, словесные формулы, меняются в пении лишь глаголы движения (толынна, толын улна / каена, нантайна (приехали / уезжаем, увозим). Эти песни маркируют этапы-моменты прибытия-отбытия (приезда-отъезда), исполняются в узловых (пограничных) локативно-темпоральных ситуациях: при приезде поезда – у ворот и во дворе дома по прибытии, в доме невесты во время свадебного пира, при подготовке к отъезду и в ситуации отбытия – во дворе и на улице перед домом. Песни, которые поются по прибытии поезда, у ворот дома, довольно разнообразны. По сюжетному типу основными в этой группе можно считать песни-требования и песни-представления (презентации). По функции и форме высказывания «песен у ворот» – это песни сигнально-информативной семантики (песни-сообщения, песни-уведомления) в форме вопроса или цепочки утверждений. Большая группа ритуальных песен связана с темой мифологического пути свадебного поезда. Песни-представления, песни-презентации зачастую посвящены теме (описанию) поезда и поезжан (с сюжетами свадебных приготовлений, атрибутов, свадебного дома (стола). Песни-презентации (представления) представляют главным образом партию жениха, она с момента прибытия призвана показать силу и могущество партии жениха.

Значительное место в пении у ворот (и далее во дворе дома) составляет группа песен с сюжетным мотивом требования невесты (мотивом цели приезда). По нашему мнению, первоначально такие песни-требования имели заклинательно-магическое значение, основную роль здесь играла магия слова-требования. Однако со временем первоначальная функция в большинстве случаев была утрачена, они приобрели более внешнюю, церемониальную функцию. Позднее они приобретают

характер церемониального пения, сопровождая установленный ритуал поведения. В современной свадьбе с элементами традиционной многие песни церемониальной группы сопровождают, комментируют конкретные ситуации свадебного ритуала. Большинство песен этой группы в современной свадьбе со временем приобрели шутливо-игровой характер. В обширной и разнообразной группе церемониальных песен, которые поются в доме невесты на свадебном пиру, можно обозначить тематическую подгруппу песен похвальбы («моктаныме муро»). В песнях этой подгруппы находит отражение идея противостояния двух сторон свадебного действа. Это проявление свадебной игры, похваляется главным образом жениховая партия.

Важную роль в песенном репертуаре свадебных поезжан играют заклинательные, ритуально-магические песни. В некоторых случаях к ритуально-магическим можно отнести отдельные песни из разряда церемониальных и пожелательных песен. Хор поезжан указывает роль и место участников свадебного ритуала, в песнях даются наставления, пожелания, реже – советы, выражаются просьбы, наказы, требования, повеления. При функциональном разделении одним из важных признаков может быть ситуация и форма исполнения. Заклинательные песни исполняются во время значительных свадебных ритуалов и выражают императивные требования, просьбы, желания, характеризуют желаемые и нужные для коллектива действия. Главное в этих песнях – форма обращения, это императив, выражающий повеление или желание. Они сопровождали определенные акты и действия, имели религиозно-магическую семантику. Почти все тексты носят ярко выраженный формульный характер, обычно короткие по форме. В современном репертуаре их сохранилось немного, но в старинной песенной традиции они составляли значительную группу. Они звучали и в доме невесты, и в доме жениха. Множество песен заклинательно-магического типа звучало как в первой, так и во второй части свадьбы, по приезде свадебного поезда, в доме жениха. Они сопровождали такие узловые ритуалы перехода, как обряд «вӱргенчык леведме», «вуй пӱтырмаш / шымакш шындымаш», «малаш пыштымаш», ӱдыр кумалтыш (солык пуымаш) и др.

В корпусе заклинательных песен можно выделить две разновидности (сюжетно-тематические группы), мы определили их как песни-желания (хотения) / песни-требования и песни соединения. Обе тематические группы связаны с идеей (функцией) открепления девушки-невесты. В основе их лежат императивные просьбы и желания. Главная мысль в первой подгруппе – определенные требования к девушке-невесте, в них часто обозначаются желаемые (требуемые) поезжанами качества, представляющие систему общественных ценностей. Во второй – основной является соединительная семантика – союз (партнерство) двух сторон (родов) с целью создания новой семьи. Эти группы песен составляют значительную часть старинных свадебных песен, исполняемых во дворе и в доме невесты. По форме высказывания значительную часть старинных песенных текстов можно определить как песни-аллегории, песни-загадки, иногда песни-притчи. Они имеют характерную цепевидную (кумулятивную) структуру, часто строятся в форме вопроса-ответа или как тексты-императивы, с характерными глагольными формами «кӱлеш»,

«йодеш» (нужна, нужен, просит). Во второй разновидности форма высказывания чаще краткий императив с глагольными формами сослагательного «лийже ыле» (была бы) или повелительного наклонения (напр. «пуыза» (дайте). Многие такого рода тексты можно отнести также к разряду церемониальных песен, грань между этими группами весьма условна. В заклинательных также зачастую информируется о событиях и акциях свадебной церемонии. Различие в том, что церемониальные песни исполняются в форме нарратива, повествования, в большей степени это фиксация конкретных актов, событий. В свадебном пении при исполнении многих песен можно говорить о полифункциональности песенных текстов: это песни, комментирующие обрядовые ситуации, которые при этом имеют и магическую, сакральную семантику. Вообще надо отметить, что часто тексты выполняют не одну, а две, а иногда три функции, что позволяет приспосабливать исполнение песни к различным обрядовым актам и ситуациям.

В отдельную группу выделяются песни праздничного пира (праздничного веселья) – празднично-застольные («пура йӱын-кочмо муро», «сӱан лӱнгымаш»), шуточные (мыскара, койдарчык), плясовые песни и припевки (куштен мурымаш). Необходимо отметить, что свадебные припевки, например, могут исполняться под общеплясовые мелодии. В группу свадебных песен, которые являются ведущими в ситуации пения во дворе и во время свадебного пира, входят песни, которые мы определили как песни похвальбы свадебных поезжан («моктаныме муро») и песни, обозначенные нами как песни соединения («ӱдыр-каче нерген муро»), основой которых соединительная тема. Песни этих подгрупп обозначают и отражают главную «интригу» свадебной игры (действа) – противостояния и соединения двух сторон (двух родов). Они демонстрируют ситуацию соревнования сторон и явное превосходство партии жениха – идея, которая показательна для марийской свадьбы (партия невесты не исполняет песен в доме невесты).

Как особую группу мы выделяем блок песен прощания (расставания, отбытия), которые исполняются во время приготовлений к отъезду и во время отъезда поезда из дома (деревни) невесты. Группа песен отъезда составляет своего рода обратную симметрию песням приезда, они призваны обозначить ритуал разъединения. Зачастую можно фиксировать повторы песен прибытия и песен отбытия свадебных поезжан, которые отличаются лишь глагольными изменениями формул движения. Основная цель прощальных песен – обозначить ситуацию открепления невесты, отбытия поезда («ӱдыр лукмо муро», «чеверласыме муро»). В этой группе расставания мы выделим песни пожелания, песни наставления, наказа-повеления («сугыньо»), песни прощания поезжан, песни благодарения, а также церемониальные и заклинательные песни отчуждения девушки. Отметим, что в традиционном свадебном репертуаре песни прощания по большей части характеризуют *состояние* невесты и её родителей, а также (реже) невесты и жениха. В корпусе песен прощания свадебных поезжан выделяется подгруппа песен пожелания и благодарственных песен, которые составляют своего рода блок песен свадебного этикета, что сближает их с разрядом церемониальных песен. Мы можем предполо-

жить, что данная сюжетная группа песен (песни пожелания, благодарения) – более поздняя жанровая группа традиционной свадьбы.

Один из главных циклов свадебного репертуара – величально-корильные песни. Это «адресные» песни, их основная функция – славление или порицание главным образом основных персонажей свадьбы – невесты и жениха, в меньшей мере – родителей невесты и других персонажей – «савуша» (дружки), «ончылно-шогышо» (впередистоящей девушки), «кугувенге» (старшего зятя). Здесь часто мы можем отметить полифункциональность свадебного песенного репертуара, которая обусловлена наличием в песне не одной, а нескольких сюжетно-тематических ситуаций. Многие песни совмещают величание и церемониальную, комментирующую функцию. Величально-корильные песни сопровождали многие ритуальные моменты свадьбы, их можно объединить в своего рода корильно-величальный цикл, показывающий *отношение* (с точки зрения этнических ценностей и идеалов) к действующим лицам и персонажам свадебного действа. Эта группа – одна из главных в корпусе песен свадебного застолья, особенно во второй половине свадьбы – во время приготовлений к отъезду, во время выхода жениха и невесты, а также и на следующем этапе свадебного действа – у ворот дома и в доме жениха.

Жанрово-функциональный состав песен, которые исполняются в доме жениха, в основном, тот же самый, здесь исполняются и преобладают песни церемониальные, величальные паре (жениху и невесте), заклинательные, празднично-застольные. Ведущие сюжетно-тематические группы при приезде к дому жениха и в доме жениха мы обозначили как песни «привоза невесты» (приобретения), песни на тему дороги (своего рода «песни-рапорты»), благопожелания, приветственные, песни приобщения. Большую роль играют заклинательно-магические песни, сопровождающие важнейшие ритуалы перехода, смены статуса невесты, приобщения невесты к новому дому и новой родне.

Итак, жанровый репертуар основного свадебного действа – свадьбы (сӱан) разделяется на жанровые подгруппы церемониальных песен (песен-сообщений, песен-представлений, требований, песен похвальбы и др.), корильных и величальных, заклинательных и ритуально-магических, празднично-застольных и шуточных, прощальных песен (песен отбытия, расставания). Все песни исполняются на традиционные свадебные напевы. Данные жанровые подгруппы являются обязательными для традиционной марийской свадьбы, исполняются строго по ходу обряда и составляют костяк музыкально-песенной драматургии свадьбы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Марий муро / Сост. И.Осмин. – Йошкар-Ола, 1945.

2. *Ефремов Т.Е.* Изучение марийской инструментальной музыки // Марий илыш. Вып. 4. – Йошкар-Ола, 1931.

3. Шӱвырзӧ кугыза // У вий. № 5–6. 1930.

4. *Акцорин В.А.* Краткие итоги фольклорной экспедиции 1959 года к марийцам Кировской области // Труды МарНИИ. Вып. 15. Вопросы языка, литературы и фольклора. – Йошкар-Ола, 1961.

5. *Иванов И.С.* Марий сӹан. – Йошкар-Ола, 1994.

6. *Мамаев В.М.* Мустай ялын илыш корныжо // РНФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 116.

7. *Лосиевский М.В.* Черемисская свадьба // Записки Оренбургского отдела императорского русского географического общества. Вып. 4. – Оренбург, 1881.

8. НРФ МарНИИ. Оп. 4. Д. 35. Тетр. 2. Эшпай Я.А. Марий калык муро. – Йошкар-Ола, 1955.

9. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов. – СПб., 1993.

Maya Mamayeva

ABOUT SYSTEMATIZATION OF THE MARI WEDDING SONGS

The article is devoted to the problem of classification and systematization of the Mari wedding songs. It is the first attempt to make systematic of great number of the Mari wedding songs, exactly its main level – wedding - with the sufficient completeness. The classification is made on the basis of the analyses and generalization of wide circle of ethnographic materials and the Mari song texts. The author leans on different classification sign, she details some hierarchic levels in systematic. Ceremonial-situational and functional-thematic principles were offered in the character of main signs.

«Финно-угроведение», 2008, № 2

СООБЩЕНИЯ

Серафима Сибатрова
Йошкар-Ола

К ИСТОРИИ МАРИЙСКОЙ ОРФОГРАФИИ

История марийской орфографии тесно связана с развитием письменности на марийском языке. Предысторию современной марийской орфографии представляет система письма отечественных изданий с периода выхода первой марийской грамматики (1775) до 30-х гг. XX в. Известно, в конце XVIII в. и в XIX в. марийские книги в России выходили на основе русского алфавита и графики, правил русского правописания. Письмо в них основывалось на фонетическом и морфологическом принципах (вполне понятно, что тогда имела место непоследовательность в обозначении фонем и использовании принципов графики). В церковных переводных книгах середины XIX в. отмечалось определенное изменение системы письма, сближающее ее с марийским произношением. Особое место в развитии марийской орфографии занимали книги, изданные переводческой комиссией при Братстве св. Гурия (Казань, 1867–1892). Считается, что на страницах изданий (букварей, церковных книг, словарей) комиссии оформились основы современного марийского алфавита (использование йотированных букв, дополнительных букв *ӧ, ӱ, ҥ, ӓ*, в заимствованиях букв *ф, х, ц, щ*) и орфографии (передача йотированных звукосочетаний одной буквой, в целом верное отражение лабиальной гармонии, редуцированного звука *ы*, дефисное написание форм множественности, раздельное написание отрицательных средств при глаголах и послелогов, употребление букв ъ и ь, использование в конце слов звонкой согласной буквы *д*, отказ от знака *ѣ* ('ять') после твердых согласных в конце слов, слитное написание многих сложных слов, оформление новых русских заимствований согласно русской орфографии). В 1893 г. произошли некоторые изменения в письме в связи с введением в алфавит букв *ӹ* и *ы*, предложенных М. Веске (последняя употреблялась до 1929 г.). Существенно отличалось письмо в «Марла календаре» (Казань, 1907–1913): были исключены буквы *е, ё, ю, я, ф, х, ц, щ, ѣ, ѳ* ('фита'); йотированные звукосочетания обозначались буквами *йэ, йо, йу, йа*; широко использовалась буква э; конечные безударные гласные, как и в поздних изданиях переводческой комиссии, передавались буквой *ы* (в 1917 г. В.М. Васильев ввел в лугово-восточную марийскую систему письма напи-

сание конечных безударных гласных согласно лабиальной гармонии). Такое письмо использовалось до 1938 г. В 1910–30-х гг., в связи с отсутствием единых утвержденных правил и изданием газет, журналов, книг в разных городах (Казань, Вятка, Уфа, Бирск, Елабуга, Москва, Козьмодемьянск, Краснококшайск, Красноуфимск), отмечался заметный разнобой в письме. В 20–30-х гг. XX в. (1925–1930, 1936–1937) в республике не раз поднимался вопрос об усовершенствовании алфавита и орфографии. В 1925 г. на II съезде работников просвещения были впервые приняты правила орфографии, базирующиеся на новом алфавите из 30 букв (без *е*, *ё*, *ю*, *я*, *ф*, *х*, *ц*, *щ*, *ь* и *ъ*, но с новыми буквами для мягких согласных *њ* и *љ*, которые в практику письма не вошли) и в основном (в том числе в оформлении заимствованных слов) на произношении.

В середине 1930-х гг. проходила острая дискуссия между составителями и сторонниками различных проектов алфавита и орфографии, прежде всего, относительно: включения и использования букв *е*, *ё*, *ю*, *я*, *ф*, *х*, *ц*, *щ* и *ӓ*, употребления э, соответственно обозначения йотированных звукосочетаний одной или двумя буквами и передачи мягких согласных; отражения действия лабиальной гармонии в конце и середине слова; правописания согласных в конце слова и в суффиксах; раздельного или слитного (или дефисного) оформления частиц с вопросительными словами, послелогов; правописания буквы *ы* в разных позициях, буквы *й* в конце слова, заимствованных слов. На языковой конференции 1937 г. было решено не включать в алфавит йотированные гласные буквы, но оставить в нем буквы *ф*, *х*, *ц*, *ь* и ввести букву *щ*.

В 1938 г. были впервые официально утверждены (Президиумом Исполкома МАССР и Наркомом просвещения РСФСР) и опубликованы «Алфавиты и орфографии марийских языков (лугово-восточного и горно-марийского)». В алфавиты были возвращены («дополнительно введены») буквы *е*, *ю*, *я*, *ъ*, оставлены буквы *ф*, *х*, *ц*, *щ*, из лугово-восточного марийского алфавита исключена буква *ӓ* (по сравнению с современными алфавитами в них не было буквы *ё*, вместо нее принято использовать в русских заимствованиях букву *е*). Своды орфографических правил имели одинаковую структуру, они содержали разделы об алфавите и правописании звуков и их сочетаний, правописании основы слова и окончаний, правописании заимствованных интернациональных и русских слов, о слитном и раздельном написании слов и употреблении дефиса, а также образцы правописания всех форм спряжения, в том числе отрицательного. В правилах были изложены нормы использования букв *е*, *э*, *ю*, *я*, *ъ*, *ь*, *ы*, йотированных сочетаний букв, правописание конечных безударных гласных (согласно гармонии), отдельных суффиксов и окончаний, послелогов (отдельно от предшествующих слов), буквы *й* и других согласных в конце слова, личных местоимений, числительных, заимствованных слов (в основном с сохранением русского оформления), сложных слов, временных и модальных форм глагола; нормы переноса слов. Правила 1938 г. сыграли важную роль в дальнейшем совершенствовании норм марийского правописания. В 1939 и 1940 гг. данные правила изданы в соответствующих орфографических словарях в переводе на лугово-восточный и горномарийский «языки».

Отдельные положения лугово-восточной марийской орфографии изменялись, уточнялись и дорабатывались в 1949, 1954, 1972, 1992 гг., горномарийской – в 1956, 1978, 1994 гг. Измененные правила издавались в орфографических словарях.

В 1949 г. в алфавит лугово-восточного марийского литературного языка была введена буква *ё* (для использования в русских заимствованиях), внесены частные изменения в орфографию: изменено правописание отдельных слов, в том числе заимствованных: *курштаташ* 'бегать' вм. *куржталаш*, *минут* вм. *минута*, *секунд* вм. *секунда* и др.), отрицательных частиц желательного наклонения (*ынем* 'не желаю' вм. *инем* и т.д.); принято дефисное написание частиц *-лай*, *-гала*, *-я*, *-ян*, *-с*, *-ыс*, слитное написание названий сотен (*кокшӱдӧ* 'двести' вм. *кок шӱдӧ*), оформление русских собственных географических названий на *-ия* с *-ий* (*Россий* вм. *Россия*) и др.

Алфавит и правила правописания во втором издании горномарийского орфографического словаря (1944) остались без изменений.

В первой половине 1950-х гг. возродилась идея создания единой орфографии для обеих форм марийской письменности (с учетом их сохранения). В связи с этим в 1954 г. опубликована на лугово-восточном литературном языке «Орфография марийского литературного языка», разработанная на основе правописания 1938 г. Правда, ее структура, состав и форма изложения значительно отличались от своей основы. Лугово-восточная марийская орфография, ввиду того что была признана в качестве базовой для всего марийского правописания, претерпела небольшие изменения: принято писать отглагольные формы и слова с основой на *й* без буквы *ы* (*мийза* 'приходите', *миймаш*, *мийме* 'приход' вм. *мийыза*, *мийымаш*, *мийыме*), неопределенные, определительные местоимения и наречия с частицами через дефис (*ала-кӧ* 'кто-то' вм. *ала кӧ* и др.), корни слов на чередующиеся *-ш/-ж* со звонкой согласной буквой (*шижтараш* 'предупреждать' вм. *шиштараш*); упорядочены правила правописания сложных слов; внесены уточнения в написание притяжательных суффиксов 3 л. ед. ч. после согласных букв *ш* (с буквой *ы: -ыже/-ыжо/-ыжӧ*) и *с*, *з*, *ж* (*-ше/-шо/-шӧ*); внесены изменения в оформление отдельных заимствованных слов (*кастрюль* вм. *кастрюля*, *лампе* вм. *лампа* и др.). Все правила снабжены горномарийскими примерами, в случаях несовместимых различий даны отдельные правила или указаны особенности по горномарийскому правописанию.

В 1956 г. данные правила вышли в горномарийском орфографическом словаре (при этом лугово-восточные марийские примеры приведены в скобках). В горномарийскую орфографию введены существенные изменения: регламентировано употребление букв *ӓ*, *ӹ* при обозначении только первых соответствующих фонем в слове (*ӓптан* 'петух' вм. *ӓптӓн*, *ӹдыр* 'девушка' вм. *ӹдӹр*), причем за исключением позиций после гласных букв *ӧ*, *ӱ*, *е*, *и*, *э* (*йӧнан* 'удобный' вм. *йӧнӓн*, *икнары* 'одинаковое количество' вм. *икнӓрӹ*); предписано двоякое оформление заимствованных из русского языка глаголов неопределенной формы – по нормам горномарийского и лугово-марийского произношения (*организу́яш*, *организова́тлаш*); сочетание букв *вш* в середине слова заменено сочетанием *пш* (*шыпшаш* 'тянуть' вм. *шывшаш*).

В 1972 г. отдельно издана лугово-восточная марийская орфография. В отличие от предыдущей, в ней исключены правила, положения, примеры, относящиеся к горномарийской орфографии. Улучшена структура: выделены разделы по правописанию гласных, согласных, *ъ и ь*, всех частей речи (по отдельности), сложных слов, иноязычных слов, по переносу слов; впервые даны правила употребления прописных букв. Особенность данной орфографии: 1) внесены изменения в правописание названий сотен (принято писать раздельно), порядковых числительных, образованных от названий десятков (*луымшо* 'десятый' вм. *лумшо*), причастий, деепричастий, инфинитива долженствования и существительных, образованных от глаголов второго спряжения на букву *й* (регламентировано писать без исключения с буквой *ы*: *кайыше* 'идущий', *кайышыла* 'идя' , *кайыман* 'надо идти', *кайымаш* 'уход, движение'); 2) включено значительное количество новых правил, например, по правописанию: безударных гласных в конце русских заимствований при словоизменении (согласно гармонии), согласных с четким произношением, форм некоторых падежей и лиц имен существительных, прилагательных, числительных приблизительного счета (через дефис), падежных форм отдельных разрядов местоимений, суффиксов глаголов, наречий с суффиксами, междометий и подражательных слов; 3) исключено несколько правил, например, о правописании: буквы *щ*, йотированных буквосочетаний в собственно марийских словах, притяжательных местоимений, форм заимствованных глаголов; 4) упорядочен, усовершенствован ряд правил, например, о правописании: букв ъ и ь, притяжательных суффиксов 1 и 2 л. ед. ч., сложных слов (их слитное оформление построено в основном на семантических признаках), окончаний глаголов повелительного наклонения; 5) без специального правила расширено употребление буквы *ы* в середине марийских слов (*дыр*, *тыр*, *выр*, *гыр*, *кыр* вм. *др*, *тр*, *вр*, *гр*, *кр: чодыра* 'лес' вм. *чодра*, *лавыра* 'грязь' вм. *лавра*); 6) внесены изменения в написание отдельных слов, в т. ч. русских заимствований с безударной гласной *а* в конце (*котлет* вм. *котлета*, *парт* вм. *парта*, *банке* вм. *банка* и др.).

Горномарийская орфография 1978 г. составлена в целом по структуре лугово-восточной марийской орфографии 1972 г. Однако общее количество правил в ней в два раза меньше, чем в последней. Это объясняется тем, что исключены пункты правил 1956 г., отражающие особенности лугово-восточного марийского правописания; не включены по понятным причинам правила, связанные с написанием безударных гласных в конце слова и обозначением их редукции или выпадения в середине слова (занимающие немалое место в лугово-восточной марийской орфографии 1972 г.), относящиеся к грамматическим и стилистическим нормам языка, а также не представляющие особых трудностей для письма. Правила обозначения палатальной гармонии остались те же, что и в орфографии 1956 г. Примечательно, что расхождения в двух марийских орфографиях были практически незначительны: это – сохранившееся дефисное (в лугово-восточной) и слитное (в горномарийской орфографии) написание суффикса множественного числа *=влак* и *-влӓ*; раздельное (в лугово-восточной) и слитное (в горномарийской орфографии) оформление компонентов *иге* 'детёныш', *лу* 'кость', *коля* 'мышь', *ушмен* 'свекла', *шӱдӧ* 'сто'; различия

в образовании и соответственно в правописании дробных числительных (л.-в. *ик кокымшо*, г. *ик кокташ*, *ик кокшы* '1/2', л.-в. *ноль тичмашат кандаш луымшо*, г. *ноль целый дä кäндäкш десятый* '0,8').

В 1992 г. опубликованы современные лугово-восточные орфографические правила (утверждены Советом Министров МССР). В них в целом сохранены (если не принимать во внимание перестановку некоторых разделов) структура и содержание орфографии 1972 г., однако: 1) исключены правила, отражающие грамматические нормы языка, а также (по сути повторяющиеся) связанные с правописанием безударных гласных конца слова при словоизменении, формообразовании и словообразовании; 2) дополнен ряд правил, например, о правописании: начальной согласной буквы второго компонента в сложных словах (согласно произношению), сложных и составных глаголов, сложных наречий, составных частиц; о возможности использования в письме краткой и полной форм некоторых местоимений, деепричастий образа действия и др.; 3) внесены изменения в написание групп слов и отдельных слов: прилагательных с суффиксом *-се/-со/-сӧ* (расширен круг слов в исключении, регламентируемых оформлять без буквы *ы*), названий десятков от 60 до 90 (принято писать, как и остальные, согласно лабиальной гармонии); названий птиц, животных и зверей, единиц со вторыми компонентами *иге* 'детёныш', *лу* 'кость' в качестве терминов, *вуя*, *йола*, *кида*, *шӱма* (установлено писать их слитно), следует отметить, несмотря на то что правила письма сложных слов не претерпели других изменений, количество сложных слов в словнике словаря намного увеличено; 4) изменено правописание заимствованных из русского языка слов с безударными гласными *а*, *о* в конце, которые регламентировано писать «по возможности» (за исключением научно-технических и общественно-политических терминов, названий континентов и стран, слов, обозначающих женщин по профессии и национальности) согласно лабиальной гармонии или с усечением безударной гласной буквы (*базе*, *скульптур*). Изменения, введенные в правописание заимствованных и сложных слов, вызвали большой спор среди марийских лингвистов и творческой интеллигенции, который продолжается до настоящего времени.

В 1994 г. вышли современные горномарийские орфографические правила. Как и прежде, они составлены в основном по структуре очередной лугово-восточной марийской орфографии. По сравнению с предыдущей горномарийской орфографией в них почти втрое увеличено количество правил, добавлен ряд правил. прежде всего, о правописании: безударных гласных букв *а*, *о*, *е*, *я* в конце заимствованных слов при словоизменении и формообразовании; словообразующих и формообразующих суффиксов существительных, прилагательных, глаголов и глагольных форм, наречий в разных позициях; двойных букв на стыке различных морфем; краткой и полной форм некоторых местоимений, наречий и др. Конкретизированы правила правописания сложных слов, числительных. В орфографию возвращено: 1) отражение палатальной гармонии в полной мере – обозначение переднерядных гласных фонем *ӓ* и *ӹ* соответствующими графемами во всех слогах; 2) оформление заимствованных из русского языка существительных с окончаниями *-ия*, *-ие*, *-ий* без последних

букв (*истори*, *учреждени*, *санатори*). По новой орфографии заметно ограничен круг сложных слов – предписано (в зависимости от контекста, семантики конструкций) раздельное написание постпозиционных компонентов *игы* 'детёныш', *кек* 'птица', *шуды* 'трава', *пеледыш* 'цветок', *понгы* 'гриб'; установлено несколько иное оформление смешанных дробных числительных, в том числе обозначающих десятые, сотые, тысячные доли: *ик цела дä кым луаш* вм. *ик целый дä кым десятый* '1,3', *нылл цела дä коклы выц шудäш* вм. *нылл целый дä коклы выц сотый* '4,25'.

Известно, что в написании орфограмм в современной марийской орфографии, как и раньше, ведущими являются фонетический и морфологический принципы. Согласно фонетическому принципу, отражающему позиционные чередования фонем, пишутся: суффикс 3 л. ед. ч. существительных и показатель 3 л. ед. ч. глаголов повелительного наклонения л.-в. *-ше/-шо/-шӧ* и *-же/-жо/-жӧ*, г. *шы/-шы* и *-жы/-жы*; в лугово-восточной марийской орфографии форма 2 л. мн. ч. глаголов повелительного наклонения *-са/-за*; отрицательные (в горномарийской орфографии также неопределенные с препозиционной частицей *та-/тä-*) местоимения и наречия, образованные от вопросительных слов с согласной фонемой *к* в начале; сложные слова с чередующимися звуками *к/г*, *т/д*, *п/в* в начале вторых компонентов; отдельные суффиксы (например, *-тар/-дар*, *-т/-д*).

Морфологическим принципом, предусматривающим графическое единство морфемы, определяется правописание: корней и основ на чередующиеся глухие и звонкие согласные звуки *т/д*, а также *ш/ж*, *п/в*, (в заимствованных словах) *б/п* и *г/к* в конце; служебных слов – послелогов, частиц, союзов со звуками *т/д*, *к/г* в начале; служебных морфем со звуками *т/д*, *к/г* в начале – суффикса 2 л. мн. ч. существительных и окончания 2 л. мн. ч. 1-го прошедшего времени л.-в. *-да*, г. *-да/-дä*, в горномарийской орфографии – также окончания 2 л. мн. ч. глаголов повелительного наклонения *-да/-дä*; отрицательных суффиксов имен и глагольных форм л.-в. *-де* и *-дыме/-дымо/-дымӧ*, г. *-дымы/-дӹмы*; показателя совместного падежа *-ге*; суффиксов причастий и деепричастий, образованных от глаголов второго спряжения.

Бóльшая часть заимствований из русского языка в марийском оформляется как и в языке-источнике. Отдельные группы слов (ранние заимствования, часть слов с безударными гласными *а*, *о* в конце, существительные на *-ок*, *-ия*, *-ие*, *-ий*, прилагательные на *-ский*, *-ический*, *-ой*, *-ий*, имена существительные, употребляющиеся только в форме множественного числа) пишутся в соответствии с марийским произношением или приближенно к марийскому произношению.

Обзор системы письма и орфографии марийского языка разных периодов и разных лет позволяет утверждать, что, несмотря на имевшие место недостатки, непоследовательности, неоднократные отмены и возвраты в правописании отдельных групп слов и форм, в использовании букв, путь марийской орфографии был в целом поступательным. К настоящему времени определились ее принципы, на основе которых выработаны правила: употребления букв, в том числе прописных, правописания слов, форм и суффиксов разных частей речи, переноса слов. Однако

все еще дискуссионными остаются правила письма сложных лексических единиц и русских заимствований с безударными гласными *а*, *о* в конце.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алфавиты и орфография марийских языков (лугово-восточного и горно-марийского). – Йошкар-Ола, 1938.

2. *Васикова Л.П.* Кырык марла орфографи лӹмдер. – Йошкар-Ола, 1994.

3. *Иванов И.Г.* История марийского литературного языка. – Йошкар-Ола, 1975.

4. *Иванов И.Г.* Марий литератур йылме историй: Студент-влаклан тунемме книга. – Йошкар-Ола, 2003.

5. *Иванов И.Г.* Вехи марийской письменности: краткий исторический очерк. – Йошкар-Ола, 2007.

6. *Лаврентьев Г.И.* Марла возымаш: 30-шо ийласе тура савыртыш // Ончыко, 2003, № 8.

7. *Лаврентьев Г.И.* Марла возымаш: 30-шо ийласе тура савыртыш // Ончыко, 2003, № 11.

8. *Лаврентьев Г.И.* 40-ше – 90-ше ийласе марла возымаш // Ончыко, 2004, № 6.

9. Марий орфографический словарь / Асылбаев А. ден Учаев З. ямдыленыт. – Йошкар-Ола, 1954.

10. Марий орфографий мутер / Галкин И.С. ден Учаев З.В. ямдыленыт. – Йошкар-Ола, 1972.

11. Марий орфографий мутер / Абрамова А.А. ден Галкин И.С. ямдыленыт. – Йошкар-Ола, 1992.

12. Мары орфографический словарь (кырык марла) / Саваткова А. составляен. – Йошкар-Ола, 1956.

13. *Мурзаев А.С.* Марийский (кырык марла) орфографический словарь. – М., 1940.

14. *Мурзаев А.С.* Марийский (кырык марла) орфографический словарь. 2-шы издани. – Козьмодемьянск, 1944.

15. *Саваткова А.А.* Мары орфографический словарь. – Йошкар-Ола, 1978.

16. *Смирнов К.Ф., Андреев И.Ф.* Марийский лугово-восточный орфографический словарь. – М., 1939.

17. *Смирнов К.Ф., Андреев И.Ф.* Марий йылме орфографический словарь. 2-шо, тӧрлатыме да ешарыме изданий. – Йошкар-Ола, 1948.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

л.-в. – лугово-восточный

г. – горномарийский

Serafima Sibatrova

TO THE HISTORY OF MARI ORTHOGRAPHY

The article gives short review about the history of writing and orthography system of the Mari language. In conclusion, the author of the article gives deduction that in spite of defect, inconsistencies, repeated abolition and return separate words and forms in orthography and in use of letters, the way of Mari orthography was progressive in whole. To the present time its main phonetic and morphological principles are formed. On the basis of these principles the rules of usage letters, spelling of words, forms and suffixes of different parts of speech and moving words were made. However, spelling rules of compound lexical units and Russian borrowings with the unstressed vowels a, o, in the end of the words are discussion one.

Алевтина Николаева
Йошкар-Ола

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ В УРЖУМСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Гармония гласных

Гармония гласных, одна из разновидностей ассимиляции звуков в области вокализма, является одним из существенных черт финно-угорских языков, в том числе и марийского языка. Впервые существование гармонии гласных в марийском языке заметил М. Кастрен (1, с. 11). После него ученые неоднократно делали попутные заметки о характере действия гармонии вокализма марийского языка (2, с.19; 3, с.10). С началом систематического и планомерного изучения марийского языка, так или иначе касались этого вопроса многие марийские лингвисты, такие как В.М. Васильев (4, с. 8; 5, с.10), Г.Г. Кармазин (6, с. 8). К проблеме гармонии гласных не раз обращались и в последующем (7, с. 61–64; 8, с. 69–73; 9, с. 140–147; 10, с. 21–23; 11, с. 18–31; 12, с. 31–43). В настоящее время в некоторой степени изучены закономерности проявления гармонии гласных в отдельных диалектах.

Гармонией гласных называется такое фонетическое явление, при котором характер гласных последующих слогов слова как корня, так и аффиксов, определяется качеством гласного корня. Фонетической основой гармонии является противопоставление гласных переднего и заднего ряда, а также деление гласных на огубленные и неогубленные (5, с. 10; 7, с. 61–64; 8, с. 69; 9, с. 140). Гармония базируется также и на ударности гласного (12, с. 36).

Гармония гласных в диалектах марийского языка представлена по-разному. В горном наречии существует т.н. палатальная гармония (8, с. 69). В северо-западном наречии имеются оба вида гармонии – и палатальная, и лабиальная, они переплетаются друг с другом и создают таким образом полную гармонию звучания слова (13, с. 46). В луговом наречии представлена гармония по огубленности (8, с. 72). Восточное наречие характеризуется наличием и лабиальной, и палатальной гармоний (11, с. 21–22).

В уржумском говоре доминирующей является лабиальная гармония. Сущность лабиальной гармонии состоит в том, что ударный гласный действует ассимилирующе по признаку огубленности и неогубленности на конечный гласный. За ударными огубленными гласными заднего ряда *о, у* в абсолютном исходе слова выступа-

ет *о*: *pošəšto* 'на лугу', *sondəkəšto* 'в сундуке', *kurəkəšto* 'на горе', *kušto* 'где'. За ударными лабиальными гласными переднего ряда *ц, я – ц*: *pörtəštö* 'в доме', *üŋšö* 'стеснительный, *jüštö* 'холодный'. За ударными неогубленными *а, е, и, э, ы – е*: *ureməšte* 'на улице', *lapkəšte* 'в магазине'.

Широко она распространена и в уржумском говоре. Здесь она выступает особенно последовательно, т.е. соблюдается и в закрытых слогах: *külöš* 'надо', *ušküž* 'бык', *omol* 'отр.част. глагола 1 л. II прош. вр.', *kuturšaš* 'для разговора', *pörtön'* 'веранда', *šümöm* 'мое сердце', *örgγön* 'забодал'.

Следует отметить, что выступление гармонии по огубленности не всегда зависит от гласного ударного слога. Надо полагать, что это следы гармонии гласных протофинно-угорского языка, базированной на качестве первого слога (12, с. 32).

В отличие от литературного языка, в уржумском говоре гармонизации подвергаются не только гласные абсолютного конца, но и гласные серединных слогов: *kuturšaš* 'для разговора', *tükülmö* 'закрытый', *tugokšo* 'также', *pörβöj* 'первый'.

В уржумском говоре лабиальная гармония в основном носит прогрессивный характер, но также встречается уподобление гласных по огубленности регрессивного характера, когда гласный первого слога уподобляется гласному не первого слога. Это явление особенно заметно в русских заимствованиях: *opsol'utno* 'абсолютно', *kološem* 'моя галоша', *кортопка* 'картошка'.

Лабиальной гармонии в уржумском говоре подчиняются: суффиксы падежей:

-šte (-što, -štö): kožlašte 'в лесу', *pošəšto* 'в поле', *pörtəštö* 'в доме', *βujəšto* 'в голове', *körγəštö* 'внутри';

-ške (-ško, -škö): kožlaške 'в лес', *pošəško* 'в поле', *βüδəškö* 'в воду';

различные словообразовательные суффиксы имен существительных:

-če (-čo, -čö): kütüčö 'пастух', *pašače* 'трудолюбивый';

-ze (-zo, -zö): murəzo 'певец', *küčəzö* 'нищий', *koləzo* 'рыбак';

притяжательный суффикс 3 лица ед. ч.: *βujžo* 'его голова', *lümžö* 'его имя', *upšö* 'его волосы', *kitše* 'его рука';

суффиксы прилагательных: *-le (-lo, -lö): lümlö* 'знаменитый', *kuatle* 'крепкий'.

-se (-so, -sö): jalse 'деревенский', *möŋəsö* 'домашний', *tuso* 'тамошний', *olase* 'городской';

суффикс 3 лица ед. ч. императива: *puržo* 'пусть зайдет', *kajže* 'пусть идет', *lüštəžö* 'пусть подоит', *βozəžo* 'пусть пишет';

суффиксы причастия: *-še (-šo, -šö): kuturšo* 'говоряший', *əštəše* 'делающий', *ončəšo* 'смотрящий', *βozəšo* 'пишущий';

-me (-mo, -mö): türləmö 'вышитый', *počmo* 'открытый', *tükülmö* 'закрытый', *čuriončəmo* 'зеркало', *əstəme* 'сделанный'.

-δəme (-δəmo, δəmö): lüδδəmö 'смелый', *užδəmo* 'неувиденный', *pətəδəme* 'несконачаемый', *kojδəmo* 'неприметный'.

суффиксы наречий : *-ne (-no, -nö): küšnö* 'вверху', *ülnö* 'внизу', *šeŋγelne* 'позади';

-ke (-ko, -kö): ončəko 'вперед', *örβəžkö* 'в сторону', *pokšeke* 'в середину', *jəmake* 'вниз'.

В выступлении лабиальной гармонии имеются некоторые отступления. Не подчиняются закону лабиализации:

суффикс императива 2 лица мн.ч.: *počsa* 'откройте', *peletsa* 'цветите', *kuštâza* 'танцуйте', *ončâza* 'смотрите';

суффикс 1 и 2 лица мн.ч. настояще-будущего времени, а также имперфекта и перфекта: *βozena* 'пишем', *bozeδa* 'пишете', *kalasâšna* 'мы сказали', *kalasâšda* 'вы сказали', *moδânna* 'мы играли', *moδânδa* 'вы играли'.

притяжательный суффикс 1 и 2 лица мн.ч.: *jüikna* 'наш голос', *törzana* 'наше окно', *kolδa* 'ваша рыба', *jonδalδa* 'ваши лапти', *kočkâšna* 'наша еда';

суффикс деепричастия -*δe: âštâδe* 'не делая', *šičδe* 'не садясь', *užδe* 'не позвав'.

Лабиальная гармония в уржумском говоре, несмотря на свои специфические черты, имеет много общего с лабиальной гармонией в литературном языке.В говоре она является живым фонетическим процессом. Ее воздействию подчиняются не только исконно марийские слова, но и заимствованные из других языков, в частности из русского, например: *školâšto* 'в школе', *torojšto* 'во втором', *selaške* 'в село', *mestašte* 'на месте', *βjatke* 'Вятка'.

Появление лабиальной гармонии в русских заимствованиях имеет ряд особенностей: лабиализация конечных гласных в них не всегда связана с ударным гласным, на качество последнего гласного нередко влияет гласный предпоследнего слога, а если им окажется *ы*, то гласный следующего перед ним слога: *raδiošto* 'на радио', но *respublikâšte* 'в республике'; если гласным предпоследнего слога оказывается *ы*, то это обстоятельство не будет влиять на лабиализацию конечного гласного: *klubâšto* 'в клубе', *kolhozâšto* 'в колхозе'.

В говоре сохранилась и палатальная гармония. Сущность палатальной гармонии заключается в том, что гласный первого слога слова действует уподобляюще на гласные не первых слогов по ряду, по укладу языка. Если в первом слоге слова стоит гласный переднего ряда (*u, ÿ, e, ö*), то гласные других слогов должны быть тоже переднего ряда, и наоборот, если в первом слоге стоит гласный заднего ряда (*y, o*), то гласные последующих слогов тоже должны быть гласными заднего ряда, например: *šonδâkâšto* 'в сундуке', *čüčün'ö* 'тетя', *kumâško* 'самогон', *pükönâštö* 'на стуле'. Особенностью говора является связанность выступления лабиальной гармонии с рядностью гласных, т.е. палатальная и лабиальная гармонии выступают одновременно, создавая полную сингармонию звучания слова. Гласные уподобляются не только по огубленности, но и по ряду: *tükülmö* 'закрытый', *čüčü* 'дядя', *terne* 'дома', *sösö* 'калина', *keβetâšte* 'в магазине', *tol'o* 'пришел', *jörö* 'мясо', *tiške* 'сюда', *möŋgö* 'домой'. Это говорит о том, что в говоре есть и гармония по палатальности, но она выступает как частный случай лабиальной гармонии. Сказанное подтверждают также примеры типа *üšküž* 'бык', *külöš* 'надо', *örɣön* 'забодал'.

Материалы говора показывают, что палатальная гармония в прошлом существовала и в луговых диалектах. В процессе развития диалектов ее в дальнейшем вытеснило другое уподобление – гармония по лабиальности. Сейчас в

уржумском говоре палатальная гармония сохранилась как остаточное явление, лабиальная же гармония в говоре имеет тотальное распространение как живое фонетическое явление.

2. Ассимиляция согласных

Уподобление соседствующих звуковых сегментов или близкостоящих согласных звуков – одно их фонетических явлений консонантизма. В зависимости от структуры и особенностей фонетической системы в конкретных языках оно проявляется по-разному. Так, в мишарском диалекте татарского языка выделяются три типа ассимиляции – губная, носовая и по участию голоса (14, с. 101), в демском говоре башкирского языка ассимиляция аффиксальных согласных проявляется лишь по линии сонорных (15, с. 193–194). В марийском языке в силу особенностей его артикуляционной базы уподобление звуков происходит по звонкости или глухости, способу образования (16, с. 120) и месту артикуляции. Оно может быть частичным или полным, проявляться в прогрессивном или регрессивном направлении.

В модификации согласных звуков уржумский говор не имеет каких-либо существенных отличий от других марийских диалектов. Из всех видов уподобления согласных в говоре наиболее распространенным является прогрессивная ассимиляция по участию голоса. Суть ее состоит в том, что глухие согласные подвергаются ассимилятивным воздействиям и озвончаются. Её действию подчиняются как собственно марийские слова, так и заимствованные.

В корне (или в основе) ассимиляция в основном происходит в русских заимствованиях: *kanδor* 'контора', *lambe* 'лампа', *penze* 'пенсия'. В большом количестве ассимиляция согласных встречается на стыке основы и словообразующего или формообразующего аффикса. Вследствие такого уподобления многие аффиксы стали иметь параллельные формы, начинающиеся либо со звонкой, либо с глухой согласной фонемы. Первичными являются глухие, звонкие фонемы обязаны своим происхождением ассимилятивным воздействиям предшествующих сонорных или согласных *z*, *ž* (17, с. 201): *paldaraš* 'знакомить' – *tanastaraš* 'сравнивать', *tolza* 'приходите' – *jotsa* 'спросите', *kajže* 'пусть идет' – *kotšo* 'пусть останется', *jolžo* 'его нога' – *tupšo* 'его спина', *akada* 'ваша сестра' – *βol'ə̑kta* 'ваша скотина', *βujdə̑mo* 'безголовый' – *kittə̑me* 'безрукий'. Встречаются слова, в которых даже при наличии благоприятных условий глухие согласные некоторых аффиксов не подчиняются прогрессивной ассимиляции по участию голоса и шума. Поэтому в одной и той же лексеме могут соседствовать резко различающиеся по звонкости-глухости согласные звуки (18, с. 30–31). Например: *nojšo* 'уставший', *šolšo* 'кипящий', *maɣə̑rtaš* 'заставить плакать', *šižə̑mse* 'осенний'.

Ассимиляция согласных встречается на стыке частей сложных слов. При словосложении начальный согласный второго корня подвергается прогрессивной ассимиляции по участию голоса, если окажется рядом с сонорным или с одним из звонких *z*, *ž* конца предшествующего корня, в соседстве же с любым другим согласным он сохраняет первоначальную глухость: *jolɣorno* 'тропинка', *nurɣol'a* 'полевая мышь', *šemɣorak* 'ворона', *urβoč* 'хвощ'.

Фонетическое чередование обнаруживается также в сочетаниях слов в потоке речи, особенно в послеложных конструкциях: *kitten* 'руками', *ačatten* 'с твоим отцом', *kodatkən* 'если останешься', *kin 'elmetkoδəm* 'когда ты встанешь'.

Ассимиляция по способу образования в уржумском говоре занимает незначительное место. Она связана с назальными согласными *m, n, ŋ*. После *m* согласный *β* передается позиционным оттенком *b*: *koŋɣambal* 'лежанка (русской печи)', *olə̑mbal* 'скамейка'. После согласных *n, ŋ* звуки *γ* и *δ* становятся смычно-взрывными: *cuŋga* 'самогон' *pə̑tə̑meŋge* 'когда закончится', *poŋgo* 'гриб', *kondo* 'принеси', *mondaš* 'забыть', *sapβondo* 'цеп'.

Редко в говоре встречается явление регрессивной ассимиляции. В основе слова последующий согласный уподобляет себе по глухости предшествующий звонкий: *motšo* 'играющий' – *moδaš* 'играть' – *motsa* 'играйте', *kotsa* 'оставайтесь' – *koδaš* 'остаться', *lutšo* 'образованный', *luδaš* 'читать'.

В русских заимствованиях регрессивная ассимиляция языка-источника сохраняется: *opsol 'utno* < *апсолютно* (орф. абсолютно) *posatke* < *посатка* (орф. посадка), *trupka* < *трупка* (орф. трубка).

В литературном языке, в горном наречии (19, с. 127) наблюдается явление диссимиляции, для описываемого говора это не характерно.

В уржумском говоре встречается явление выпадения согласных: *luk* 'вынеси' < *luktaš* 'выносить', *koc* 'кушай' < *kockaš* 'кушать', *koš* 'ходить' < *koštaš* 'ходить', *püc* 'отрежь' < *pückaš* 'отрезать', *ommoto* 'не умею' < *moštaš* 'уметь', *opu* < *ok pu* 'не дает', *ojörate* < *ok jörate* 'не любит'.

Итак, для уржумского говора характерны все виды уподобления согласных, свойственные марийскому языку. Более широкое распространение получила прогрессивная ассимиляция по участию голоса. Указанным закономерностям подчиняются как собственно марийские, так и заимствованные слова.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Castren M.A.* Elementa grammatice tscheremissae. – Kuopio, 1845.
2. *Wiedemann F.* Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache. – Reval, 1847.
3. *Веске М.* Исследования о наречиях черемисского языка. – Казань, 1889.
4. *Васильев В.М.* Записки по грамматике языка народа мари. – Казань, 1918.
5. *Васильев В.М.* Элементарная грамматика марийского языка. – Краснококшайск, 1927.
6. *Кармазин Г.Г.* Материалы к изучению марийского языка. – Краснококшайск, 1925.
7. *Пенгитов Н.Т.* К вопросу о звуковом составе современного марийского языка // Уч. записки МарНИИ. Т. I. Вып. I. – Йошкар-Ола, 1948.
8. *Грузов Л.П.* О составе фонем сардаяльско-арборского говора марийского языка // Труды МарНИИ. Вып. XIII. – Йошкар-Ола, 1960.
9. *Грузов Л.П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. – Йошкар-Ола, 1965.
10. *Лаврентьев Г.И.* Ассимиляция согласных в волжском говоре марийского языка // СФУ. № 3. – Таллин, 1966.
11. *Исанбаев Н.И.* Гармония гласных и ее виды в марийском языке // Вопросы марийского языка. – Йошкар-Ола, 1975.
12. *Галкин И.С.* Особенности гармонии гласных в горном и северо-западном наречиях

марийского языка и принципы их возникновения // Вопросы марийской диалектологии. – Йошкар-Ола, 1981.

13. *Иванов И.Г., Тужаров Г.М.* Северо-западное наречие марийского языка. – Йошкар-Ола, 1970.

14. *Махмутова Л.Т.* Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. – М.: Наука, 1978.

15. *Миржанова С.Ф.* Южный диалект башкирского языка. – М.: Наука, 1979.

16. Современный марийский язык. Фонетика. – Йошкар-Ола, 1960.

17. *Лаврентьев Г.И.* Гармония гласных в волжском говоре марийского языка // Тезисы докладов на научной сессии МарНИИ по итогам исследовательских работ за 1966 г. – Йошкар-Ола, 1967.

18. *Куклин А.Н.* Разновидность ассимиляции гласных и согласных в Красноуфимском говоре марийского языка // СФУ. № 1. – Таллин, 1984.

19. *Васикова Л.П.* Кырык мары йылмышты фонетический процессвла // У сем. № 1. – Йошкар-Ола, 1997.

Alevtina Nikolayeva

CHANGES IN THE FIELD OF VOWELS AND CONSONANTS IN URZUM DIALECT OF THE MARI LANGUAGE

The harmony of vowels is such a phonetic phenomenon at which the character of vowels of the following syllables of a word, both in a root and in affixes, is defined by the quality of a root vowel. Phonetically the harmony is based on contrast of the vowels of front row with the vowels of back row, and also on division of vowels into labial and non-labial ones. Also the harmony depends on a stressed vowel.

In Urzum dialect the labial harmony prevails over the palatal harmony. The labial harmony is widely spread alive phonetic phenomenon in this dialect. The palatal harmony remains as the residual phenomenon.

The assimilation of adjoining sound segments or proximate consonants is one the phonetic phenomena in the field of consonantism.

In modification of consonants Urzum dialect has no essential distinctions from the other mari dialects, there are all kinds of assimilation of the consonants peculiar to the Mari language. From all kinds of assimilation in the dialect the most widespread phenomenon is the progressive assimilation based on a voice participation. The assimilation based on a way of formation of consonants takes a marginal place in Urzum dialect. The regressive assimilation and loss of consonants are also infrequent phenomena in the given dialect.

«Финно-угроведение», 2008, № 2

Елена Попова
Ижевск

«СОЛДАТСКАЯ ЕЛЬ» В СОВРЕМЕННОМ САКРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕСЕРМЯНСКИХ СЕЛЕНИЙ*

Мифологическое осмысление природно-географической среды, связанной с местом проживания и хозяйственной деятельностью человека, является частью космогонических представлений, которые отражают понимание модели мира и его обустройства, восприятия «освоенного» и «неосвоенного», «чужого» и «своего» пространства. Современные культурные ландшафты сельских поселений – результат длительного взаимодействия природы и человека. В контексте его традиционного восприятия следует рассматривать и формирование особого сакрального локуса, связанного с рекрутчиной и проводами в армию. Задача исследования – рассмотреть роль подобных объектов в современной картине мира и топографии отдельной деревни, их места в иерархии других памятников культурного ландшафта. В качестве источника привлечены полевые материалы автора – это «ландшафтные» предания, рассказы о почитаемых местах, описания обряда, топонимика и результаты картографирования.

Обряд проводов в армию у бесермян и объекты ландшафта, отражающие эту сторону жизни деревенского социума, не были предметом специального исследования. Названия местности, связанные с рекрутчиной, приводились языковедом Т.И. Тепляшиной в ходе изучения бесермянской топонимики ряда деревень (1, с. 203–228). Некоторые особенности сакрализации пространства, в том числе, объекты, появившиеся в рамках рекрутской обрядности, рассматривались автором данной статьи в публикациях о формировании традиционных и современных культовых памятников у бесермян (2, с. 126–132; 3, с. 96–98).

В обряде проводов в армию становятся важными сакральные локусы и объекты, которые трактуются или воспринимаются как границы между домом, деревней и внешним миром, куда отправляется рекрут. Здесь путь-дорога в чужие края связана с преодолением границы между своим и чужим пространством. Это пограничье имеет специальную маркировку в природном ландшафте и мифологическое

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проект «Адаптационные ресурсы и практики народов Камско-Вятского региона в условиях российских трансформаций».

осмысление пространства в контексте картины мира. Действия в обряде проводов, что проходили в доме, в пределах деревни, на окраине села, часто связаны с маркировкой или манипуляцией с пространством. Можно выделить несколько важных локусов, характеризующих момент прощания с семьей, родственниками и родной стороной вообще. В контексте этих представлений формируются и обряды, связанные с деревом. Часть из них проходит в день отъезда в избе, когда рекрут расстается с семьей и домом. Здесь в момент прощания и выхода из дома, он вбивает в матицу ленту или лоскут ткани (*чача, тъг*), выполняющий функцию оберега и памятки. Матица в этом контексте является символической границей, что мы видим и в других обрядах. Например, многие действия, связанные с лечением болезней, изгнанием порчи проводят под матицей. Пространство от двери до матицы считается внешним, а от матицы до красного угла уже собственно избой. Поэтому просьба пройти за матицу расценивается или означает не что иное, как приглашение войти в дом. Такие представления прослеживаются в гостевом этикете, обряде сватовства, когда сидящие у порога сваты еще не считаются «вошедшими в избу». Подобное восприятие матицы мы находим и в других культурах (4, с. 102–107; 5, с. 60–62).

Обереги и памятки, кроме родного дома, рекрут оставляет и в избах родственников во время визитов к ним в предыдущие дни. Таким образом, маркируется не только свое пространство, но и родственного коллектива в целом.

Другой сакральный локус – это порог-дверь и ворота, где проходит расставание с родными и усадьбой. Лоскут, ленту или полотенце прибивают монетой на воротные столбы. Выбор этого объекта не случаен, граница усадьбы и улицы всегда наделялась особым семантическим статусом. За воротами начинался уже «другой мир». Эта традиция оставлять метку на воротных столбах по-прежнему соблюдается в ряде селений. Обычай оставлять такую метку на воротах у родного дома, а иногда там, где проходит прощание с новобранцем, встречается у бесермян в деревнях Юкаменского и Глазовского районов Удмуртии. У бесермян дд. Курегово, Коротай Глазовского района, куда переселились бесермяне из соседних исчезнувших селений, на воротный столб со стороны улицы прибивают отрез ткани или полотенце (6).

«…У нас в матицу забивают. Я еще помню, когда уходили, то вышитое полотенце забивали в угол дома. Забивали на улице в угол дома, и это полотенце развевалось. Сейчас только дома в матицу забивают» (7).

Незначительные новации последних лет в целом не изменили цель обряда и отношения к нему сельских жителей. Проводы на службу и в наши дни важное событие не только для отдельной семьи, но и в целом деревенского и молодежного социума села.

«Перед отправлением гулял из дома в дом, угощаясь, прибивая лоскутки (йуиса коркас' корка, чача шуккиса).В каждый дом заходят «по-солдатски поют» (салдат с'амэн корз'аса), угощают вином. Они потом на матицу прибивают лоскутки. Ходили не только к родственникам, но и к соседям рядом.

– А когда появилась традиция прибивать на ворота?

– Некоторые прибивают на ворота. А некоторые только на матицу» (8).

«Памятками» служили полотенца, платки, ленты, лоскутки, оставленные в избе и на воротах. Здесь их функция значительно шире – это еще и атрибут, указывающий, что из этого дома ушли на службу.

«Полотенце или ленту вначале прибивает, потом уже вокруг стола обходит и выходит. Иногда на столб на своих воротах прибивали. Это, чтобы вспоминали до самого его возвращения. Вспоминая его, надо жить! И сам уже, как вернется из армии, снимает» (9).

Отметим, что обереги и «памятки» на воротах и в избе рекрут снимал, вернувшись со службы. В современных обрядах подобная маркировка избы и жилого пространства не утратила своей актуальности.

Следующая важная граница – конец деревни, где проходит расставание с селом и провожающими. В конце улицы при выезде, а иногда около дороги на некотором расстоянии от села, где по представлениям была граница селения, рекруты привязывали на ствол дерева (у верхушки) платок или полотенце, отрез ткани. Здесь в качестве главного ритуального и растительного символа выступает именно дерево, растущее на границе «своего» и «чужого» пространства. В местной топонимике оно имеет специальный термин ель для провожания солдата (*солдат кел'ан къз*), ель солдата (*солдат къз*) или ель с шеей (*чъртиё къз*). Название отражает особый символический статус дерева и его отличие от других подобных объектов местности. Термин «ель с шеей» подчеркивает особую «знаковость» дерева, как результат воздействия человека. Возможно, даже уподобление или аналогии между образом человека и дерева.

«– Подрубают верхушку полностью или только ветки?

– Подрубали почти у самой верхушки.

– Прямо вершинку?

– Да, верхушку, а там еще чуть пониже от нее срубали ветки, ствол оставался немного без веток у вершины. Между ветками ленту привязывали» (10).

Дерево в числе других объектов ландшафта первоначально не обладает каким-то особым сакральным статусом, а обретает его в ходе проведения обряда. Манипуляции с пространством и маркировка дерева (срубить ветки, снять кору на стволе, привязать ткань) входят в общий контекст рекрутской обрядности, являясь его важной и неотъемлемой частью.

«После того как призывник получит повестку, все родственники приглашают его по очереди к себе в дом на чай. Называется это приглашать солдата (солдат этён). А накануне отъезда новобранец приглашает уже к себе. В этот день он ходит с полотенцем, не снимая до самого отъезда. Подарки дарят в этот вечер близкие родственники. Увозили призывника обычно днем. Перед отъездом он забивает монетой в матицу ленту. Выезжая из деревни, в лесу вешает на ель свое полотенце и забивает монетой ленту. И сейчас у нас у каждого призывника есть своя ель» (11).

«Солдатская ель».
д.Гулекшур, Юкаменский р-н, Удмуртская Республика.
ПМА, 2004. Фото Поповой Е.В.

Выбор дерева и его маркировка предполагали определенные правила. Например, дерево должно быть здоровым и без признаков высыхания, высоким и относительно молодым, что служило гарантией того, что оно не погибнет со временем. Привязанная или прибитая метка должна быть видна издалека. На дереве, чуть пониже верхушки, часть веток оставляли нетронутыми, далее ствол на протяжении метра полностью очищали от коры. Иногда снимали кору лишь там, где привязывали ткань или полотенце. Обычно в этих целях выбирали ель, реже – другое дерево хвойной породы.

«Перед тем, как уехать, призывник ходил в поле, где росла ель. Залезал на ель. Убирал немного кору, привязывал на это место длинный платок (куз' кышэт. Речь идет о полотенце» (12).

«Раньше у нас в Гурзи у дерева ветки обрубали (къз чого вал). Красивую, одинокую ель недалеко от поля выбирали и у верхушки срубали ветки. И прибивали полотенце (куз' кышэт). Раньше ведь утром провожали. Туда молодежь шла с вином. Все вместе. Без стариков идут. На ель поднимаются и обрубают ветки. И дома тогда прибивали и в поле. ... И там выезд из деревни, чтоб все видели. Вспоминали его. И не убирают ее. А ту, что дома, вернувшись, уже сам убирает. Выдергивает ткань, а деньги оставляет» (13).

Привязанный платок, полотенце, ткань служат маркером дерева и делают его заметным в ландшафте. Помимо оберега, они, как и дерево, были памятью о рекруте и приобретали сакральный статус:

«Это с давних времен заведено. Привыкли так делать с давних пор. Это обязательно. Это как память. Мимо этих деревьев многие в магазин в Палагай ходят. Это того ель, а эта другого. Вспоминаешь пока в армии человек, да когда вернется, посмотришь и вспомнишь его. Вот, мол, когда уходил в армию, дерево подрубил и оставил. Молодые на это место специально с музыкой во время проводов приезжали на машине или автобусе. К дереву ленту привязывали» (14).

Дереву могли специально поклоняться, просили сберечь новобранца на чужой стороне. Дерево становилось важным элементом в рекрутской обрядности: здесь провожающие веселились, устраивали небольшую трапезу, но обычно все ограничивалось угощением. Часть напитков выливали у основания дерева:

«Все проходило накануне у дерева. В день проводов прощаться туда (к дереву – *Е.П.) идут все родственники. Останавливаются там, веселятся, поют. Выпивку*

берут с собой. С пожеланиями (с'абас' вераса) выливают (спиртное – Е.П.) на корни дерева. Пусть ждет, путь будет благополучным (букв.: служба). *Потом, если кто из молодежи едет дальше до военкомата в Юкаменское провожать, то они в автобус садятся. А такие как мы – старики домой уже возвращаемся»* (15).

В обряде сформировались и местные локальные варианты. Например, в качестве залога удачной дороги оставляли под деревом монеты. В деревне Турчино Юкаменского района такие деревья при выезде (старый тракт – *Е.П.*) росли на площадке, совпадавшей с местом старого бесермянского некрополя, известного как татарское кладбище *(бигэршай)*. По воспоминаниям жителей, рекруты приходили сюда перед отправлением в армию, и оставляли под деревьями монеты. Возможно, здесь мы видим почитание дерева и сакрального места, связанного с погребенными предками. Обряд существовал до середины XX века. С изменением коммуникаций (выезд на основной тракт стал с другой улицы деревни) традиция стала постепенно угасать (16). Во время археологических раскопок памятника *бигершай*, в грунте на территории могильника в одной из частей были обнаружены монеты: 3 медных копейки, 20 копеек (найдено 9 экз.). Самая ранняя находка монеты относится к 1895 г. (2 копейки, медь), поздняя – 1936 г. (20 копеек, никель) (17, с. 34–35).

Рассматривая традицию и действия, связанные с маркировкой избы, усадьбы и улицы, следует отметить, что дерево на пересечении «чужого» и «своего» пространства имеет более сложную символику. Это объект на границе, обозначающий начало нового пути, это и памятка, но в то же время, оно наделяется особым статусом и персонифицируется. Дерево связано с конкретным человеком, символизирует его жизнь и благополучие. По его состоянию определяли судьбу человека на стороне. Если дерево засыхало или погибало, то это считалось предзнаменованием несчастья, болезни или даже смерти:

«Ель высокая. Метров пять, шесть и до десяти бывает, а может и выше. Надламывают и потом туда прикрепляли ткань. Получалось как флаг. Она там развевается на ветру. Это вот для чего делают: если дерево не засохнет, значит, человек вернется живой, придет обратно. С некоторыми, действительно, так и происходит. Этот обычай проверен временем. И теперь уже идет из поколения в поколение. К этому обычаю привыкли, проводят и в наши дни. Много таких елей у нас стоит вдоль дороги. Сейчас уже здесь у дороги делают. Посмотри, и сейчас есть такие деревья. Они подрублены у ствола, но не сохнут» (18).

Уподобление дерева человеку встречается в мифологических представлениях многих народов. Часто прослеживается взаимосвязь состояния дерева и жизни (судьбы человека). Дерево играет роль ритуального растительного символа, является средоточием жизненной силы в кризисный период, связанный с переходными и другими важными для отдельной личности или деревенского социума, общины, событиями (19; 20, с. 56; 21, с. 85–112; 22, с. 336).

Практика заламывания веток дерева «на память» встречается и в русской традиции. Отмеченное таким образом дерево соотносилось с конкретным человеком,

и по его состоянию определяли, как складывается судьба рекрута вдали от дома. Здесь память по рекруту, кроме пространства родного дома, еще локализуется на границе деревни (23, с. 192–202). Упоминание о подобной традиции мы находим в микротопонимии удмуртов, когда деревья, расположенные в конце селения, где прощались с рекрутами, имеют даже специальное название – «ель солдата» *(салдат кыз)*. Материалы фиксируют и обычай, когда новобранец, поднявшись на ель, обрубал верхушку или ломал несколько веток. Такие деревья, как и в бесермянской традиции, у удмуртов имели обозначение как ель с шеей *(чыртйё кыз)* (24, с. 340). Подобный материал фиксируется и в фольклорной традиции удмуртов, где встречается еще один термин обезглавленная ель (*йыръям кыз*), ель с заголенной шеей *(чыртыё кыз)* (25, с. 55, 57, 58). По мнению Т.Г. Владыкиной, «дерево со срубленной верхушкой в качестве атрибута (и лишь позднее – образа) появляется в проводах обряда как заместитель души уходящего человека. До последнего времени он мог сохраниться лишь в рекрутском обряде, когда уходящий на службу парень выбирал в лесу ель и срубал отросток на верхушке дерева (йыл тульым) и ошкуривал часть ствола у верхушки (*чыртыё кыз* – букв.: «ель с заголенной шеей»)» (25, с. 56–57). Материалы, связанные с рекрутской обрядностью, позволяют утверждать, что формирование сакральных локусов у бесермян и удмуртов имело некоторые общие черты. Возможно, это связано с близостью мифологических представлений обоих народов в понимании пограничного пространства, и в целом – дороги, пути, расставания. Вместе с тем, сакрализация пограничного локуса в контексте рекрутской обрядности находит общие элементы в обычае оставлять «память» по рекруту, что встречается в русской культуре (23, с. 192–202) и среди некоторых народов Урало-Поволжья (26, с. 135–139).

Столб с лентами, прибитыми новобранцами. д.Жувам, Юкаменский р-н, Удмуртия. ПМА, 2007. Фото Поповой Е.В.

Образ дерева и его место в традиционном восприятии мира и сельского ландшафта следует рассматривать в рамках общих космогонических представлений о мировом дереве и в целом обустройстве Вселенной (27, с. 398–406; 19, с. 317–318; 28, с. 253–254). В традиционном и современном мировоззрении бесермян такое дерево было своеобразной «памяткой» об ушедшем человеке. Наконец, его последним личностным обозначением себя в локусе родной деревни, наряду с оберегом, оставленным уже в пределах села – лоскут на матице в родном доме и на воротах. Сегодня ели с платками или лентами – один из немногих памятников, что включены в активную социальную и обрядовую практику. В результате антропогенного воздействия на ландшафт, естественного его изменения и вырубки леса около дороги при выезде из деревни, оберег иногда переносится на другие объекты, находящиеся в конце улицы по пути следова-

ния призывника. Например, в де ревне Жувам Юкаменского района такие обереги в последние годы прибивают к телеграфному столбу при выезде, так как в конце селения, где обычно происходит прощание, деревьев нет (29).

Дерево, как и другие объекты, связанные с проводами рекрута, является относительно поздним памятником среди таких традиционных культовых и сакральных мест села, как священные рощи, кладбища и места молений. Можно предположить, что традиция имеет в своей основе обряд, связанный с отъездом в дальнюю дорогу, который и определил структуру этой относительно поздней традиции. Ритуальный и пространственный код, каким наделяется такое дерево в культуре, ложится в традиционные представления об обрядах перехода, изменения статуса и пересечения границ «освоенного» и «неосвоенного», «своего» и «чужого» пространства. В данном контексте дерево выступает, прежде всего, как объект природы, в результате совершения ряда действий приобретающий статус маркера пространства и оберега человека. Мифологическое восприятие и функции «солдатской ели» следует рассматривать значительно шире, нежели только лишь как часть рекрутской обрядности, а именно – в рамках общих космогонических представлений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Тепляшина Т.И.* Топонимия, распространенная в районе расселения бесермян // Вопросы удмуртского языкознания. Вып.3. – Ижевск, 1975.

2. *Попова Е.В.* Взаимодействие межэтнического, конфессионального и социальных факторов и формирование сакрального пространства бесермянских селений // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Материалы и тезисы докладов Межрегиональной научно-практической конференции (27–29 октября 2006 г., г. Самара). – Самара, 2006.

3. *Попова Е.В.* Традиционные культовые объекты бесермян в формировании современного сельского ландшафта // Духовная культура финно-угорских народов России: Материалы Всероссийской научной конференции к 80-летию А. К. Микушева. – Сыктывкар, 2007.

4. *Христолюбова Л.С.* Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). – Ижевск, 1984.

5. *Черных А.В.* Военная служба и проводы в солдаты у тулвинских татар и башкир во второй половине XIX– XX в. // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: История и современность: Материалы региональной научно-практической конференции. – Глазов, 2002.

6. Полевые материалы автора (ПМА), 2004. д. Гулекшур, Юкаменский район, д. Коротай, Курегово, Глазовский район, Удмуртия.

7. ПМА, 2004. Тютина З.С.,1936 г.р., д.Гордино, Балезинский район, Удмуртия.

8. ПМА, 1999. Биянова А.И., 1924 г.р., род. в д.Гурзи, проживает в д. Коротай, Глазовский район, Удмуртия.

9. ПМА, 1993. Чибышева Г.Е., 1934 г.р., род. в д. Бигер-боня (Близварыж), с 1966 г. живет в д. Курегово, Глазовский район, Удмуртия.

10. ПМА, 2005. Невоструева Г.П., 1939 г.р., д. Гулекшур, Юкаменский район, Удмуртия.

11. ПМА, 1990. Невоструев М.А., 1915 г.р., д. Митрошата, Юкаменский район, Удмуртия.

12. ПМА, 1990. Урасинов В.М., 1905 г.р., д. Юнда, Балезинский район, Удмуртия.

13. ПМА, 1993. Биянова Ю.П. 1917 г.р., род. в д. Гурзи, прож. в д. Курегово, Глазовский район, Удмуртия.

14. ПМА, 2005. Невоструева Г.П., 1939 г.р., д. Гулекшур, Юкаменский район, Удмуртия.

15. ПМА, 2005. Невоструева Г.П., 1939 г.р., д. Гулекшур, Юкаменский район, Удмуртия.

16. ПМА, 1991. д. Турчино, Юкаменский район, Удмуртия.

17. *Останина Т.И.* Турчинский могильник – ранний бесермянский некрополь на севере Удмуртии // Славянский и финно-угорский мир вчера, сегодня. – Ижевск, 1996.

18. ПМА, 2004. Мышкин А.З. 1932 г.р., д. Гулекшур, Юкаменский район, Удмуртия.

19. Мифология коми. Т. 1. – М.-Сыктывкар, 1999.

20. *Владыкина Т.Г.* Фольклорный текст в мифологическом контексте // Удмуртская мифология. – Ижевск, 2003.

21. *Конкка А.П.* Карельское и восточно-финское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом // Этнокультурные процессы в Карелии. – Петрозаводск, 1986.

22. *Конкка А.П.* Дерево-знак: функция и ритуальная символика карсикко в таежной зоне Северной Европы // VII Конгресс этнографов и антропологов России. Доклады и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. – Саранск, 2007.

23. *Кормина Ж.В.* Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. – М., 2005.

24. *Кириллова Л.Е.* Сохранение элементов семейных обрядов в удмуртской микротопонимии // Русский Север и восточные финно-угры: Проблемы пространственно-временного фольклорного диалога. Материалы I Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста, Ижевск, 23–26 октября 2005 г. – Ижевск, 2006.

25. *Владыкина Т.Г.* Фольклорный текст в мифологическом контексте // Удмуртская мифология. – Ижевск, 2003.

26. *Христолюбова Л.С.* Обряды, связанные с воинской службой, у удмуртов // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. – М., 1981.

27. Древо мировое // Мифы народов мира. Т. 1. – М., 1980.

28. Мировое дерево // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. – М., 2004.

29. ПМА, 1999, 2007, 2008. д. Жувам, Юкаменский район, Удмуртия.

Elena Popova

«SOLDIER'S FIR-TREE» IN THE MODERN SACRAL SPACE OF BESERMYAN SETTLEMENTS

In the article it is examined the role of landscape objects during the seeing off army of Besermyan. In the rite of the seeing off the objects which are interpreted and perceived as a border between home, village and outer world, where recruit is left, become important. These objects are the main beam in a house, gates of country estate and the end of village. Recruit hangs ribbon, towel and piece of fabric or shawl on the beam, gates and tree at the end of village where it was leave-taking of home, country estate and village. People marked this tree, cut off crown and bared trunk (stem) of the tree. People can give their regards to the tree asking to keep recruit in foreign lands. At the process of series of actions the tree acquires status of space and protect of people . All rites, connected with landscape objects, were aimed to safe service of recruit and return home healthy and unharmed.

«Финно-угроведение», 2008, № 2

Надежда Федосеева
Йошкар-Ола

ПРОСВЕТИТЕЛЬ МАРИЙСКОГО НАРОДА Г.ЯКОВЛЕВ И ЕГО ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ*

Гавриил Яковлевич Яковлев – один из видных просветителей и педагогов марийского народа, труды которого до настоящего времени остаются до конца неизученными. Это объясняется тем, что в советский период по идеологическим и методологическим причинам переводная религиозно-просветительская литература считалась недостойной изучения и упускалась из поля зрения исследователей. Произведения, написанные на русском языке, считались ненациональными, также произведения, написанные священниками, были изъяты и входили в категорию запрещенных. Переводы религиозных текстов имели большое значение в дореволюционной марийской литературе. Труды священника Г.Яковлева, как и работы других просветителей, были незаслуженно забыты.

Гавриил Яковлевич Яковлев родился 25 марта (12 марта по ст.ст.) 1843 г. в деревне Большая Юл Шудемара Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне д.Куликалы Горномарийского района Республики Марий Эл). Отец его Яков Родионов, мать Агриппина Михайловна придерживались черемисских обрядов, в церковь ходили редко (1, с. 9).

Исследователи биографии Гавриила Яковлева отмечают, что он поступил учиться в Казанскую духовную семинарию, но не окончил ее. На последнем курсе, в 1867 году ушел на педагогическую деятельность, став учителем (2, с. 48).

В том же году он познакомился с известными просветителями Н.И. Золотницким, Н.И. Ильминским, в дальнейшем это знакомство сыграло роль в его сотрудничестве с Братством св. Гурия. В своей деятельности он, опираясь на систему «христианского просвещения» Н.И. Ильминского, много внес в развитие Аринской, Шинышинской, Уньжинской и других школ. Г. Яковлев занимался составлением славяно-русско-марийского словаря, совершенствовал правописание, впервые ввел буквы (ӓ, ӧ, ӱ) для горномарийского языка, выпустил первый букварь на языке луговых марийцев. Он изучал народные языческие верования марийцев, предания, пословицы, культуру и быт народа. На основе собранных материалов в 1887 году в г. Казани издал книгу «Религиозные обряды черемис». Много времени уделял переводческой работе. Будучи человеком верующим, он своим подвижническим тру-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ 08-04-24401 а/В.

дом прививал ученикам и взрослым любовь к своему народу и уважение к русскому и другим народам (3, с. 243).

Свою педагогическую деятельность Гавриил Яковлев начал в селе Пертнуры Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне Горномарийский район РМЭ) 11 октября 1867 года. Там проработал до 17 февраля 1871 года. Параллельно переводил православную литературу на марийский язык.

Работая одновременно учителем Уньжинской инородческой школы и псаломщиком в селе Шиньша Казанской Богородицкой церкви (ныне Моркинский район Республики Марий Эл), Г.Яковлев подготовил Историю Ветхого Завета, Историю Нового Завета, за хорошую работу он был премирован. Деньги, в размере двухсот рублей, он отдал на строительство Уньжинской школы (4, с. 175). В 1873 году Гавриил Яковлев был рукоположен в дьяконы, а 8 ноября 1875 года – в священники.

Гавриил Яковлев проявил себя и как просветитель, и как публицист. Его эпистолярное наследие, находящееся в Национальном архиве Республики Татарстан, является важным источником изучения как личности автора, так и его времени и окружения. В нем излагается точка зрения просветителя на национальный вопрос, общественные явления, религию и т.д. Духовная близость, общность мировидения и просветительская деятельность связали Г. Яковлева с Н.И. Ильминским на многие годы. Стиль его писем к Н.И. Ильинскому весьма интересен. Свое обращение он начинает с таких слов, как «Ваше Высокопревосходительство, Высокопочтеннейший, Многоуважаемый, Возлюбленный, Дражайший Папаша». Далее он пишет о своих делах, не забывая при этом передать поклон супруге Н.И. Ильминского, обращаясь следующим образом: «Возлюбленный мамаша Екатерина Степановна, желаю добраго здоровья и всякаго благополучия во всех делах Ваших, кланяясь глубочайшим почтением» (5, л. 6). Некоторые письма завершаются на марийском языке с пожеланием здоровья: «Юмолан Тау, Юмо полшеме дене кизит илена, чыла сай, Юмо тыландат тазалыкым пужо» («Слава Богу, сейчас живем с Божьей помощью, все хорошо, пусть Бог и вам даст здоровья») (5, л. 36).

Исследователи биографии Г.Яковлева отмечают, что свои уроки просветитель вел на марийском языке, и о его деятельности благочинный Покровский писал: «Всех полезнее ведет свое дело уньжинский учитель Яковлев. Он трудом своим добился того, что ученики его, прочитав из «Священной истории» какое-либо место по-русски, сейчас же переводят прочитанное на свой язык» (2, с. 48).

Впоследствии в Отчете Братства св.Гурия за 1894 год отмечено, что «Уньжинское Министерства Народного Просвещения училище есть лучший тип миссионерской церковной школы. … центральные школы черемисская в Унже Царевококшайского и вотская в Карлыгане Уржумского уезда – получили значительное развитие, которое приближает эти школы по быту и обстановке к Казанской центральной крещено-татарской и дает возможность устроить в этих пунктах постоянное Богослужение на инородческих языках. В общежитии на счет Миссионерского Общества содержатся 20 черемисских мальчиков из разных черемисских местностей, из числа окончивших курс начальной школы» (6, с.4).

Работая учителем в Уньжинской школе, Гавриил Яковлев приложил немало усилий, чтобы привлечь марийских детей к учебе: «В настоящее время, чтобы приблизиться к ним (марийским детям – *Н.Ф.*), и они привыкли ко мне, ни перед учением, ни после учения не заставляю молиться Богу по-христиански и не говорю, чтобы они жили по-христиански, только рассказываю разные священные события, чтобы слушали больше. Если вдруг скажу, чтобы они молились по-христиански и жили, никаких учеников не увидишь, все убегут, и не будут ходить» (5, л. 10); «Во-первых, уведомляю Вас (Н.И. Ильминского – *Н.Ф.*), что в настоящее время есть у меня 25 учеников, с помощью Христа читают порядочно. Также час переводят на черемисский язык. Каждый день два раза преподаю Закон Божий, рассказываю им разные исторические, Евангельские, священные события, объясняю больше православных догмат. Они слушают все с удовольствием; потом идут домой, рассказывают родителям и прочитанное и они с удовольствием слушают» (5, л. 11).

Свою переводческую деятельность Г. Яковлев продолжал до конца своей жизни и в этой области оставил весьма значительное наследство.

Литературными трудами Гавриила Яковлевича Яковлева были переводы православных религиозных книг на марийский язык: «Катехизис» (1871); «Краткая священная история» (1871); «История Ветхого Завета» (1873); «История Нового Завета» (1875), «Крещение на Руси» (1884), «Божественная литургия св.Иоанна Златоустого» (1885), «Требник на луговом наречии черемисского языка» (1886), и др., а также первый «Букварь для луговых черемис» (1873). Им также отредактирован букварь под названием «Упрощенный способ обучения чтению черемисских детей» (1867), составителем которого был И. Кедров. По мнению А.Ф. Степанова, автором букваря являлся М. Кроковский (7). И.Г. Иванов, К.К. Васин считают, что этот и последующие издания букварей переработаны и дополнены Г. Яковлевым (8). Не умаляя эти выводы и замечания исследователей, Г. Яковлева можно считать не только редактором этих книг, но и соавтором.

Если первые издания вышли под названием «Упрощенный способ обучения чтению черемисских детей» (1867, 1870, 1871), то издание 1873 г. представляет собой «Букварь для луговых черемис». В данном букваре в отдельную главу включены краткие нравоучения, которые собраны по соответствующей тематике. Подача материала идет в следующем порядке – сначала автор просит обратить внимание на себя, чтобы с доброй душой дальше молиться Богу, почитать царя, родителей, любить ближних, честно трудиться, творить добрые дела, не ссориться. По сравнению с изданием 1867 года и последующих выпусков, в букваре 1873 года примеры более разнообразны, тексты также отличаются и есть небольшие поправки стилистического характера.

«Букварь для луговых черемис» состоит из 4 частей, 51 страницы:

Первая часть – это алфавит с небольшими примерами, которые представляют собой отдельные слова, фразы и предложения, а также пословицы. Всего в алфавите букваря представлено 36 букв, из них 13 гласных: а, ӓ, я, у, ӱ, ю, о, ӧ, ы, и, і, э, є; 23 согласных: б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, д, ф, х, ц, ч, ш, щ, θ, v. Вместе с примерами дано 23 согласных буквы в следующем порядке: й, м, н, к, нг, л, ш, ж, с, т, д, р, в, ч, з, п, г, б, х, ф, θ, ц, щ.

В букваре автором в качестве примера использовано 59 пословиц, которые тематически можно разделить на следующие группы: 1) Бог, вера, религия; 2) вино; 3) ум, глупость; 4) деньги, богатство; 5) правда, ложь; 6) наследство, подарок; 7) добро, милость, зло; 8) далеко, близко; 9) сущность, наружность; 10) работа, праздность; 11) всему свое время; 12) слово, речь; 13) суд; 14) страх, смелость; 15) царь; 16) тайное, явное; 17) учение.

Также напечатано 5 пословиц на русском языке: «*За Богом молитва, а за Царем служба не пропадают*»; «*Рыба ищет гдѣ глубже, а человѣк гдѣ лучше*»; «*На то и щука, чтобы карась не дремалъ*»; «*Скупой богач бѣднѣе нищаго*»; «*Слово не стрѣла, а пуще стрѣлы язвит*» (1). В эти пословицы вошли выводы и обобщения народной мудрости, житейские правила, которые, по мнению А.А. Потебни, служат ответом на вопросы, возникающие по поводу отдельного сложного случая и являются усеченной или сжатой формой басен, сказок, мифов, устных рассказов (10, с. 519).

Во вторую часть букваря вошел рассказ из истории Ветхого Завета о жизни Иосифа Прекрасного – «*Пеш ушан чебер Іосифан илымаш*». По сравнению с предыдущими изданиями текст на марийском языке более усовершенствован и близок к народному языку.

В третью часть вошли «Поучения» – «*Пором тунуктама шомак*», которые основаны на десяти Заповедях Божиих и направлены на воспитание: «*Ачатлан абатлан ваштарешта ни могая осал шомакамат ит каласы. Ачат абят шогемагаша ит орландары*» («Не говори против родителей плохие слова. Когда твои родители состарятся, ухаживай – букв. не мучай); «*Тыйланэт осалом иныша ишта манын, шкеат йыг-шамычлан осалом ит штэ*» («Чтобы тебе не сделали зла, ты людям не делай зла»). В этих поучениях лежит духовно-нравственная основа воспитания человека не только с религиозно-православной точки зрения, но и житейской мудрости и этики общения: «*Йоса ліэш гыня ит шорт, ліал ліэш гыня ит ибыртэ; ліал курумаш огыл, южнам ик жапыштак йоман кая*» («Если будет тяжело, не плачь, если будешь счастлив, долго не радуйся; счастье не на весь век, иногда может испариться в один миг»); «*Шука ит ойлы. Тый гычет кугурак йыг каласа гыня, шомакшам ит пужы, ит локтал. Шке ойламет шуэш гыня, мом каласаш кюлэш, шонэн ончен каласы*» («Много не говори. Если говорит старше тебя, не перебивай. Если сам хочешь что-то сказать, сначала подумай, о чем хочешь сказать»).

Четвертую часть составляют «*Юмом сӧрбалама шомак-шамыч*» («Молитвы») – утренние молитвы, входящие в православный молитвослов. Сюда вошли тексты молитв: «Трисвятое», «Отче наш», «Верую», «Царю небесный», «50 псалом». Они переведены с использованием минимального количества русских слов.

Буквари, изданные в 1880-х годах, включают в себя параллельные тексты на русском и марийском языках. По мнению самого Г. Яковлева это облегчает обучение как русскому, так и марийскому языкам (5, л. 97).

Последнее издание букваря Г. Яковлева 1908 года дополнено тропарями Двунадесятых и Великих праздников.

При переводах Г.Яковлев учитывал особенности марийского языка. В письмах Н.И. Ильминскому он не раз говорит об этом. Давая в сносках новые значения слов, просветитель учитывал еще и диалектные слова, чтобы читающему было понятно, о чем идет речь: «Местные Уньжинские слова для черемис в окружности города Царевококшайского (ныне Йошкар-Олинского. – прим. *Н.Ф.*) есть непонятные не больше 5-ти слов, а для Сотнурским и Паратским больше, потому что Сотнур и Паратские говорят немножко иначе. Например: для черемис окружности города Царевококшайского непонятны следующие слова: род или племя – насыл – шочыш, соблазнял – йылкындарен – ажгыныктен, волна – толкын, вюд – онг и вюд – вал, скверный ашака и шокша йырынчык. Надо Царевококшайские черемисские слова произносить помягче ч на ц – пример чыла – цыля, чевер – цевер, пычкемыш – пицкемыш, ончычак – онцыцак, чоном – цонэм, но сов самыя те же, что и в Уньже» (5, л. 129–130). Замечания, сделанные Г.Яковлевым относительно лексики марийского языка, вполне уместны. Он обращается к читателям со следующей просьбой: «Покорнейше прошу Вас всех читателей! Не можете ли насколько-нибудь обратить внимание, нам никак невозможно сделать перевод по всем местным словам для луговых черемис: в иных местах переменяются некоторые слова, в других местах переменяются только звуки некоторыя: например: заповедал, повелел, или приказал у нас говоря шюдэн и кюштэн, в других местах в Царевококшайском же уезде кюштэн не понимают, только шюдэн; Уфимской и Пермской губерниях, Царевококшайском уезде и Вятской губернии некоторых местах шюден не понимают, а только кюштен. Истинно у нас (т.е. в Уньже. – *Н.Ф.*) говорят чынак; Уфимский и Пермский и Вятской губернии некоторых говорят также чынак, в Царевококшайском уезде в некоторых местах, в Чебоксарском уезде и в Вятской губернии в некоторых местах говорят: кернак, кертак и кер.

Добрый у нас говорят поро в Моркинских, Аринских приходах около Царевококшайского говорят пуро, в Уфимской, Пермской губернии и Вятской губернии в некоторых местах говорят поро. В нашем месте, если сказать пуро, то понимают войти в избу или куда-нибудь. Крестить у нас говорят тӱнешка пурташ и кресташ. В Уфимской и Пермской губерниях и Вятской губернии Уфимского края говорят чокныташ.

Ад у нас говорят Тамук в некоторых местах говорят киамат.

Предлог до у нас говорят мартэ, около Царевококшайского говорят йокто, например пайрам мартэ – до праздника.

Работник или раб у нас говорят тазлча, в иных местах тарзе. Служанка или кухарка у нас говорят кул, в других местах ӱдурямяш тарзе.

Бил или Бить у нас говорят крен, кра, в иных местах шин или шиэш.

Бросил у нас говорят кудалтен, в других местах шуалтэн.

Господа читатели, не можете ли насколько-нибудь приноровиться местным читателям, где говорят пуро слово поро произнести пура, букву о произнести как у

и чынак произнести кернак и т.д. Во многих местах мы писали тый и другие слова, одни без скобок, другие в скобках» (5, л.148–149).

Его книга «Религиозные обряды черемис» получила высокую оценку профессора Казанского университета И.Н. Смирнова – уроженца с. Арино Моркинской волости Царевококшайского уезда, автора известной книги «Черемисы» (Казань, 1887). «Книга священника Яковлева представляет во многих отношениях лучший труд о черемисах» (2, с. 49).

Этнографический очерк Г. Яковлева состоит из нескольких частей, в каждой из которых даются марийские примеры с параллельным переводом на русский язык, а также сравниваются обряды луговых мари с обрядами горных марийцев со всеми примечаниями и толкованиями значений слов и понятий.

Первая часть посвящена пантеону марийских богов. Автором дается их список, и в качестве примера приводится одна молитва. Данная молитва начинается с перечисления принесенных богу жертв и прошения здоровья и прибыли окружающим: «*Тычмаш киндом пыштэн кугу юмолан. Тычмаш шарбам (пура коркам) тэмена, кугу юмолан кугу ши сортам чюктена, тычмаш* ӱмбачын йодына: тазалыкым, йеш перкем, волик перкем, киндо перкем, йешлан тыныслыкылыкым, шулыком тазалыком поро кугу Юмо гычен йодына, – юмо нэмнан сорбальынам колыштон, ме йодмына перкем пужо ыле*» («Великому богу предлагаемъ непочатой (цѣлый) хлѣбъ. Наливаемъ полный ковшъ пива, зажигаемъ большую серебряную свѣчу великому богу, с полными предложеніями просимъ отъ великаго добраго бога, здоровья, прибыли семейства, прибыли скота, прибыли хлѣба, семейству согласія и здоровья, чтобы, услышавши наши молитвы, нами просимую прибыль далъ намъ бог») (11, с. 12).

Каждое прошение связано с какой-нибудь деятельностью человека и направлено на развитие этого вида деятельности и материальное благополучие: 1) выгон скота на пастбище; 2) посевные работы и прибыль в хлебе; 3) бортничество; 4) охота; 5) рыболовство; 6) купля-продажа; 7) уплата налога.

Кроме того, в очерке автор использует личные воспоминания, рассказы своих знакомых, а также произведения устного народного творчества, что в художественном отношении значительно обогащает произведение. Например, в одной из использованных легенд можно узнать, откуда произошел керемет: «Кюртню водож и кюрсир водож были беглые солдаты; они много разбойничали и обижали черемис, знали много наговоров, а поэтому поймать их было трудно. Наконец, когда окружили их со всех сторон, они залезли на дуб, который стоял на самом берегу Большой Юнги, и оттуда сказали окружающим, что даже после смерти своей они будут их обижать – причинять разные болезни, и что, не кланяясь им, черемисы не могут и жить. Потом с самой вершины соскочили в воду. После смерти их, по указанию ворожей, стали приносить им жертвы. Вследствие чего будто и образовался керемет, а до того времени у черемис будто бы не было кереметя, и они молились только богам» (11, с. 84).

---

* Тычмаш ӱмбачын съ полными предложениями т.е. с непочатыми хлебами и полно налитыми ковшами пива просимъ...

Гавриил Яковлевич Яковлев умер после непродолжительной болезни в 1912 году 8 ноября (ст.ст.), похоронен у алтаря Христорождественской церкви с.Арино ныне Моркинского района Республики Марий Эл.

Анализируя деятельность священника Гавриила Яковлева, можно отметить, что она была многогранной. Он проявил себя в педагогической работе, как переводчик и исследователь, а также как религиозно-духовный просветитель.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. № 137.

2. *Айплатов Г.Н.* Яковлев Гавриил Яковлевич // Марий Эл: время, события, люди: календарь знаменательных и памятных дат на 2003 г. – Йошкар-Ола, 2002.

3. История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Авт.-сост. А.Г.Иванов. – Йошкар-Ола, 2006.

4. *Апакаев П.А.* Просветители Марийского края. – Йошкар-Ола, 1990.

5. НАРТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 168.

6. Отчет за 1894 г. Переводческой Комиссии православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св.Гурия в г. Казани. – Казань, 1895.

7. *Степанов А.Ф.* История становления марийской национальной школы. – Йошкар-Ола, 2008.

8. *Васин К.К., Коробов С.А., Рейнфельдт Б.К.* Из истории развития философской и общественно-политической мысли в Марийском крае (дооктябрьский период). – Йошкар-Ола, 1966; *Иванов И.Г.* История марийского литературного языка. – Йошкар-Ола, 1975.

9. Букварь для луговых черемис. – Казань, 1873.

10. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. – М., 1976.

11. *Яковлев Г.* Религиозные обряды черемис. – Казань, 1887.

Nadezhda Phedoseyeva

EDUCATOR OF MARI PEOPLE G. YAKOVLEV AND HIS CREATIVE WORK

The history of the Mari literature before revolution connected with the names of educators, cultural heritage of which has stayed unstudied till present. One of them is priest Gavril Yakovlevich Yakovlev (1843–1912), whose works make up treasury of Mari culture.

In soviet period translated religious-educational literature was considered unworthy to study and it was failed to take account of researchers on the ideological and methodological reasons. Works wrote in Russian were no national and also works wrote by priests were removed and they were forbidden. Priest Yakovlev's works as works of other educators were unmerited forgotten. Learnt on system of N.I. Ilminski «Christian education» he carried much power as a teacher on development of Arinski, Shinshinski, Unzhinski and other schools. He worked on making Slave-Russian-Mari dictionary; he improved orthography, for the first time he leaded in letters for the Mountain Mari language. Also he published the first ABC in the language of Meadow Maris and before it he published teaching methodical aids. He studied national pagan believes, handing over and proverbs of the Maris and he researched culture and life of people. He published his «Religious rites of cheremis» in Kazan in 1887. G. Yakovlev worked as a translator. He helped children and adults to love and respect all nations. In his works we can see such directions as a pedagogical work, religious spiritual educational activities, translation activity and research work.

«Финно-угроведение», 2008, № 2

Роза Кириллова
Ижевск

ЗВУКОВОЙ КОЛОРИТ ЛИРИКИ ГАЯ САБИТОВА

Жизнь коротка, но слава может быть вечной.

Цицерон

Творчество Гая Сабитовича Сабитова – одно из наиболее значительных явлений в удмуртской поэзии. В его творчестве были продолжены лучшие традиции поэзии XX века – философская глубина содержания, лиризм и гражданственность. Предельная отточенность формы содержит множество аспектов для литературоведческих и лингвистических исследований. Широк диапазон творчества Г. Сабитова: он писал поэмы и баллады, его венок сонетов принят читателями и критиками как самое лучшее творение поэта. Песни на стихи Гая Сабитова сыграли большую роль в музыкальной культуре удмуртского народа. Они исполняются художественными коллективами, в интерпретации хора Удмуртского радио, постоянно включаются в репертуар ансамблей песни и танца «Италмас», «Айкай», «Танок». Немаловажное место занимают его песни как на семейных праздниках, так и на массовых мероприятиях. Будучи редактором литературно-музыкального вещания государственного радио, Г. Сабитов знакомил слушателей с новыми произведениями писателей – участников Великой Отечественной войны: М.Петрова, И. Гаврилова, М. Лямина, Т. Шмакова, С. Широбокова, Н. Байтерякова, А. Клабукова, а также и современными поэтами, такими как М. Покчи-Петров, Ф. Васильев, А. Белонов, А. Самсонов и др.

В творчестве Г. Сабитова отразились художественно-изобразительные традиции символистов. Образная система его произведений сложна, через его творчество проходит ряд сквозных образов, но они не статичны, в каждом новом произведении они приобретают иное качество, а нередко и новый смысл. Необходимо учитывать сабитовскую природу образа:

Сяськаен –а пуздо садъесыд,	Цветами ли распускаются сады,
Лымыен-а лудъес шобыртско –	Снегами ли покрываются поля,
Тиледыз, вордиськем палъесы,	Родимая сторона,
Мон котьку одиг кадь яратско.	Люблю тебя в любое время.

(1, с. 91. Здесь и далее подстрочный перевод автора).

В сложной художественной структуре стихотворений Г.Сабитова звук выполняет функцию тончайшего инструмента искусства. В стихотворениях поэта присутствуют реалистические, земные звуки, также звуки-символы, звуки-вестники добра или зла, звуки, создающие определенное настроение, влияющие на развитие сюжета. Создается впечатление, что поэт воспринимает вещи и явления через звуки, рожденные творческим воображением или действительно слышимые.

Погружаясь в звуки, чутко улавливая оттенки могучей симфонии жизни, Г. Сабитов создал гармоническую картину звучащего мира, где все значимо и символично, взаимосвязано и в то же время обобщенно. Обостренность звукового восприятия и отражение его в поэзии – одна из граней таланта поэта, свойство поэтического «видения» звуков.

Идейная и эстетическая позиция Г. Сабитова отразилась и в своеобразии подхода к «звуковому» раскрытию темы, и в фабульных построениях, где звуки часто играют роль поворотного мига, определяющего развитие сюжета и композицию произведения, и в характере образа, поэтической лексике, тропике.

Во многих стихотворениях Сабитова, например, цикл стихов «Тулкымъес вылын», («На волнах»), «Музъем кырза», («Земля поет»), «Сяськаяськись шаермы», («Цветущая родина»), «Тупаса улон понна», («За мирную жизнь») – звуковая основа создает композиционный рисунок, разворачиваясь прежде всего в звуковом движении: это и топот скачущей кобылицы, и свист летящей стрелы, и потрескивание горящего костра, и звук струящейся в роднике воды.

Можно говорить и о звуковой композиции стихотворения «Музъем кырза» («Земля поет») с его ровной строфикой, как бы передающей рождение звука, его полет, нарастание, угасание и новый мощный взлет. Звук дает толчок развитию сюжета, действия («шулдыръяске тулыс куазед: шуала, гурла тудвуосын / Мон кылзисько – Кырза ачиз музъем, Дораз отись жингрес куараосын..» (Ликует погода весенняя, бурлит и журчит река, я слышу как поет, звенит и манит к себе вся природа); иногда это слабый, едва различимый звук, словно звук родничка, постепенно вырастающего в мощную реку:

«Синмы азе пусе:
Шуныт гужем,
Нап ю тулкым,
Кузесь зарни шепьес.

Перед глазами встает
Теплое лето,
Шелестят волною
Золотые колосья.

(1, с. 65).

Некоторые стихотворения воспринимаются прежде всего через организующие сюжет звуки. Так, например, строится стихотворение «Весяклы ярати» («Полюбил навсегда»), звуковая основа сюжета которого особенно выразительна:

Зарезь вылын волскем тымет,
Чиль-вальк шудо тулкымъесыз.
Вадьсаз инбам – пиштись чагыр тымет
Учке зарни шундыеныз

Волны гуляют,
Переливается река.
Небо сияет – речка переливается,
Переливается золотом.

Веттаськe гылзе капчи пыжмы,
Сюлэм кырза шумпотонэн.
Ужам бере умой шутэтскыны,
Чош мыныны яратонэн.

Плывет, качается лодка,
Сердце наполняется любовью.
После трудового дня
Хорошо с любимым рядом.

(1, с. 103).

Фабульное развитие может измениться устранением звука, внезапно наступившей тишиной, но это лишь условие рождения новых звуков, необходимых для понимания всего произведения:

Тулкым сьоры кошке кырзан шумпотонэн.
Кылзо сое ярдур садъес.
Гурезьбаме жутскем Иж городмы
Ыстэ шуныт зечкыланъес.

Как волною ликует песня
Счастья,
Слушают песню счастья сады и поля,
И наш город Иж посылает свои приветствия.

(1, с. 107).

В создании художественного образа, в построении сюжета, в раскрытии авторского мироощущения и отношения к изображаемому объекту большую роль у Сабитова играет использование символики звуков и тишины, иногда контрастное сталкивание их.

Поэт-песенник Гай Сабитов жил в мире звуков, воспринимая через них жизнь и людей. Звук, как самодовлеющая величина (в сфере поэтической фонетики), бывает вестником каких-то важных событий: рождает в душе лирического героя предчувствие чего-то рокового, неизбежного: смерти, любви т.д.

Звук является спутником лирического героя и в самые светлые минуты его жизни; он – непременный атрибут гармонически цельной натуры. Звук перерастает в таинственную силу, имеющую необъяснимую власть над героем; тогда уже не важен характер звука или его источник, звук – некое божество, которому служит герой, от которого зависит его жизнь. Многим знакома песня «Балезино», музыку к которой написал Борис Корепанов. На наш взгляд, в ней Г. Сабитов сумел раскрыть поэзию пути:

Балезино, Балезино!
Ти тодиськоды сое одно:
Востоке – а мыниськоды,
Москвае – в дыртиськоды
Балезино, Балезино.

Балезино, Балезино!
Конечно, вы его знаете:
На Восток ли едете,
Иль спешите в Москву
Вы у нас остановитесь
Балезино, Балезино.

(1, с. 108).

Лирический герой Г. Сабитова, при всей его чуткости к условным знакам, намекам, вместе с тем живет в мире реальных людей и вещей, среди живой природы, в мире звучащем, среди городского шума и песен. Многие звуки в этом мире неоднократно повторяются, варьируясь, соединяясь в звуковой картине и вновь расходясь: хруст песка, журавлиный крик, шум дождя. Сводя разнообразные по характеру звуки в полифоническое содружество, Сабитов создает выразительную реалистическую картину:

Шуд, баян, шулдыргес!
Ми эктом зырдытгес!
Ужын сямен, эктонын но
Возьматом быгатэмиес!

Играй, баян, веселей!
Мы попляшем посмелей!
Как на работе, и в пляске
Покажет свое уменье!

(2, с. 27).

Звуки участвуют в создании контраста; как правило, это сталкивание тишины и звучания во имя утверждения жизни. В этом противопоставлении слышится страх перед отсутствием звуков, означающим гибель, конец всего:

Шуналоз, быроз лымы,
Куашетоз тудву.
Жог вуоз бертон дырмы –
Шодыса уд ву.

После холодной зимы, растает снег,
Снова зашумит, забурлит весенняя вода,
Не заметишь, как все вернется на свои
места.

(2, с. 30).

Чаще противопоставление звуков и тишины дается в более спокойных тонах, чтобы передать положительное качество ожидаемого или угадываемого.

Шунды пуксиз гордэктыса,
Тэльын котыр чагмыт луиз,
Жыт пеймытэз югдытыса,
Берпум костер яркыт гомдиз.

Солнце заходит яркими красками,
Но в лесу темно, хмуро,
Ночную темень озаряя,
Горят костры огнями яркими.

(2, с. 21).

Характерная для поэтики Сабитова контрастность образов – это не прямолинейные сопоставления жизненных явлений, а их постижение с точки зрения законов некоего высшего порядка, законов гармонии, вступающей в поединок с дисгармоничностью бытия.

В эволюции символики звука в образной структуре Г. Сабитова отчетливо ощутимо движение от частного, конкретного, случайного к обобщенно-типологическому, всеохватывающему значению звуков, к стихии звукового напора и от нее – к всеобщей звуковой гармонии. Действительно, именно звуковая символика и зрительная образность являются основными чертами созданной Г. Сабитовым поэтической модели мира. Музыкальное ощущение явлений находит выражение у поэта как посредством повторяющихся образов, подобных лейтмотивам его лирических циклов, так и посредством тонкой проработки звуковой ткани и ритмического разнообразия его стиха. Ритм и звук в его поэзии очень часто несут совершенно определенную информацию, улавливаемую читателем синэстетически, т.е., человек не только слышит звуки, но и словно видит, не только осязает предмет, но и чувствует его вкус.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Сабитов Г.* Яратисько. – Устинов: Удмуртия, 1985.
2. *Сабитов Г.* Кылбуръес но кырзанъес. – Ижевск: Удмуртия, 1953.

Roza Kirillova

SOUND COLOURING OF GAI SABITOV'S LYRIC POETRY

The article is devoted to studying sound colouring of lyric poetry of Udmurt poet Gai Sabitov and originality of figurative system of his works. Also it is devoted to ability to show images of environment and senses of people with the help of the richest sound palette and sound-writing. Rhythm and sound in G. Sabitov's poetry carry absolute definite information, which is perceived by people synaesthetically.

«Финно-угроведение», 2008, № 2

Гузель Столярова, Екатерина Васильева
Казань, Йошкар-Ола

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ БРАКИ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ*

Вступление в межэтнические браки – заметная примета советского и постсоветского времени. Этот феномен характерен для всех полиэтничных обществ, где возникают неизбежные контакты в различных сферах общения.

Единственным полным источником для изучения динамики межэтнических браков и их состава в Республике Марий Эл остаются материалы архивов ЗАГС (1). До настоящего времени существовали некоторые сложности их использования (отсутствие в регистрационных бланках отдельных периодов некоторых данных, ошибки и неточности при заполнении бланков и т.д.). С 2000 года не только сильно сократилась информативность этого источника (из бланков удалены графы «Образование» и «Место работы и профессия»), но и использование его в целом становится практически невозможным. Дело в том, что после исчезновения из паспортов сведений о национальности владельца, в анкетах, заполняемых лицами, вступающими в брак, сведения в графу «Национальность» заносятся по желанию жениха и невесты. В итоге, начиная с 2000 г., до 25% регистрационных карточек не содержат нужных для исследователей сведений. В РМЭ данные 2000 г. еще пригодны для анализа, но сведения об образовании и социальном статусе женихов и невест отсутствуют, так что в нашем обзоре эти данные приводятся на 1990 г.

Динамика заключения браков в РМЭ за последние 20 лет характеризуется устойчивыми отрицательными показателями (таблица 1).

Таблица 1

Динамика брачности в РМЭ в 2000 г. по отношению к 1980 году, %

Массив	Этнически однородные браки			Межэтнические браки
	русские	марийские	прочие	
Йошкар-Ола	< на 36,8	< на 60,9	< на 54,1	< на 18,9
Города**	< на 41,3	>на 56,5	< на 54,3	> на 1,4
Село	< на 57,9	< на 65,4	< на 65	< на 41,5
В целом по РМЭ	< на 43,8	< на 63,9	< на 62,3	< на 28,3

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 06-01-00101а.

**Без г. Звенигово (в 1980 г. являлся сельским населенным пунктом).

Общее число заключенных браков с 1980 года к 2000 году снизилось вдвое – с 7348 до 3694. При этом темпы сокращения этнически однородных браков (в целом на 55%) почти вдвое превысили темпы сокращения межэтнических браков (на 28,3%). Различается картина и по массивам – городским и сельским. Более всего уменьшилось число вступающих в браки в сельской местности (это касается всех вариантов браков) – на 63% (этнически однородные браки) и на 41,5% (межэтнические браки). В городах РМЭ картина несколько иная. В Йошкар-Оле число русских браков снизилось на 36,8%, а марийских – почти на 61% (что превышает даже показатель по этнически однородным бракам всех других национальностей – снижение на 54,1%). Теоретически трудно представить, что у этнических меньшинств больше шансов создать этнически однородные семейные союзы, чем у представителей титульного этноса, тем не менее, это так. Для сравнения: в столице Республики Татарстан г.Казани за тот же период число татарских браков снизилось на 43%, а прочих – более чем на 91%). Снижение количества межэтнических браков в Йошкар-Оле на фоне динамики этнически однородных браков оказалось наименьшим – на 18,9%. В остальных городах РМЭ число русских браков снизилось значительнее, чем в столице; число прочих браков снизилось примерно, как в Йошкар-Оле, а вот число марийских браков выросло на 56,5%. Впрочем, в абсолютных цифрах этот рост совсем незначителен (в 1980 г. было заключено 23 брака между марийцами, в 2000 г. – 36). Чуть подросла в городах и доля межэтнических браков – на 1,4%.

Таблица 2

Изменение доли межэтнических браков в общем числе заключаемых браков в РМЭ, %

Массив / Годы	Йошкар-Ола	Города	Село	Всего по РМЭ
1950	8,4	14,8	8,5	10,6
1960	12,8	11,8	6,1	10,2
1970	20,7	24,1	15,4	21,1
1980	24,3	23,6	16,8	21,6
1990	29,9	27,8	21,0	25,2
1993	30,3	28,8	21,8	25,6
1997	32,2	30,8	24,2	27,7
2000	31,0	31,4	23,2	27,2

В сельской местности произошло следующее сокращение числа браков: русских – на 58%, марийских – на 65,4%, прочих – на 65%, межэтнических – на 41,5%. Обращает внимание ситуация с однонациональными браками марийцев: уровень брачности у них снижается быстрее, чем у других народов, что свидетельствует о

негативных тенденциях в демографическом развитии (например, в Республике Татарстан, в которой течение современных этнодемографических процессов также трудно назвать оптимальным, динамика брачности в сельском массиве у различных народов в период с 1980 по 2000 гг. представлена следующими показателями: русские браки -- сокращение на 72%, татарские – на 54%, браки других народов – на 55%, межэтнические браки – на 43%).

На общем фоне в РМЭ благополучнее всего выглядят межэтнические браки. Динамика заключения межэтнических браков в период с 1950 по 2000 гг. за небольшими исключениями характеризуется устойчивым ростом (таблица 2).

Как следует из данных таблицы 2, рост доли межэтнических браков происходил неравномерно и не повсеместно. Так, наибольший рост во всех массивах наблюдался в период с 1960 по 1970 гг. В дальнейшем этот рост замедлился, а в 2000 г., в сравнении с 1997 г., в Йошкар-Оле и сельских районах РМЭ незначительно, но сократился (соответственно, на 1,2% и 1%). Причем, сокращение доли этнических смешанных браков на селе складывается из чрезвычайно большого разнообразия показателей по отдельным административным образованиям. В 6 сельских административных районах из 15 зафиксирован отрицательный прирост числа и доли межэтнических браков (наибольшие показатели в Звениговском районе – минус 19,7%; сельских населенных пунктах при Йошкар-Олинском городском совете – минус 7,4% и Медведевском районе – минус 6,3%). Положительный прирост отмечен в 9 районах и также выражен различными показателями – от +0,9% в Волжском районе до +12,3% в Мари-Турекском и +14,3% в Килемарском районах. Столь же неодинакова картина в городах РМЭ (без столицы). Так общий прирост доли межэтнических браков с 1997 по 2000 гг. в республике составил 1,4% на фоне роста этой доли в г. Козьмодемьянске на 9,9%, но снижения в г. Звенигово на 8%.

Число вариантов межэтнических браков в РМЭ менялось следующим образом (таблица 3).

Таблица 3

Динамика числа вариантов межэтнических браков в РМЭ

Массив	Количество вариантов по годам					
	1950	1960	1970	1980	1990	2000
Йошкар-Ола	16	27	42	62	53	61
Города	22	23	20	29	24	23
Село	36	48	57	58	46	43

Наибольшее число межэтнических браков в РМЭ заключается между представителями местных поволжских народов (таблица 4).

Таблица 4

Вариантность межэтнических браков по национальности брачащихся в РМЭ в 2000 г., %

г. Йошкар-Ола

Женихи / Невесты	Русские	Марийцы	Татары	Чуваши	Мордва	Удмурты	Прочие	Всего
Русские		24,3	6,8	0,9			14,2	46,2
Марийцы	31,1		1,1	0,2			3,4	35,8
Татары	6,1	0,9					1,1	8,1
Чуваши	0,5	0,5			0,2		0,4	1,6
Мордва	0,2	0,2						0,4
Удмурты	0,2	0,2					0,3	0,7
Прочие	4,5	1,8					0,9	7,2
Всего	42,6	27,9	7,9	1,1	0,2		20,3	100,0

Города РМЭ (без столицы)

Женихи / Невесты	Русские	Марийцы	Татары	Чуваши	Мордва	Удмурты	Прочие	Всего
Русские		19,5	11,4	3,2	0,5		7,6	42,2
Марийцы	27,0		2,8	2,2	0,5		0,5	33,0
Татары	11,8	1,1					2,2	15,1
Чуваши	2,1	1,1					1,1	4,3
Мордва								
Удмурты								
Прочие	4,4	0,5		0,5				5,4
Всего	45,3	22,2	14,2	5,9	1,0		11,4	100,0

Села РМЭ

Женихи / Невесты	Русские	Марийцы	Татары	Чуваши	Мордва	Удмурты	Прочие	Всего
Русские		25,2	6,6	1,5	0,5	0,5	2,9	37,2
Марийцы	36,3		4,6	1,0	1,0		2,4	45,3
Татары	3,6	3,2					0,5	7,3
Чуваши	1,9	1,0			0,2		0,5	3,6
Мордва								
Удмурты	0,5	0,2	0,2					0,9
Прочие	2,9	2,4	0,2				0,2	5,7
Всего	45,2	32,0	11,6	2,5	1,7	0,5	6,5	100,0

Как следует из таблицы 4, межэтнические браки в РМЭ заключаются в первую очередь между представителями этнического большинства – русскими и мари: более 50% от всех заключенных браков в городах и более 60% в сельских районах. Следующую заметную позицию занимают браки с участием татар: в Йошкар-Оле браки, в которых один из партнеров – татарин (татарка), составляют 16% от всех заключенных межэтнических браков; в других городах – около 30% и в сельских районах – около 20%. Это особенность РМЭ (в Республике Татарстан, к примеру, при абсолютном преобладании русско-татарских браков доля других вариантов не превышает 3%). Менее всего из других народов Волго-Уралья заметны в межэтнических браках, заключаемых в РМЭ, удмурты, башкиры и мордва.

У русских горожан РМЭ разница в показателях экзогамии (вступление в межэтнические браки) незначительна: у мужчин несколько ниже, чем у женщин в г.Йошкар-Оле (соответственно, 42,6% и 46,2%) и несколько выше в других городах республики (соответственно, 45,3% и 42,2%). В сельской местности русские мужчины более активны в участии в межэтнических браках, чем русские женщины (разница в показателях – 8%). Похожа картина у татар, у которых разница во вступлении в межэтнические браки мужчин и женщин в городах составляет доли процента, а на селе составляет 4,3% в пользу мужчин.

Что касается марийцев, то у них чаще вступают в межэтнические браки женщины, чем мужчины. В Йошкар-Оле эта разница составляет 7,9%; в других городах – 11,1%; в сельских районах – 13,3% в пользу женщин. Напомним, что до революции 1917 г. и в первые советские десятилетия устойчиво сохранялась другая особенность: в межэтнические браки чаще вступали нерусские мужчины и русские женщины. В последние десятилетия ситуация не только выровнялась, но и изменилась в пользу нерусских женщин, на что, несомненно, повлияли социальные факторы – рост социального, образовательного и культурного уровня различных народов и активное участие женщин в выборе брачного партнера.

На «прочие» варианты межэтнических браков приходится 27% всех межэтнических браков в Йошкар-Оле, около 17% браков в других городах и свыше 13% в сельских районах. В абсолютных цифрах «прочие» варианты выражены незначительными показателями, но разнообразны по сочетанию национальной принадлежности супругов. Здесь представлены различные народы России, стран СНГ и ближнего зарубежья. Характерная черта межэтнических браков последних лет – все большее участие в них граждан зарубежных стран – США, Австралии, Германии, Нидерландов, стран Восточной Европы, Азии и Африки (к примеру, в Параньгинском районе в 2000 г. был зарегистрирован и вовсе экзотический брак между бербером и армянкой). Во всех «международных» браках женихи – иностранцы, а невесты – представительницы местных поволжских народов.

Состав межэтнических браков по возрасту представлен в таблице 5.

Таблица 5

Возраст женихов и невест, вступивших в межэтнические браки в РМЭ в 2000 г., %

г. Йошкар-Ола

Женихи / Невесты	до 18 лет	18–20 лет	21–25 лет	26–30 лет	31–35 лет	36–40 лет	41–45 лет	51–60 лет	Старше 60 лет	Всего
до 18 лет	0,2	1,2	0,2							1,6
18–20 лет		4,2	14,8	1,1	0,2	0,5	0,2			21,0
21–25 лет		1,6	21,6	12,0	2,8	1,1	0,7	0,2		40,0
26–30 лет		0,5	3,9	7,1	3,5	3,0	1,4	0,2		19,6
31–35 лет			1,1	1,2	1,2	2,8	1,1			7,4
36–40 лет				0,2	1,4	1,4	1,6	0,5	0,2	5,3
41–50 лет							3,0	0,5		3,5
51–60 лет							0,5	0,4	0,5	1,4
Старше 60 лет									0,2	0,2
Всего	0,2	7,5	41,6	21,6	9,1	8,8	8,5	1,8	0,9	100,0

Города

Женихи / Невесты	до 18 лет	18–20 лет	21–25 лет	26–30 лет	31–35 лет	36–40 лет	41–45 лет	51–60 лет	Старше 60 лет	Всего
до 18 лет	0,5		2,7							3,2
18–20 лет	0,5	5,5	14,1	3,8	0,5					24,4
21–25 лет		2,7	26,3	9,9	1,6	0,5				41,0
26–30 лет			1,6	4,3	2,7	1,1	1,1	0,5		11,3
31–35 лет			0,5		3,4	1,1	0,5			5,5
36–40 лет						3,3	2,1			5,4
41–50 лет			0,5		0,5	1,1	1,7	1,7		5,5
51–60 лет							1,1	1,1	0,5	2,7
Старше 60 лет								0,5	0,5	1,0
Всего	1,0	8,2	45,7	18,0	8,7	7,1	6,5	3,8	1,0	100,0

Село

Женихи / Невесты	до 18 лет	18–20 лет	21–25 лет	26–30 лет	31–35 лет	36–40 лет	41–45 лет	51–60 лет	Старше 60 лет	Всего
до 18 лет	0,2	1,2	0,8							2,2
18–20 лет		7,2	13,6	4,3	0,7	0,2				26,0
21–25 лет		2,9	28,2	7,4	1,9	1,0	0,7			42,1
26–30 лет			3,3	4,0	2,4	1,4	0,7	0,2		12,0
31–35 лет			0,2	1,2	1,3	0,7	1,4	0,2		5,0
36–40 лет				0,2	1,4	0,8	1,2	0,5		4,1
41–50 лет					0,5	0,7	2,4	2,4	0,7	6,7
51–60 лет							0,5		0,7	1,2
Старше 60 лет								0,2	0,5	0,7
Всего	0,2	11,3	46,1	17,1	8,1	4,8	6,9	3,5	1,9	100,0

Средний брачный возраст в Йошкар-Оле в 2000 году составил для женихов 28,8 лет (в 1990 г. – 25,9 лет), для невест – 25,9 лет (в 1990 г. – 24,2 лет); в остальных городах приблизительно так же (соответственно, 28,7 лет и 26,4 лет; в 1990 г. эти показатели составляли 26,7 лет для женихов и 24,7 лет для невест). Резко повысился средний возраст вступления в брак в сельской местности: от 26 лет до 41,6 лет у женихов и от 24,3 лет до 37,8 лет у невест, что, вероятно, связано с общим старением сельского населения. Самому молодому жениху во всех массивах было 17 лет, самой молодой невесте – 16 лет; самым старшим партнерам по браку – 73 года жениху и 71 год невесте в Йошкар-Оле; по 78 лет обоим в других городах; 76 лет жениху и 61 год невесте – в сельских районах.

В большинстве межэтнических браков возраст жениха больше, чем возраст невесты (в Йошкар-Оле – 66,9% от количества заключенных межэтнических браков; в других городах – 61%; на селе – 63%), либо равен ему (соответственно,10,9%; 11,5%; 13%). Наиболее распространенная разница возрастов в пользу мужа – от 1 до 4 лет. Наибольшая разница в возрасте жениха и невесты среди браков, заключенных в 2000 г. в Йошкар-Оле, составила 31 год, в остальных городах – 26 лет, в сельской местности – 27 лет. Жених моложе невесты в 22,2% межэтнических браков, заключенных в Йошкар-Оле, 27,5% браков, заключенных в других городах, и 24% браков сельских жителей. Чаще всего эта разница составляет 1 год, максимальная разница – 10 лет в Йошкар-Оле, 16 лет – в других городах и на селе.

Состав межэтнических браков по уровню образования представлен в таблице 6.

Таблица 6

Уровень образования женихов и невест, вступивших в межэтнические браки в РМЭ в 1990 г., %

г. Йошкар-Ола

Женихи / Невесты	Высшее и незонченное высшее	Средне-специальное	Среднее	Неполное среднее	Начальное	Всего
Высшее и незаконченное высшее	12,9	8,6	5,3	0,4		27,2
Средне-специальное	5,3	17,2	9,7	1,6	0,1	34,0
Среднее	4,4	9,2	19,2	1,5		34,3
Неполное среднее	0,4	1,2	1,6	1,1		4,3
Начальное			0,3			0,3
Всего	23,0	36,2	36,1	4.6	0,1	100,0

Другие города

Женихи / Невесты	Высшее и незонченное высшее	Средне-специальное	Среднее	Неполное среднее	Начальное	Всего
Высшее и незаконченное высшее	4,6	5,1	4,8	0,6		15,1
Средне-специальное	2,1	14,6	17,7	2,7		37,1
Среднее	1,3	9,0	24,9	3,0	0,1	38,3
Неполное среднее	0,1	2,1	3,2	3,3	0,2	8,9
Начальное		0,1	0,1	0,1	0,3	0,6
Всего	8,1	30,9	50,7	9,7	0,6	100,0

Село

Женихи / Невесты	Высшее и незонченное высшее	Средне-специальное	Среднее	Неполное среднее	Начальное	Всего
Высшее и незаконченное высшее	3,0	3,5	7,0			13,5
Средне-специальное	2,2	8,7	14,3			25,2
Среднее	3,9	4,3	44,0	1,3		53,5
Неполное среднее		0,9	4,3	2,2	0,4	7,8
Начальное						
Всего	9,1	17,4	69,6	3,5	0,4	100,0

Уровень образования лиц, вступивших в межэтнические браки в РМЭ, достаточно высок: специальное образование (высшее, незаконченное высшее и среднеспециальное) имеют около 60% женихов и невест в Йошкар-Оле; около 40% женихов и свыше 50% в невест в других городах; свыше 26% женихов и около 40% невест в сельской местности. Более трети женихов в Йошкар-Оле и невест во всех городах – лица с полным средним образованием, такой же уровень образования имеет более половины женихов в городах (без столицы) и невест в сельских районах; наконец, среднее образование имеет большинство женихов, заключивших межэтнический брак в сельской местности – до 70% от числа вступивших в брак. Динамика этих показателей (в сравнении с данными 1980 г.) свидетельствует о повышении уровня образования вступающих в межэтнические браки; для сравнения: в 1980 г. доля женихов и невест с высшим и незаконченным высшим образованием составляла по 18% в Йошкар-Оле; 12% женихов и 10% невест – в других городах; 10% женихов и 12% невест на селе. Повсеместно значительно сократилась доля лиц, вступивших в межэтнические браки, с неполным средним и начальным образованием, даже в сельской местности (2, с. 83).

В большинстве заключенных браков – свыше 50% в Йошкар-Оле и на селе, около 48% в городах без столицы – уровень образования супругов одинаков; в остальных браках уровень образования женщин в целом выше уровня образования мужчин, что соответствует соотношению уровней образования мужчин и женщин в структуре всего населения. Разница в долях межэтнических браков с более высоким уровнем образования невест составляет в Йошкар-Оле около 5% (в 1980 г. – 11%), в других городах – около 16% (в 1980 г. – 7%), на селе – около 11% (в 1980 г. – 15%). По ранее проведенным исследованиям был сделан вывод о более высоком уровне образования лиц, вступивших в межэтнические браки, в сравнении с этнически однородными браками (1, с. 85–87).

Материалы архива ЗАГС дают возможность охарактеризовать состав межэтнических браков по социальному положению брачащихся (таблица 7).

Таблица 7

Социальный статус женихов и невест, вступивших в межэтнические браки в РМЭ в 1990 г., %

г. Йошкар-Ола

Женихи / Невесты	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Всего
1	19,1	2,5	0,3	2,0	0,8		0,3	0,1		25,1
2	3,7	7,3	0,3	1,0	1,5					13,8
3	5,0	1,8	0,4	0,3	1,8		0,1		0,1	9,5
4	6,3	8,4	0,6	10,2	2,2	0,1	0,1	0,6	0,3	28,8
5	5,6	1,9	0,1	1,6	10,5		0,2			19,9
6	0,3					0,3				0,6
7	1,1	0,3	0,1	0,4	0,1		0,1			2,1
8								0,1		0,1
9	0,1									0,1
Всего	41,2	22,2	1,8	15,5	16,9	0,4	0,8	0,8	0,4	100,0

Города

Женихи / Невесты	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Всего
1	33,3	1,3	0,9	1,3	1,7		2,6	0,9	0,4	42,4
2	5,2	0,9	0,4				0,9			7,4
3	10,8	0,9	0,9		0,4		0,4			13,4
4	7,0	3,0	1,3	4,3	1,3			0,4		17,3
5	7,8		0,4	0,9	5,2		0,4			14,7
6						0,9				0,9
7	1,8			0,4		0,4	1,3			3,9
8										0,0
9										0,0
Всего	65,9	6,1	3,9	6,9	8,6	1,3	5,6	1,3	0,4	100,0

Село

Женихи / Невесты	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Всего
1	26,4	1,9	0,5	0,6	2,5		0,3	3,2	0,2	35,7
2	3,2	2,5	0,3	0,6	0,5	0,2		0,2		7,5
3	8,7	0,8	0,3		1,9			1,4	0,2	13,3
4	7,3	4,8	0,2	4,3	1,3		0,3	2,2		20,4
5	5,9	0,6	0,2	0,8	4,0		0,3	1,6		13,4
6	0,3					0,5				0,8
7	1,7					0,2	0,2	0,2		2,3
8	1,6	0,3		0,2				4,6		6,7
9										0,0
Всего	55,2	10,9	1,5	6,5	10,2	0,8	1,1	13,4	0,4	100,0

Условные сокращения и обозначения: 1 – работники неквалифицированного физического труда; 2 – работники квалифицированного физического труда; 3 – служащие без специального образования; 4 – служащие с образованием выше среднего (специалисты); 5 – студенты (учащиеся), служащие Советской Армии; 6 – пенсионеры; 7 – безработные, домохозяйки; 8 – сельскохозяйственные работники; 9 – фермеры, кооператоры, бизнесмены.

В период с 1950 по 1980 гг. в составе межэтнических браков в РМЭ доля социально-однородных браков несколько уменьшалась, а доля смешанных в социальном отношении браков, соответственно, возрастала. Эта тенденция сохранилась в Йошкар-Оле (доля социально-однородных браков сократилась с 60% в 1980 г. до 48% в 1990 г.); в других городах республики статистически значимых изменений за десятилетие не произошло (соответственно, 43% в 1980 г. и 46,8% в 1990 г.); в сельской местности доля социально-однородных браков увеличилась (с 37% в 1980 г. до 42,8% в 1990 г.). Варианты браков по социальной принадлежности супругов многообразны; среди них нередки союзы со значительным расхождением социальных статусов брачащихся – именно тот признак, по которому еще полвека назад брак считался неравным.

Таким образом, динамические тенденции в развитии межэтнической брачности в РМЭ свидетельствуют о том, что на общем фоне сокращения числа заключаемых браков относительный рост доли межэтнических браков не закончился. Наряду с сохранением ряда особенностей, отмеченных в 1950–1980-е годы (многовариантность по этническому признаку с заметным преобладанием вариантов с участием местных народов, распределение по половозрастным группам), появи-

лись и некоторые изменения (рост образовательного уровня, изменения социально-профессионального состава). Статистически отражая структурные изменения, происходящие в обществе, межэтнические браки являются косвенным индикатором состояния межэтнических отношений в целом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы архива ЗАГС РМЭ.

2. *Бусыгин, Зорин, Столярова Г.Р.* Этнодемографические процессы в Казанском Поволжье. – Казань: КГУ, 1991.

Guzel Stolyarova, Yekaterina Vasilyeva

INTERETHNIC MARRIAGE IN MARI EL REPUBLIC IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Joining to interethnic marriages is noticeable sign of soviet and postsoviet time. This phenomenon is characterized for polyethnic society including Republic of Mari El. The source of the studying of dynamics of interethnic marriages is the archives of registry office. Action of interethnic marriages from 1950 to 2000 is increased. Variants of interethnic marriages are varied on social belonging; among them unions with considerable divergence of social status of married people are not infrequently. Tendencies in development interethnic marriages in Mari El Republic give evidence that growth of interethnic marriages is not finished.

«Финно-угроведение», 2008, № 2

ПЕРСОНАЛИИ

Людмила Григорьева
Йошкар-Ола

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Э.БЕКЕ

«Красна птица пером, а человек – ученьем», – гласит народная мудрость. Чтобы добиться мастерства в любом деле, нужно неустанно совершенствоваться, быть стойким в труде, борьбе за правду, уметь любить и верить. Гармоничное сочетание трудолюбия и терпения – это талант. Жизнь венгерского академика Э. Беке – пример вышесказанному. Именно истинная любовь к науке помогла ученому достичь высоких результатов в его удивительно плодотворной деятельности. Э. Беке был всегда полон идей. Обладая феноменальными способностями к освоению языков, он за свою 60-летнюю научную деятельность опубликовал рекордное число трудов – свыше 2000 (1, с. 592). За выдающиеся заслуги академик Э. Беке был удостоен высшей награды правительства Венгерской Народной Республики – премии имени Кошута (1960) и Государственной премии РМЭ (2003).

20 мая 2008 года классику финно-угорского языкознания, венгерскому ученому Эдену Беке исполнилось 125 лет со дня рождения. Некоторые факты из его жизни и научного творчества отражены в работах И. Книеса (1), К.Е. Майтинской (2), Э. Итконена (3), научных сотрудников МарНИИ (4), Л.П. Грузова (5), И.С. Галкина (6), Ю. Дмитриевой, К. Адягаши (7), И.Г. Иванова, Г.Н. Айплатова (8), А. Москвичева (9), И.Г. Иванова (10), Г. Берецки (11), М.Н. Кузнецовой (12), С.С. Сибатровой (13) и других.

Эден Беке (Ödön Beke) (20.05.1883 – 10.04.1964) – известный финно-угровед XX века, компаративист, доктор филологических наук, профессор, действительный член Венгерской академии наук.

Ровесник марийского учёного В.М. Васильева родился в г. Комарно (венг. Komárom) Венгрии (ныне Словакии). Успешно окончив среднюю школу в г. Папа

(Pápa), Эден обучался в Будапештском университете по специальности «Венгерский и латинский языки». Свою трудовую деятельность он начинал как учитель школы г. Будапешта, затем некоторое время работал в городе Надьсебен. В 1910 году молодого преподавателя пригласили на кафедру финно-угорского языкознания Будапештского университета. Но он лишь один год успел позаниматься любимой работой. По приказу фашистского режима Хорти из-за прогрессивных политических убеждений Э. Беке был изгнан из Венгрии. До 1945 года он терпел мучительные гонения и был полностью лишен возможности публиковать свои труды у себя на родине.

Только в народно-демократической Венгрии появились благоприятные условия для его научной и педагогической деятельности. Э. Беке становится руководителем Института финно-угорских языков Будапештского университета им. Л. Этвеша, где начинает готовить специалистов по финно-угорским языкам. Как ответственный редактор журнала «Magyar Nyelvőr» («Защита венгерского языка») продолжает славные традиции своих предшественников: Г. Сарваша, Ж. Шимони и Й. Баллаша. Он объединяет вокруг журнала всех, кому не безразлична судьба родного венгерского языка.

Э. Беке интересовали проблемы общего финно-угроведения, исторической фонетики, лексикологии, этимологии, морфологии, синтаксиса, диалектологии венгерского и других финно-угорских языков. Будучи студентом, он опубликовал статьи о языковых особенностях районов Папа (14), Кеменешалья (15) Венгрии, изучал диалекты мансийского языка. Первая научная работа о родственных языках была опубликована в 1905 г., она посвящена исследованию обстоятельств в мансийском языке (16). Особое место в научных поисках Э. Беке занимало изучение синтаксиса (17, 18, 19, 20), истории конкретных лингвистических единиц (21, 22), морфологических категорий (23, 24, 25, 26), вопросов словообразования финно-угорских языков (27).

В статье «Zur Geschichte einiger permischer Nominalbildungssuffixe» высказаны интересные мысли о том, что марийский язык ближе к пермским языкам, чем к мордовским, и что обособление мордовского языка началось перед распадом пермско-марийской общности (28). Эту гипотезу ученый выдвигает в результате сравнительного изучения марийских и пермских именных суффиксов.

Немало внимания Э. Беке уделял проблемам языковых контактов между уральскими и индоевропейскими, а также тюркскими языками. Ценны для типологического языкознания его следующие работы: «Türkische Einflüsse in der Syntax finnisch-ugrischer Sprachen» (29), «Zur Kasuslehre des Finnisch-ugrischen und Indogermanischen» (30), «Zur Lautgeschichte der tschuwaschischen Lehnwörter im Tscheremissischen» (31), «Az urali és indoeurópai duális történetéhez» (32) и другие. В статье «Zu den tschuwaschischen Lehnwörtern der tscheremissischen Sprache» Э. Беке приводит этимологии 43 марийских слов чувашского происхождения, например: мар. *aγur* < чув. *avar* 'водоворот, омут', мар. *uš* < чув. *aš* 'ум', мар. *joŋlâš* < чув. *yănăš* 'ошибка', мар. *kisa* < чув. *käsïya* 'синица', мар. *pərn'a* < чув. *pĕrene* 'бревно' (33, с. 42–50).

Э. Беке является и специалистом по марийскому языку. В 1911 г. появилась его монументальная работа «Cseremisz nyelvtan» («Грамматика марийского языка»).

которая по настоящее время актуальна. В ней дается подробный анализ фонетической системы и грамматического строя марийского языка. Э. Беке демонстрирует изменение звуков в первых и последующих слогах марийского слова. При этом обращает внимание на своеобразие редуцированных гласных, дает таблицу соответствий фонем по определенным диалектам (34). По выражению И.Г. Иванова, «это настольная книга зарубежных мароведов» (10, с. 51). Э. Беке принадлежит заслуга создания международной школы исследователей марийского языка. Многие зарубежные ученые, занимающиеся марийским языком, являются учениками этого талантливого профессора: финны П. Сиро, П. Равила, Э. Итконен, М. Рясянен, А. Алхониеми; венгры Т. Шебеок, Й. Эрдеди, Г. Берецки, С. Веленьяк и другие. Они в свою очередь учили марийскому языку своих учеников – современных зарубежных исследователей марийского языка: С. Сааринен, Э. Кангасмаа-Минн, Р. Бартенс, А. Мойсио, Р. Грюнталя, Й. Луутонена, Я. Пустаи, П. Помози, К. Мацумура, Т. Такаси (10, с. 51).

В 1961 году Э. Беке посетил Марийскую АССР, он всех удивлял прекрасным умением общаться на марийском языке. Его научные работы по фонетике, морфологии и словообразованию марийского языка (35, 31, 36, 37 и др.) до сих пор имеют большое значение для решения важных проблем компаративистики.

Знаменитое собрание фольклорно-диалектологических материалов от 29 марийцев-солдат, представителей 20 говоров из окрестностей Перми, Бирска, Малмыжа, Уржума, Йошкар-Олы, Чебоксар, Яранска, Козьмодемьянска, – неоценимый вклад в марийское и финно-угорское языкознание, фольклор и этнографию народа мари. Кроме богатого словарного и грамматического материала, Э.Беке удалось собрать сказки и рассказы в количестве 281, 1177 пословиц, 658 загадок, 1268 данных о суеверии и приметах, 270 народных поверий, 76 молитв, описания свадеб, похорон, жертвоприношений и т.д. (38, с. 6). Над составлением девятитомного словаря диалектной лексики марийского языка Э. Беке трудился в течение 40 лет. Как пишет М.Н. Кузнецова, «словарь является его главным жизненным произведением» (12, с. 34). По словам Г. Берецки, «эта книга – большая энциклопедия, отражающая жизнь марийского народа перед I мировой войной, его быт, материальную и духовную культуру» (12, с. 34). Начатое ученым дело продолжили его ученики. В 1997–2001 гг. сотрудники кафедры уральской филологии Сомбатхейского педагогического института им. Д. Бержени во главе с профессором Я. Пустаи провели огромную работу по подготовке к публикации и изданию этого уникального словаря (39). Мы выражаем им искреннюю благодарность за осуществление заветной мечты академика Э. Беке, за почтение к марийскому языку. Это событие – свидетельство достойного сохранения памяти о великом ученом. Академика Эдена Беке помнят и будут помнить не только его ученики, но и весь мир лингвистической науки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Kniezsa J.* Beke Ödön hetvenöt eves // Magyar Nyelv. LIV. – Budapest, 1958.

2. *Майтинская К.Е.* Э. Беке (К 75-летию со дня рождения) // Вопросы финно-угорского языкознания. – М.-Л., 1962.

3. *Itkonen E.* Ödön Beke 1883–1964 // FUF. B. XXXVI. H. 1-2. – Helsinki, 1966.

4. Венгерские ученые о Марийском крае и народе / МарНИИ. – Йошкар-Ола, 1990.

5. *Грузов Л.П.* Марий йылме тӱнямбалне. – Йошкар-Ола, 1991.

6. *Галкин И.С.* Шкеже йылмызе, эргыже химик. Венгр академик Ӧдӧн Беке да марий йылме // Марий Эл. 1993. 20 май.

7. *Дмитриева Ю., Адягаши К.* Hungaro-tschuwaschica: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. – Чебоксары, 2001.

8. *Иванов И.Г., Айплатов Г.Н.* Беке Эден (1883–1964) (К 120-летию со дня рождения) // Марий Эл: время, события, люди: Календарь знаменательных и памятных дат на 2003 г. – Йошкар-Ола, 2002.

9. *Москвичев А.* Марий йылмым да фольклорым шымлен // Марий Эл, 2003, 20 май.

10. *Иванов И.Г.* Он был неутомимым исследователем марийского языка (К 120-летию со дня рождения Э. Беке) // Психолого-педагогические проблемы совершенствования системы повышения квалификации: Материалы научно-практической конференции сотрудников МИО по итогам НИР за 2002 год. – Йошкар-Ола, 2004.

11. *Bereczki G.* Utószó Beke Ödön *Mari nyelvjárási szótárához* / Берецки Г. Заключительное слово к диалектному словарю Э. Беке // Beke-Szimpózium: Beke Ödön Cseremisz nyelvjárási szótárának megjelenése alkalmából (Материалы конференции, посвященной диалектному словарю Эдена Беке). – Savariae, 2004.

12. *Kuznecova M.* Szubjektív megjegyzések Beke Ödön *Mari nyelvjárási szótáráról* / Кузнецова М. Субъективные замечания к диалектному словарю Э. Беке // Beke-Szimpózium: Beke Ödön Cseremisz nyelvjárási szótárának megjelenése alkalmából (Материалы конференции, посвященной диалектному словарю Эдена Беке). – Savariae, 2004.

13. *Сибатрова С.С.* Развитие марийской практической лексикографии в XX в. // Beke-Szimpózium: Beke Ödön Cseremisz nyelvjárási szótárának megjelenése alkalmából (Материалы конференции, посвященной диалектному словарю Эдена Беке). – Savariae, 2004.

14. *Beke Ö.* A pápavidéki nyelvjárás (Диалект района Папа) // NyF 17. – Budapest, 1905.

15. *Beke Ö.* Kemenesalja nyelve (Кеменешальский говор) // NyF 33. – Budapest, 1906.

16. *Beke Ö.* A vogul határozók (Обстоятельства в мансийском языке) // NyK XXXV. – Budapest, 1905.

17. *Beke Ö.* Finnugor mondattani adalékok (О синтаксисе финно-угорских языков) // NyK XLIV. – Budapest, 1917.

18. *Beke Ö.* A mondatrészek fejlődése (Развитие предложения) // Nyr LIV. – Budapest, 1925.

19. *Beke Ö.* A finnugor összehasonlító mondattanhoz (Сравнительный синтаксис финно-угорских языков) // NyK LV. – Budapest, 1954.

20. *Beke Ö.* Finnugor határozós szerkezetek (Финно-угорские обстоятельственные конструкции) // NyK XLIII. – Budapest.

21. *Beke Ö.* A határozóragok történetéhez (К истории наречных суффиксов) // Nyr LV. – Budapest, 1925.

22. *Beke Ö.* Zur Geschichte der finnisch-ugrischen s-Laute (Из истории финно-угорского звука **с**) // FUF XXII. – Helsinki, 1934.

23. *Beke Ö.* A -k többesjel a lapp nyelvben (Показатель множественности **-k** в саамском языке) // NyK XL. – Budapest, 1911.

24. *Beke Ö.* A votják és a zürjén prolativusról (Пролатив в удмуртском и коми языках) // NyK XLI. – Budapest, 1912.

25. *Beke Ö.* Über den Dativ-Genitiv in den finnisch-ugrischen Sprachen (О дательно-родительном падеже в финно-угорских языках) // JSFOu XXX. – Helsinki, 1919.

26. *Beke Ö.* Nomen und Verbum (Имя существительное и глагол) // ALH X. – Budapest, 1960.

27. *Beke Ö.* A finnugor szóösszetételhez (К вопросу финно-угорского словосложения) // NyK XLII. – Budapest, 1913.

28. *Beke Ö.* Zur Geschichte einiger permischer Nominalbildungssuffixe (Происхождение некоторых пермских именных суффиксов) // ALH II. – Budapest, 1953.

29. *Beke Ö.* Türkische Einflüsse in der Syntax finnisch-ugrischer Sprachen (Тюркское влияние на синтаксис финно-угорских языков) // KSz XV. – Budapest, 1915.

30. *Beke Ö.* Zur Kasuslehre des Finnisch-ugrischen und Indogermanischen (Падежная система финно-угорских и индогерманских языков) // IF XLVI. – 1928.

31. *Beke Ö.* Zur Lautgeschichte der tschuwaschischen Lehnwörter im Tscheremissischen (К исторической фонетике чувашских заимствований в марийском языке) // FUF XXIII. – Helsinki, 1935.

32. *Beke Ö.* Az urali és indoeurópai duális történetéhez (История двойственного числа уральских и индоевропейских языков) // MTA. I. OK. X. – Budapest, 1957.

33. *Beke Ö.* Zu den tschuwaschischen Lehnwörtern der tscheremissischen Sprache (К чувашским заимствованиям марийского языка) // MSFOu 67. – Helsinki, 1933.

34. *Beke Ö.* Cseremisz nyelvtan (Грамматика марийского языка). – Budapest, 1911.

35. *Beke Ö.* Zur Geschichte der tscheremissischen Konjugation (К истории спряжения в марийском языке) // FUF XXII. – Helsinki, 1934.

36. *Beke Ö.* Die Kollektivzahlwörter im Tscheremissischen (Коллективные числительные в марийском языке) // ESA 1932. – Tallinn. 1935.

37. *Beke Ö.* Zur Geschichte eines tscheremissischen Nominalbildungssuffixes (К истории одного марийского именного словообразовательного суффикса) // FUF XXVI. – Helsinki, 1939.

38. *Beke Ö.* Mari szövegek I. (Марийские тексты). – Budapest, 1957.

39. *Beke Ö.* Mari nyelvjárási szótár – Tscheremissisches Dialektwörterbuch I–IX (Словарь диалектной лексики марийского языка). – Szombathely, 1997–2001.

«Финно-угроведение», 2008, № 2

Иван Иванов
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ ЯНОША ПУСТАИ

В 70-х годах прошлого столетия в финно-угристике появилось новое имя – Янош Пустаи. Сегодня это имя хорошо знакомо всему финно-угорскому миру. Он известный учёный, доктор философии, профессор, член многих научных обществ, заведующий кафедрой уралистики в университете г. Сомбатхей.

Я.Пустаи родился 22 июля 1948 года в г. Сомбатхей в Венгрии. Среднюю школу окончил в родном городе. Затем учился в Будапештском университете. В 1972 году успешно окончил его, получив специальность «русская и венгерская филология». Одновременно специализировался по финно-угроведению. В том же году получил должность преподавателя на кафедре финно-угорских языков в университете им. Лоранда Этвёша. С 1988 года – доцент этой кафедры.

В 1973 году становится кандидатом филологических наук. В 1975–78 годах преподавал венгерский язык в университете города Гёттинген (Германия).

В 1988 году параллельно с преподавательской деятельностью в Будапештском университете организовал и вёл семинар по уралистике в университете им. Я.Паннониуса в городе Печ. Здесь он организовал исследовательские серии «Specimina Sibirica» (1988) и «Specimina Fennica» (1989), которые и в настоящее время продолжают издаваться, но теперь уже в университете г. Сомбатхей.

В начале 90-х годов Я. Пустаи переводят в Сомбатхей ректором Сомбатхейского педагогического института им. Даниэля Бержени (1991–1996). Там он одновременно заведовал кафедрой уралистики. Здесь в полной мере раскрылся его талант учёного и организатора науки. Возглавляемая им кафедра уралистики вскоре превратилась в один из ведущих центров по финно-угорским исследованиям не только в Венгрии, но и в Европе.

На кафедре он организовал издание серий по финно-угорским языкам. В настоящее время кафедра уралистики под его научным руководством занимается публикациями научных исследований более чем по десяти сериям. Среди них уже названные Specimina Sibirica, Specimina Fennica, а также Folla Estonia, Folla Baltica. Colloquia Contrastiva, Lexica Savariensia, Bibliotheca Ceremissica и др.

После прихода на кафедру Я.Пустаи самое серьезное внимание начинает обращать на исследования марийского языка. Еще будучи студентом Будапештского университета, на кафедре финно-угорских языков он сам имел возможность познакомиться с марийским языком, как с одним из научных направлений кафедры, ко-

торое было заложено ещё академиком Э.Беке. В годы его учёбы на кафедре ещё царил дух знаменитого учёного.

В рамках серии Bibliotheca Ceremisica молодой ректор организовал исследование и издание научных работ по проблемам марийского языка. Первой ласточкой этой серии явился утерянный II том из собрания Э.Беке *Mari szövegek,* разысканный Я.Пустаи в архивах. Он был издан в 1995 году. С этого времени только в данной серии опубликовано 16 томов исследований по марийскому языку. Среди них особое место занимает издание знаменитого словаря Э.Беке *Mari nylvjárasi szotar (Tscheremissisches Wörterbuch),* состоящего из 9 томов, над которым знаменитый исследователь марийского языка работал в течение 40 лет, но не успел завершить. Подготовили словарь к изданию его ученики Г.Берецки, С.Веленьяк, Й.Эрдеди, а также М.Кузнецова. Я.Пустаи был организатором, издателем и идейным вдохновителем этой огромной работы. В нём собран богатейший материал по марийской лексике периода первых десятилетий XX века. Изданием этого труда Я.Пустаи оказал неоценимую услугу не только марийскому языкознанию, но и всей финно-угристике.

Велики заслуги Я.Пустаи в публикации трудов ученых восточных финно-угорских народов, российских финно-угристов. Благодаря усердиям Я.Пустаи увидели свет, например, книги марийских исследователей А.А.Саватковой «Горное наречие марийского языка», Н.Н.Глуховой «Structure and Style in Mari Charms», коллективный труд кафедры марийского языка Марийского государственного университета «Словарь лингвистических терминов марийского языка», «Материалы заключительной конференции проекта «Диалектологический словарь Э.Беке», словарь М.Кузнецовой «Марла-венгрла мутер» («Mari-magyar szótár») и др.

Всего под его научным руководством издано более 130 названий различных исследований. Это огромный труд, требующий колоссальной энергии и научного мужества.

Я.Пустаи – великолепный организатор науки и различных научных мероприятий. У себя в Сомбатхее, а иногда даже в финно-угорских республиках России, часто проводит научные конференции, симпозиумы, семинары по вопросам развития литературных языков финно-угорских народов России, консультирует исследователей этих языков по вопросам языкового строительства, знакомит с опытом языкового строительства в европейских странах. Последнее такое мероприятие, которое он провёл в Сомбатхее, состоялось в мае прошлого года, оно было посвящено вопросам развития терминологии финно-угорских языков.

Но это только одна и не самая главная сторона многогранной научно-организаторской деятельности Я.Пустаи как исследователя. Кроме всего прочего, он ещё учёный с мировым именем. Занимаясь огромной научно-организаторской работой, он находит время для чисто научной работы, не перестает быть исследователем. Он продолжает оставаться видным учёным, снискавшим широкое признание в зарубежной и российской финно-угристике.

Широк диапазон научных интересов учёного. В науку он вошёл как исследователь самодийских языков, но в последующие годы границы его научных интересов

значительно расширились. Он начал интересоваться проблемами литературных языков, терминологии, языковых ситуаций в финно-угорских регионах. Этими исследованиями он снискал себе уважение и признательность у финно-угроведов всего мира. Его по праву считают одним из самых деятельных финно-угристов современности.

Как исследователь Я.Пустаи написал и опубликовал множество монографических исследований, словарей, научных статей. Среди них можно отметить такие его монографические исследования, как «После угорско-тюркской войны» (1977), «Морфолого-семантическое изучение венгерского глагольного суффикса *-el*» (1983), «Общие черты в системе имён уральских и палеосибирских языков» (1987), «У колыбели языков» (1990), «Селькупы» (1994), «Дискуссионные материалы к исследованию языков-основ (на примере протоуральского)», в которой высказал новую точку зрения на происхождение и развитие финно-угорских языков, «Финно-угорские народы Волго-Камского региона» (2005), «Умирает язык – умирает народ» (2006) и т.д.

Особое место среди них занимает последняя из названных работ автора «Умирает язык – умирает народ». Это фундаментальное исследование посвящено характеристике финно-угорских народов России, их демографической и языковой ситуации, судьбы и перспектив развития. Большое внимание в книге уделяется родным языкам российских финно-угров, их положению в современном обществе, статусу в национальных республиках. Книга написана на богатом фактическом материале с использованием большого количества статистических данных. В ней представлена подробная картина современного состояния финно-угорских народов, проживающих на территории Российской Федерации. Книга пронизана болью о судьбах финно-угров России, многие из которых переживают сейчас нелёгкое время. Автор с тревогой говорит о судьбах российских финно-угров и, несмотря на негативные тенденции в их развитии, с надеждой смотрит в будущее.

Я.Пустаи известен также как автор словарей, получивших признание в научном мире, таких как «Енисейско-самодийский (энский) словарь» (1978), «Финско-венгерский словарь» (1998), «Немецко-венгерский словарь» (1998), «Эстонско-венгерский словарь» (1999), «Ненецко-венгерский словарь» (2003).

Известен он своими трудами по языковой политике, языковому планированию, по проблемам развития литературных языков финно-угорских народов России. По этим вопросам он регулярно организует различные научные конференции и симпозиумы. Получил широкое признание как организатор различных научных форумов.

Я.Пустаи как ученого-уралиста волнует судьба малочисленных финно-угорских народов, живущих в России. Он уделяет им особое внимание. Много сил и энергии отдает оказанию практической помощи в решении их языковых проблем, помогает им советами и научными консультациями, ежегодно организует при своей кафедре летние курсы по изучению венгерского языка для представителей российских финно-угорских народов. Поддерживает тесную связь с финно-угорскими центрами России.

Я.Пустаи получил широкое признание в финно-угорском научном мире. Он избран членом многих научных обществ европейских стран: Финно-угорского общества (Хельсинки), Общества М.Кастрена (Финляндия), Урало-алтайского общества (Гамбург), Общества венгерской этнографии. Он гость-профессор университетов Гамбурга (Германия), Загреба (Хорватия), Мариборе (Словения). За успехи в научной работе награжден орденом Эстонской Республики «Крест Марьямаа» IV степени, Почётной грамотой имени Апацаи, лауреат Государственной премии Республики Марий Эл имени М.Янтемира, почётный профессор Марийского университета, почётный член Общества венгерской этнографии и т.д.

Я.Пустаи – человек с разносторонними интересами. Кроме научно-исследовательской работы он немало времени отдает также литературно-творческой деятельности. Пишет стихи, вышло несколько книг с его стихами. Переводит на венгерский язык художественные произведения с финно-угорских языков, в частности, имеются у него переводы с эстонского, марийского, самодийских языков и т.д.

Этому разностороннему учёному, исследователю с мировым именем, знатоку многих языков, обаятельному человеку и прекрасному собеседнику в этом году исполняется 60 лет.

Его друзья и коллеги, финно-угроведы России сердечно поздравляют знаменитого ученого и замечательного человека со славным юбилеем и желают новых свершений в научных поисках.

«Финно-угроведение», 2008, № 2

Серафима Сибатрова
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ В.И. ВЕРШИНИНА

Марийский лингвист Вершинин Валерий Иванович родился 27 сентября 1948 г. в д. Ильнеть Елабужского района Татарской АССР в семье учителей. Восьмилетнее и среднее образование получил в Ильнетской (1956–1964) и Новогорской (1964–1966) школах Граховского района Удмуртской АССР. В 1967–1969 гг. служил в рядах Советской Армии. Проработав два года на производстве, в 1971 г. поступил на отделение русского языка и литературы, марийского языка и литературы филологического факультета Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской, который окончил в 1976 г. с присвоением квалификации «Учитель русского языка и литературы средних школ». В 1974 г. после третьего года обучения перевелся на заочное отделение и уехал в Эстонию. Там находился более 5 лет, работал на производстве и (после получения диплома о высшем образовании) в системе народного просвещения – учителем русского языка в средних школах, в 1978–1979 гг. методистом районного отдела народного образования.

В январе 1980 г. В.И. Вершинин приехал в Марийскую АССР, по приглашению И.С. Галкина, директора МарНИИ им. В.М. Васильева, стал работать в отделе языка института: в течение 10 лет младшим научным сотрудником, с января 1992 г. в должности научного сотрудника, с января 1998 г. по настоящее время – старшим научным сотрудником. В первые же годы работы в институте показал себя старательным научным работником, способным вести серьезное исследование. Старшие коллеги отмечали, что у В.И. Вершинина оригинальное, нестандартное мышление, которое весьма ценно в деятельности научного работника. Учитывая это, институт рекомендовал его на учебу в аспирантуру. В декабре 1983 г. В.И. Вершинин поступил в заочную аспирантуру при Тартуском государственном университете по специальности «Финно-угорские языки». Здесь под руководством академика П. Аристэ проводил многостороннее исследование диалектной лексики прикамских говоров марийского языка. К декабрю 1987 г. кандидатская диссертация в целом была завершена, однако по разным причинам на защиту так и не была представлена.

С самого начала работы в МарНИИЯЛИ В.И. Вершинин активно участвовал в подготовке коллективного многотомного «Словаря марийского языка». Им разработаны тексты статей на часть букв К (*комедий – кукташ*), С (*соптырийланаш – сюртук*), Ч (*чӧвӧ – чылнаш*), основная часть седьмого тома на букву Т

(*табель – тӱан, тӱр – тяпке*). Всего им написано более 700 страниц словаря. Параллельно он вел большую работу по сбору лексического, в т. ч. топонимического, материала и изучению прикамских говоров марийского языка. К настоящему времени в основном закончено составление «Словаря прикамских говоров марийского языка», содержащего бесценный диалектный материал. В последние годы В.И. Вершинин занимался также разработкой словарных статей по марийской лингвистике для Энциклопедии Республики Марий Эл.

В.И. Вершинин – автор около 40 опубликованных научных статей по проблемам марийской исторической лексикологии, лексикографии, диалектологии, топонимии, контактирования марийского языка с другими. Кроме того, он издал на собственные средства 3 тома «Этимологического словаря мордовских (эрзянского и мокшанского) языков (Т. I: Аба – Керверь. – Йошкар-Ола, 2004; Т. II: Кеветие – Мекснемс. – Йошкар-Ола, 2005; Т. III: Мекш – Пиле. – Йошкар-Ола. 2005; общий объем словаря – 355 с.) и «Словарь марийских топонимов низовья Камы и Вятки» (Йошкар-Ола, 2005, 129 с.). Этимологический словарь мордовских языков дает объяснение происхождения не только современных, но и значительного количества (зафиксированных в четырехтомном словаре Х.Паасонена) устаревших слов. Словарь топонимов включает самые разные географические названия, которые нередко рассматриваются в сопоставлении с соответствующими наименованиями объектов Марий Эл; во введении приводятся также подробные исторические сведения о прикамских марийцах.

Юбиляр часто выступал с актуальными докладами на научных и научно-практических конференциях, симпозиумах разного уровня: институтских, республиканских, всесоюзных и всероссийских (Ижевск 1987, Сыктывкар 2004), международных (Йошкар-Ола 2000, Бирск 2007, Казань 2008).

В.И. Вершинин старается открыто выражать свои мысли, свою позицию по разным вопросам в средствах массовой информации, ведет активную пропаганду научных знаний через печать, радио и телевидение. Он опубликовал в республиканской печати значительное количество статей по проблемам функционирования, сохранения и развития марийского языка.

В.И. Вершинина отличает огромный интерес к иностранным языкам. Помимо марийского и русского языков, юбиляр свободно говорит на эстонском и финском языках, читает на татарском, немецком, английском и венгерском языках. Серьезные знания и способности к языкам активно применяет на практике, в первую очередь в решении своих научных задач. В полной мере можно утверждать, что В.И. Вершинин является переводчиком. В течение ряда лет он переводил различную литературу с финского и эстонского языков на марийский и русский, с русского языка на марийский. Например, по просьбе Правозащитного центра РМЭ им выполнен перевод документов «Всеобщая декларация прав человека», «Конвенция о правах ребенка» с русского языка на марийский, книги «Дневник Рейна Варе» с эстонского языка на русский (перевод опубликован в ряде номеров газеты «Молодой коммунист»); совместно с В.Козловым переведена книга Р. Риннекангаса «Луна

убегает» с финского языка на марийский (перевод издан в Йошкар-Оле в 2000 г.). Работая в МарНИИЯЛИ, В.И. Вершинин занимался переводом текстов официальных названий учреждений, предприятий, организаций с русского языка на марийский, тем самым в немалой степени содействовал расширению сферы практического использования марийского языка.

За большой вклад в исследование культурного наследия марийского народа, в развитие гуманитарных наук Вершинин В.И. отмечен благодарственным письмом Государственного Собрания РМЭ (2007 г.).

Поздравляя с юбилеем, коллеги и друзья желают юбиляру доброго здоровья, новых творческих успехов в изучении марийского языка, исполнения всех научных планов.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: КАКСИН А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. – Ханты-Мансийск, 2007. – 134 с.

В конце 2007 г. вышла в свет монография руководителя отдела хантыйской филологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок кандидата филологических наук А.Д. Каксина «Казымский диалект хантыйского языка». Монография выполнена по образцу описания диалектов уральских языков. Материал по казымскому диалекту изложен в соответствии с «Инструкцией по единообразному описанию диалектов уральских языков» (М., 1988). Составители инструкции, профессор К.Е. Майтинская и профессор В. Феенкер, а также редактор Ю.С. Елисеев, были заинтересованы в том, чтобы в едином ключе были рассмотрены все диалекты уральских языков. Можно считать, что два диалекта хантыйского языка (обдорский и казымский) уже освещены согласно требованиям данной инструкции.

Фонологический раздел открывается таблицами систем гласных и согласных звуков, в дальнейшем описываются звуковые закономерности, положения автора подтверждаются множеством иллюстраций. Правильно сказано об ударении в хантыйском языке, которое, как известно, характеризуется стабильностью (в отношении ударного слога): «… но даже когда в первом слоге гласный является кратким, а во втором слоге представлен долгий гласный, ударение падает на первый слог (хотя при этом и создается эффект ударности второго слога)» (с. 26).

Известно, что фонемный состав верхнеказымского говора казымского диалекта был описан новосибирскими учеными Г.Г. Куркиной (гласные фонемы) и Л.А. Верте (согласные фонемы). Новосибирская фонетическая лаборатория пользовалась не совсем ординарным инструментарием, поэтому фонетисты санкт-петербургской и московской школ очень сомневались в результатах фонемного анализа новосибирцев. На мой взгляд, в системах вокализма и консонантизма Г.Г. Куркиной и Л.А. Верте допускается произвольность используемых терминов, они пренебрегают классическими терминами. В отличие от них, И.А. Николаева при описании фонемного состава обдорского диалекта хантыйского языка совершенно естественно обходится общепринятыми терминами при дифференциации свойственных диалекту фонем.

Непонятно, почему автор монографии умолчал о факте проведенного исследования фонем казымского диалекта хантыйского языка с помощью компьютерной технологии фонетической лабораторией Л.В. Бондарко при Санкт-Петербургском государственном университете.

Освещаются степени сравнения прилагательных, но подача сведений устарела: положительная степень не рассматривается с конца 60-х гг. Речь должна идти только о сравнительной и превосходной степенях сравнения. На с. 62 читаем: «В казымском диалекте нет аффиксальных способов образования форм степеней сравнения». Следует возразить: сравнительная степень прилагательного образуется с помощью суффикса *-šə̑k: wan – wanšə̑k* 'короткий – короче'. В инструкции по описанию диалектов уральских языков указывается: в первую очередь освещаются аффиксальные способы образования форм степеней сравнения.

Несколько замечаний об аналитических формах хантыйского языка. Приведу цитату: «Частица *ŏŏɬŋ* также не может располагаться в начале второй части предложения; внутри же этой части ее место не закреплено строго, и она может быть опущена» (с.77). Однако *ŏŏɬŋ* не просто частица, а союз-частица, служащий для связи придаточного с главным предложением. *Ŏŏɬŋ* никогда не начинает придаточное, а свободно перемещается с середины в конец предложения, опущения не происходит.

Еще процитируем: «В казымском диалекте строго формально различаются только два причастия (одно из них выполняет и функцию инфинитива)» (с. 81). В данном положении не соответствует действительности фраза, заключенная в скобки. Суть в том, что аффикс причастия настоящего времени совпадает с консонантным элементом показателя инфинитива. Например, в хантыйском языке имеются глагольные конструкции с посессивными суффиксами, но эти самые суффиксы присоединяются как раз к причастным формам (настояще-будущего и прошедшего времени: *мăн=т=**ал*** 'идущий=***он***' и *мăн=м=**ал*** 'ушедший=***он***'). К сожалению, перевод на русский язык затушевывает грамматическую природу хантыйских глагольных форм, хотя при этом верно передает «содержание ситуации». Итак, в хантыйском языке то, к чему присоединяются посессивные суффиксы – это именно причастные формы (не хватает лишь гласного компонента, вполне факультативного): *мăн-тə̑* 'идущий' и *мăн-ə̑м* '(у)шедший'.

Очень квалифицированно выполнен раздел «Словообразование». Думаем, что вполне резонно называть подчинительным словосложением сочетания превербов с глаголами (в других работах по казымскому диалекту данное явление называется префиксальным словообразованием). Парные слова изобразительного типа названы словами-близнецами, что вполне соответствует их природе: *ŏməś-ĭŏməś* 'очень забавный', *nărli-kărli* 'без всяких забот, без осложнений', *oχta-puɬχa* 'без пользы'.

Далее следует авторская подача падежной системы диалекта: 1) номинатив, без специального маркера; 2) датив/иллатив, формант *-a*; 3) инессив/инструктив, формант *-n*. Значения переданы точно. Однако вместо термина *инструктив* должно было быть *инструменталис*. Оригинально предлагается перевод лично-притяжа-

тельных форм: только одно лицо в ед., дв. и мн.ч. снабжается переводом. И это служит образцом для продолжения перевода форм 2 и 3 лиц в ед., дв. и мн.ч. (с. 61).

Далее кратко характеризуются другие части речи. Например, относительно числительных А.Д. Каксин отмечает, что повторительные, дробные, распространительные числительные в казымском диалекте лишь условно являются таковыми (с. 64). Впервые выделяются противопоставительные местоимения: *pa, pas 'ir, janas* и др. (с. 70). Наречия казымского диалекта хантыйского языка описаны вполне исчерпывающе при таком небольшом объеме работы.

Со знанием дела описаны спрягаемые формы глагола. Известны работы А.Д. Каксина, посвященные глаголу хантыйского языка: кандидатская диссертация, монография, статьи. Все рассматриваемые автором явления глагольного формообразования не вызывают сомнения. Учитываются такие факторы, как ситуация и контекст. Специально указывается, что ряд форм имеет один и тот же показатель лица-числа и их значение распознается в контексте. Отмечается такое грамматическое явление, как утрата двойственного числа объекта в парадигме объектного спряжения глагола в хантыйском языке, очень характерного именно для казымского диалекта. Но, несмотря на это, «парадигма объектного спряжения шире по объему в сравнении с субъектной: в ней два ряда лично-числовых форм (для выражения ед.ч. объекта и неед.ч. объекта)» (с. 78).

Глагол в хантыйском языке представляет собой одну из наиболее сложных категорий как в грамматическом, так и в лексико-семантическом плане, но в монографии он описан лаконично, только по существу.

Согласно инструкции в монографии освещаются наиболее существенные характеристики синтаксиса казымского диалекта. При этом имеют место очень тонкие наблюдения и точные иллюстрации. Особенно следует отметить подраздел «Синтаксис служебных слов», в котором освещен и вопрос о частицах хантыйского языка, обычно редко попадающих в поле зрения лингвистов.

В монографии предельно кратко рассмотрен синтаксис определительных словосочетаний (в т.ч. структура притяжательных и непритяжательных словосочетаний), а также синтаксис сравнительных конструкций, по структуре близко стоящих к словосочетаниям. Между тем словосочетание в хантыйском языке – это достаточно интересное явление, оно значительно отличается от подобных единиц некоторых других финно-угорских языков. В частности, хантыйский язык (или, по крайней мере, его северные диалекты) характеризуется небольшим количеством падежей (особенно значимо отсутствие аккузатива и генитива в сфере имени), и это не может не сказываться на структуре словосочетаний и их типологии.

Монография предназначена прежде всего для исследователей, специалистов по языку, но будет полезна и для студентов университетов, специализирующихся по обско-угорским языкам. Описание одного из ведущих диалектов хантыйского языка в ней выполнено таким образом, что студент, уже знающий основы лингвистики (после курса введения в языкознание), будет легко ориентироваться не только в терминологии, но и в сути излагаемого материала.

Преподаватели хантыйского языка сегодня как никогда нуждаются в разнообразных современных учебниках, учебных пособиях. В качестве таковых можно использовать и некоторые научные издания, в том числе и рецензируемое. Нехватка пособий была всегда, но сегодня, в период массового билингвизма среди ханты, она ощущается особенно остро. Рецензируемое издание – одно из тех, что восполняют данный пробел. Издание ориентировано на самостоятельное усвоение словарного и словообразовательного минимума по хантыйскому языку, а также основ грамматики одного конкретного диалекта (подчеркнем – диалекта, положенного в основу хантыйского литературного языка). Конкретный материал во всех разделах монографии изложен предельно продуманно, что облегчит его усвоение студентами.

Особо нужно отметить описание фактов хантыйского языка с опорой на работы по другим уральским языкам. Монография А.Д. Каксина «Казымский диалект хантыйского языка» написана на высоком научном и методическом уровне, с учетом достижений современной науки (финно-угроведения). Несомненно, ею будут пользоваться и студенты, и аспиранты, и исследователи, а также все интересующиеся хантыйским языком.

В целях использования монографии в учебном процессе необходимо было бы дополнить ее приложениями, как то: разъяснениями по применяемой в монографии графике хантыйского языка, сводом орфографических правил, небольшим орфографическим и орфоэпическим словарями хантыйского языка (составленными из слов языка казымских ханты). Как положительный момент отметим, что в работе есть несколько оригинальных текстов, которые интересны с точки зрения лексики и грамматики, тексты даны в транскрипции, что позволяет усвоить нормы произношения в связной речи.

После выхода монографии А.Д. Каксина, в которой описаны все языковые уровни казымского диалекта, хотелось бы увидеть подобные описания и других диалектов хантыйского языка. Изложенные таким образом результаты исследования диалектов в большой мере послужили бы делу сохранения хантыйского языка.

Мария Чертыкова
Ханты-Мансийск

Рец.: ПАШКОВА Т.В. Народные названия болезней в карельском языке. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Петрозаводск, 2008. – 167 с.

22 октября 2008 г. на заседании диссертационного совета КМ 212.190.05 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Петрозаводский государственный университет» состоялась защита кандидатской диссертации Татьяны Владимировны Пашковой «Народные названия болезней в карельском языке» по специальности 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (финно-угорские и самодийские языки)». Официальными оппонентами на защите выступили доктор филологических наук Н.Г. Зайцева и кандидат филологических наук О.М. Жаринова, ведущей организацией – Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Диссертационная работа выполнена на кафедре карельского и вепсского языков факультета прибалтийско-финской филологии и культуры ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет» под научным руководством доктора филологических наук профессора П.М. Зайкова.

Предметом исследования в диссертации являются народные названия болезней. Данная тема относится к неизученным областям карельского языкознания. Особенностью карельского языка является то, что он не имеет наддиалектной общей письменной формы и существует в виде трех основных наречий: собственно-карельского, ливвиковского и людиковского. В качестве книжно-письменного литературного языка карелы пользуются финским языком. Отсюда понятно, почему в диссертации анализируются названия болезней, употребляющиеся только в диалектной речи.

Научная новизна и актуальность работы определяется всем комплексом решаемых задач, прежде всего тем, что здесь впервые проводится:

– идентификация и систематизация народных названий болезней, собранных из различных источников,

– обобщение имеющихся этимологий народных названий болезней,

– определение основных принципов номинации карельских народных названий болезней, выявление семантических изменений в системе исследуемой лексики,

– установление наиболее типичных моделей образования народных названий болезней.

Фактический материал диссертации извлечен из словарей карельского и финского языков, образцов карельской речи, фольклорных текстов и этнографических

источников, часть материала собрана автором в полевых условиях в 2005–2007 гг. Всего рассматривается в работе 114 народных названий болезней. Какой общий объем картотеки народных названий болезней и какая часть в ней принадлежит лично ее составителю, не указывается. Отсутствуют также статистические данные по распределению названий болезней по наречиям и говорам современного карельского языка.

Структура работы отвечает задачам исследования и способствует комплексному анализу словарного состава, относящегося к народной медицине. Диссертация, представляющая собой 167 страниц компьютерного текста, состоит из предисловия, введения, двух глав, списка использованной литературы, списка условных сокращений и регистра народных названий болезней на русском и карельском языках. В виде приложения дан список информантов.

В предисловии обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность, определяются цели и задачи, научная новизна, практическая и теоретическая значимость, указываются методы анализа, сообщается об апробации основных результатов проведенной работы.

Введение посвящено истории изучения народных названий в карельском языке. Основное внимание здесь уделяется тому, кто, когда и как занимался карельскими названиями болезней. Сообщается, в каких изданиях имеется информация по этому вопросу. Следует отметить, что содержание данного раздела не вполне соответствует его заглавию. Так, здесь перечислены фамилии ученых (и их труды), которые исследовали данную тему не на материале карельского языка, а финского (например, М.Лянсимяки, А.Форсиус), эстонского (В.Шамардин), вепсского (И.Ю. Винокурова) и русского (В.А. Меркулова, Е.Л. Березович) языков. Этнографические работы И.Ю. Винокуровой автор диссертации почему-то называет лексическими исследованиями. Введение завершается информацией о принципах подачи анализируемого материала в основной части диссертации.

Основная часть работы состоит из двух глав. В качестве одного из положительных моментов надо отметить тот факт, что каждую из них предваряет довольно обширная теоретическая часть. Так, в первой главе она занимает 11 страниц, во второй – 4 страницы. Обе главы завершаются соответствующими выводами.

Первая глава называется «Мотивационные признаки номинации народных названий болезней в карельском языке». В системе карельских названий болезней автор выделяет и рассматривает 6 принципов номинации. Основными мотивационными признаками при обозначении соответствующих недугов, по мнению диссертантки, являются: боль в какой-либо части тела или органе, внешний признак болезни, время появления болезни, звуковые проявления той или иной болезни, народные поверья, укус животного.

Материал в данной главе, как и во второй, дается в виде словарных статей. Заглавные слова расположены в алфавитном порядке. В шести разделах главы содержится различное количество словарных статей. Так, раздел под названием «Боль в какой-либо части тела или органе» состоит из 8 словарных статей, раздел

«Внешний признак» – из 11, раздел «Время появления (время года или время суток)» – из 3, раздел «Звук (звукоподражательные существительные)» – из 6, раздел «Наименования болезней, связанные с народными поверьями» – из 13, раздел «Укус животного» – из 3. Все словарные статьи построены по единому принципу. Сначала дается исходное слово, лежащее в основе соответствующего названия болезни, затем следует название болезни. Например, *kulkku* 'горло', *kulkkumuokku* 'ангина, воспаление горла'; *kezä* 'лето', *kezakko* 'веснушка'; от глагола *köhkeä* '(сухо) кашлять', *köhkytes* 'кашель'; *jumala* 'Бог', *jumalantaudi* 'болезнь, которая по поверью была послана человеку Богом'; *mua* 'земля', *moanvihat* 'болезнь от земли'; *vezi* 'вода', *vezimoahine* 'болезнь от воды'; *koira* 'собака', *koiran purendahine* 'укус собаки'; *mado* 'змея', *mavonpanema* 'укус змеи' и т.д. Исключение составляет раздел «Внешний признак» и часть раздела «Звук», где исходным словом является само название болезни, например, *keltatauti* 'желтуха', *veripahka* 'гематома, кровавая опухоль', *vilutaudi* 'холера', *ripuli* 'понос', *talmu* 'мозоль' и т.д. После исходного слова и основного варианта соответствующего названия болезни, выделенных в тексте полужирным шрифтом, расположены все имеющиеся другие диалектные разновидности. В большинстве статей приводится также иллюстративный материал, свидетельствующий об употреблении рассматриваемых слов в речи носителей карельских диалектов. Большую ценность представляют также содержащиеся внутри словарных статей соответствия из близкородственных языков – финского, эстонского, вепсского, водского, ижорского. Например, эст. *hambavalu*, вепс, *hambankibu* 'зубная боль', ижор. *kurkunkipu* 'боль в горле', ф. *keltatauti* 'желтуха' и т.д. Завершает каждую словарную статью компонентный перевод соответствующего обозначения или буквальный перевод анализируемого слова, например, *hammas/taud* – зуб + болезнь; *mustelmu* – букв. синяк. Много интересных сведений содержится в разделе, где рассматриваются обозначения, возникновение которых обусловлено суеверными представлениями людей. По мнению диссертантки, подобного рода названия болезней связаны в карельском языке со словами, которые служат для обозначения таких понятий, как 'бог', 'камень', 'собака', 'покойник, мертвый', 'холодный', 'баня', 'ноготь', 'лес', 'земля', 'железо', 'огонь', 'ветер', 'вода'. Во многих случаях приводятся способы лечения таких болезней, а также тексты заговоров, с помощью которых карелы пытались избавиться от разных недугов.

Вторая глава излагается на 68 страницах и по объему значительно превосходит первую. Она называется «Способы словообразования народных названий в карельском языке».

В системе народных названий болезней карельского языка автор определяет 4 способа словообразования: суффиксацию, словосложение, семантический способ и заимствование. В зависимости от производящей основы в диссертации выделяются и отдельно рассматриваются отглагольные и отыменные названия. Как утверждает автор, большинство суффиксальных образований являются отглагольными. Самыми распространенными в составе таких названий считаются суффиксы *-us, ys* (*-vus, -vys*), они присутствуют в 22 названиях: *kupetus* 'чесотка',

hivellys 'вывих', *ozavus* 'радикулит' и т.д. К группе отглагольных названий с суффиксами *-es, -ez* относится 10 обозначений: *ajoites* 'фурункул', *ryvetes* 'кашель', *ummotes* 'запор' и т.д. В группе существительных с суффиксами *-nta, -ntä; -nda, -ndy* рассматриваются 6 названий: *pakundu* 'эпилепсия', *hullavunda* 'паралич', *ryvintä* 'кашель' и т.д. 4 названия образованы с помощью суффиксов *-mus, -mys, -myz*, в составе которых выделяются два элемента: *-ma, -mä* и *-us, -ys*: *hagelmus* 'перелом', *palamus* 'порез' и т.д. К числу названий, образованных с помощью сложных формантов, относятся также наименования типа *ajamin(e)* 'нарыв, фурункул', где автор вычленяет суффиксы *-mini, -min(e)*. В составе названий присутствуют продуктивные суффиксы карельского языка *-o, -vo, -vö*, например, *raippavo* 'радикулит', *riibavo* 'царапина'. В данной группе в качестве названия болезни приведено слово *kiro* 'проклятие'. Эта лексема является обозначением словесного действия, которое, видимо, может быть причиной той или иной болезни, а может и не быть. Поэтому ее квалификацию в качестве названия болезни следовало бы признать ошибочной. В остальных 4 группах отглагольных названий болезней рассматриваются следующие суффиксы: *-jaini, -jäini, -jäine; -os; -e; -in; -u*.

В разделе, посвященном отыменным образованиям, рассматриваются четыре группы суффиксов: *-čča, -ččä, -ččy, -cci; -kka, -kkä, -kku, -kky; -ma, -mä, -mu, -my; -kko, -ti*. Здесь некоторые названия первой группы, например, *tuhkičču* 'корь' (от сущ. *tuhku* 'зола'), не соответствуют утверждению автора о том, что такие отыменные обозначения образованы от прилагательных по их качественному признаку (с. 80). Вызывает возражение выделение суффикса *-kka* в составе слова *rodimčikka* 'родимец', которое выводится из существительного *rodimču*. Данное название болезни возникло, видимо, на основе русского заимствования *родимчик* путем присоединения в карельском языке элемента *-ka*.

В разделе «Синтаксический способ. Словосложение» классификация материала производится в зависимости от принадлежности компонентов соответствующих названий к той или иной части речи. На этой основе выделяются две структурные модели названий болезней. Отмечается, что в большинстве рассматриваемых примеров определительный компонент стоит в форме номинатива или генитива. В группе названий болезней, образованных по модели «существительное + существительное», приводится 9 заглавных слов, в группе модели «прилагательное + существительное» – 5 заглавных слов. Автор констатирует, что правописание данной категории названий, как и в целом двухкомпонентных сложных слов карельского языка, до сих пор не нашло окончательного решения, поэтому для них характерно двоякое написание – как слитное, так и раздельное. Свое решение данной проблемы диссертантка не предлагает.

В разделе второй главы, посвященном семантическому способу словообразования, рассматриваются 30 названий болезней. Для обозначений данной группы характерны семантические изменения, которые автор диссертации связывает с тремя процессами:

1) с метафоризацией: *täitarha* 'лишай' (букв, 'вшивый сад'), *varoinsappat* 'цыпки' (букв. 'вороньи сапоги'), *koiranvanhus* 'рахит, болезненная худощавость' (букв, 'собачья старость');

2) с расширением значения слова: *hajraš* 'щетинка' (первонач. 'свиная щетина'), *jiä* 'бельмо' (первонач. 'лёд'), *kubu* 'зобная опухоль, увеличение щитовидной железы' (первонач. 'птичий зоб');

3) с переносом значения по сходству: *rokko* 'оспа' (от *rokka* 'горох, гороховый суп'). Симптомами болезни являются мелкие прыщи, похожие на плоды гороха; *ruahto* 'молочница во рту у ребенка' (основное значение 'творог'). Во время заболевания язык, слизистая оболочка рта и губы покрываются белым налетом, напоминающим творог.

Самостоятельным способом словообразования автор считает также заимствование. Иноязычный компонент в составе карельских названий болезней представлен тремя группами слов: германскими, шведскими и славянскими. В группу слов германского происхождения входит 7 заимствований: *kaihte* 'бельмо', *kuhmu* 'шишка', *rupi* 'оспа' и т.д. К числу шведских заимствований автор относит название *tyrä* 'грыжа'. Третья группа является самой многочисленной, она состоит из 31 названия и представлена исключительно русскими заимствованиями. Из других славянских языков примеры не приводятся. Поэтому было бы более правильно назвать ее группой русских, а не славянских заимствований. Как свидетельствует анализируемый материал, подавляющее большинство русских заимствований проникло в карельский язык из литературного языка или через него: *ankinu* 'ангина', *činka* 'цинга', *grippa* 'грипп', *tifu* 'тиф' и т.д. Часть заимствований имеет разговорно-бытовое или диалектное происхождение: *bolozn'* 'мозоль, волдырь', *kila* 'грыжа', *padučai* 'эпилепсия', *vesnuhu* 'веснуха' и т.д.

Выводы, содержащиеся в заключительной части диссертации, убедительны, они отражают суть рассмотренных в основных разделах исследования проблем.

Исходя из содержания диссертации Т.В. Пашковой убеждаешься в том, что рецензируемая работа является самостоятельным научным исследованием, обладающим актуальностью и научной новизной, теоретической и практической значимостью. Автореферат и 4 опубликованные работы автора (в том числе в реферируемых изданиях) отражают основные положения диссертации. Техническая работа по оформлению диссертации в целом выполнена корректно. Автор хорошо владеет как фактическим материалом, так и необходимой исследовательской методикой. Вполне обоснованно можно предположить, что по примеру данной работы аналогичные исследования в последующем будут проведены на материале других финно-угорских языков.

Наряду с достоинствами диссертации в целях объективности хотелось бы отметить некоторые недостатки. Вызывают досаду встречающиеся в одном и том же или в соседних контекстах повторы: «В небольших карельских деревнях, расположенных на берегу рек и озер, на небольшом расстоянии друг от друга жили наши предки» (с. 16). «Издавна жизнь карельского народа связана с жизнью животных.

В процессе контакта людей с животными, возникали случаи, когда животные нападали на человека...» (с. 134).

Кроме отдельных слов на повторы можно привести также абзацы, буквально дублирующие друг друга: «Здесь необходимо отметить, что большинство из представленных в данном разделе наименований имеют в словарях и текстах как слитное, так и раздельное написание. Это связано с проблемой разграничения сложных слов от словосочетаний, а также с неустановившейся традицией написания» (с. 130 и 134).

Имеются ошибки в согласовании словосочетаний: «Нередко болезни подразделяются на две таких обширных группы, как болезни смерти и несмертные» (с. 3). Не украшают лингвистический текст сочетания типа «... названия grippa, grippu, которые заимствованы из русского языка грипп» (с. 117), «Лексемы *ospičča, ospičči, ospa, ospu* заимствованы из русского языка оспа...» (с. 122), а также не к месту употребляемые слова типа *основание, отображение* и т.д.: «В «Карельско-русском словаре» (КРС, 1999), составленном на основании северно-карельских диалектов, отображена наиболее характерная лексика, отражающая различные стороны карельского быта...» (с. 17); «Для отображения лексики людиковского наречия нами использовался «Словарь людиковских наречий» (с. 17).

Некоторые предложения свидетельствуют о нелогичности, противоречивости в утверждениях автора: «Интересно отметить, что в тихвинском говоре карельского языка есть лексема *dospeška* 'болезнь доспешка', которая не встречается ни в одном говоре карельского языка» (с. 12). Говоря о наличии какого-то явления пусть даже в одном говоре, нельзя утверждать, что оно не встречается ни в одном говоре данного языка.

Напоследок хочется привести еще одно высказывание, содержащееся в самом начале предисловия (с. 3), которое сводится к тому, что народная медицина, в связи с исторически обусловленным несовершенством ее диагностики, часто оперирует широкими, подчас расплывчатыми понятиями (*pahku* 'опухоль', *lihoradku* 'лихорадка' и др.), определяющими, в сущности, лишь ведущие признаки самых различных по происхождению заболеваний, которые в научной медицине разделены на группы. Данное противопоставление карельской народной и научной медицины является некорректным и неуместным, хотя бы по той причине, что на карельском языке научная медицинская литература вообще отсутствует. Это, во-первых. Во-вторых, такие понятия, как *опухоль, лихорадка*, имеются как в народной, так и в научной медицине. В-третьих, из контекста не ясно, какая конкретно научная медицина, если не карельская, имеется в виду – финноязычная, русскоязычная, англоязычная или еще какая-то.

Отмеченные выше недостатки легко устранимы и нисколько не умаляют ценности рецензируемой работы, она соответствует всем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и ее автор заслуживает искомой ученой степени.

Анатолий Ракин
Сыктывкар

Рец.: МАЛИНИНА О.С. Этнокультурное и общественно-политическое сотрудничество финно-угорских народов в современной России. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Казань, 2008. – 237 с.

Сегодняшний этап развития российской исторической науки характеризуется кардинальным переосмыслением всей совокупности человеческой деятельности с позиций научной объективности и историзма, полностью освобожденных от идеологических установок недавнего прошлого.

Современные ученые отходят от упрощенного и однобокого толкования тех или иных событий общественной жизни. Востребованными становятся исследования, показывающие всю сложность и противоречивость исторического процесса.

Диссертация О.С. Малининой посвящена очень важным и сложным явлениям современного общества. Изучаемые ею процессы многогранны. Впервые добротно анализируются все их направления, практическая ценность, подводятся промежуточные итоги. Примечательно, что в работе в таком масштабе и хронологических рамках предпринята попытка представить всю совокупность процессов, изучить их теоретическую основу. Очень важным представляется и то, что автор диссертационного исследования учитывает специфику многонациональных районов и особенности современного этапа развития общества.

Научная новизна диссертационного исследования О.С. Малининой естественным образом вытекает из комплексности поставленных задач и достигнутых результатов.

В ходе работы диссертант руководствовался доминирующими принципами фундаментального исследования, постарался всесторонне изучить и осмыслить предмет своего исследования.

Композиция текста представляется достаточно продуманной и логичной. Хронологические рамки диссертации определены возникновением и развитием изучаемых процессов.

Важно отметить, что источниковую базу диссертации составляет весьма внушительное количество историографической литературы, которая подверглась научному анализу. О.С. Малинина изучила имеющиеся в архивных фондах документы, ввела часть из них в научный оборот. Использовано в работе большое количество опубликованных источников и статистических данных. Достойно одобрения и то, что диссертант при работе с различного типа источниками учитывает их вариантность, влияние политической конъюнктуры, степень достоверности.

Работа написана научным, грамотным языком. О.С. Малинина попыталась разобраться в сложных составляющих таких емких процессов как «финно-угорский мир», «финно-угорское движение». С ее выводами трудно не согласиться.

Диссертант на протяжении всей работы доказывает чрезвычайную важность сохранения родного языка, самобытности народов. Задачу автор перед собой поставил сложную, потому что финно-угорский мир очень велик и разнообразен. В результате единые формы сотрудничества должны охватить и заинтересовать как малые народы, так и жителей развитых европейских государств.

Естественно, что объединяющей силой здесь выступает языковое родство. Появившаяся в конце 80-х годов XX века возможность расширенного международного взаимообщения, проведение различного рода встреч и конгрессов позволили по-новому подойти к решению проблемы.

О.С. Малинина подробно и последовательно, используя принятые документы, показывает становление и развитие сотрудничества финно-угорских этносов в области культуры и образования.

Автор диссертационного исследования четко представляет и отражает трудности, стоящие перед решением задачи изучения родных языков, по усилению мотивации населения. Абсолютно права О.С. Малинина, когда рассуждает о необходимом поиске новых форм и методов в образовательном и учебно-воспитательном процессе, о использовании современных образовательных технологий.

Большое значение во всех видах и формах сотрудничества имеют информационные связи. О.С. Малинина весьма подробно описывает этот процесс, показывает значение периодической печати, теле- и радиопередач. С сожалением автор констатирует факт нерешенных задач, трудности по охвату населения.

Не обойдено вниманием в диссертационном сочинении и научное сотрудничество финно-угорских народов. Автор рассказывает о Международных исторических конгрессах финно-угроведов, Всероссийских конференциях по финно-угроведению. Естественно, что процесс научного сотрудничества требует дальнейшего развития, а главное финансирования.

Развитие финно-угроведения испытывает те же проблемы, что и вся российская наука.

Важной формой сотрудничества финно-угорских народов является общественно-политическое. Автор рассказывает о создании и деятельности Всемирного конгресса финно-угорских народов, его выступлении за соблюдение прав и свобод.

Другой крупной организации – Молодежной ассоциации финно-угорских народов посвящен параграф диссертационного исследования. О.С. Малинина подробно рассматривает ее деятельность, уделяет внимание различным направлениям работы.

К достоинствам представленного диссертационного сочинения следует отнести не только широту источниковой базы, но и умение автора пользоваться ею, сбалансированно-аргументированную тональность изложения, уважительное отношение к коллегам, стремление к определению истины.

Но желание рассказать обо всем, ничего не пропустить, не всегда обоснованно. В отдельных местах О.С. Малинина сбивается на перечисление вместо анализа. Совершенно ясно, что сильной стороной диссертационного сочинения является авторская позиция. О.С. Малинина переживает за решение изучаемых проблем, болеет за родной язык. Но иногда это не дает ей подойти к изложению более взвешенно, рассудительно.

Понятно, что в основном излагается материал Марийской республики, но хотелось бы видеть больше примеров сотрудничества и через призму других регионов.

Ничего не говорится о межнациональных браках, особенный интерес представили бы данные о браках внутри финно-угорских этносов.

Вместе с тем, как и всякое серьезное научное историческое исследование, работа О.С. Малининой вызывает ряд вопросов:

1. Историографический раздел исследования насыщен перечислениями, не до конца систематизирован, нет критических замечаний.

2. В достижениях и обобщении проделанной работы (с.19) автор предстает как разработчик всех форм и видов сотрудничества.

3. Источниковедческий раздел требует более четких характеристик групп источников, особенно неопубликованных (с. 22).

4. Понятно, что сотрудничество финно-угорских народов, как и всяких иных, не обходится без тяжелых моментов, различного рода экстремистских вариантов. Автор полностью обходит эти материалы, за исключением нескольких строк (с. 151).

Высказанные пожелания и предложения носят в основном рекомендательный характер, нисколько не снижают общей положительной оценки актуальности, новизны, научной и практической значимости выполненной работы. Не подлежит сомнению, что мы имеем дело с вполне законченным, зрелым, самостоятельным исследованием.

Считаю, что диссертационное исследование О.С. Малининой «Этнокультурное и общественно-политическое сотрудничество финно-угорских народов в современной России» полностью соответствует предъявленным требованиям.

Александр Литвин
Казань

ХРОНИКА

X МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГОРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

IX Международный конгресс финно-угорских писателей «Писатель – Литература – Читатель» (Петрозаводск, 2006) рекомендовал провести юбилейный десятый конгресс в столице Марий Эл.

Распоряжением Президента Республики Марий Эл Л.И.Маркелова от 30.11.2007 г. был создан организационный комитет, а также определены сроки проведения X Международного конгресса финно-угорских писателей «Будущее финно-угорских литератур. Творчество молодых авторов». Председателем оргкомитета был назначен заместитель Главы Правительства, министр культуры, печати и по делам национальностей РМЭ М.З. Васютин.

Делегатами и гостями конгресса были представители всех финно-угорских регионов России, Ямало-Ненецкого округа, г. Москвы, Алтайского края, Чувашии, Башкирии, Татарстана, Мурманска, а также Венгрии, Литвы, Латвии, Франции, Финляндии, Чехии, Эстонии. Всего насчитывалось 150 делегатов и около 300 гостей.

Торжественное открытие X Международного конгресса финно-угорских писателей состоялось 11 сентября 2008 г. в Национальном театре драмы им. М.Шкетана. Вел пленарное заседание президент Международной ассоциации финно-угорских литератур известный эстонский писатель Арво Валтон.

С приветственной речью выступил Президент Республики Марий Эл Л.И. Маркелов. В своем выступлении он напомнил о роли и месте литераторов в современном обществе, об ответственности поэтов и прозаиков за сохранение культурных традиций своих народов и воспитание у современной молодежи чувства патриотизма. Он подчеркнул, что Марий Эл является центром финно-угорского движения по многим направлениям, в республике созданы условия для работы общественно-политических организаций и творческих союзов, огромное значение придается сохранению языка, культуры, традиций коренных жителей республики. Тираж книг на марийском языке превысил 45 тысяч экземпляров, а издание учебников с 2000 года увеличилось втрое.

С приветствиями также выступили Главный федеральный инспектор Полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе по РМЭ И.Л. Акчурин, представитель Министерства иностранных дел РФ в г. Йошкар-Оле Л.В. Полушина, первый заместитель председателя Государственного собрания РМЭ Е.В. Пайдышев, председатель Международного комитета финно-угорских народов В.П. Марков, председатель правления Алтайской писательской организации Б.Я. Бедюров, директор Финно-угорского культурного центра РФ С.И. Белорусова, заместитель председателя Думы Ханты-Мансийского автономного округа Е. Айпин, председатель финно-угорского общества Франции Е. Тулуз и др.

Направили свои приветствия участникам форума депутат Государственной Думы Л.Яковлева, председатель исполкома Ассоциации финно-угорских народов России М.Мосин, директор Поволжского Центра культур финно-угорских нардов Ю.Мишанин. В приветственной телеграмме писательницы Л. Лаулаяйнен (Финляндия) было отмечено, что в 2009 году будет издана антология поэзии женщин финно-угорских народов, в которую войдут 100 стихов. Вагиль Нуриев приветствовал от имени Союза писателей Татарстана, а Миши Юхма – от Союза писателей Чувашии.

С яркой речью выступила Альбертина Аптуллина, марийская поэтесса и книгоиздатель. Она вдохновенно говорила о роли драматурга, общественного и государственного деятеля Н.Ф. Рыбакова, одного из инициаторов создания Ассоциации финно-угорских писателей, который заложил основы финно-угорского сотрудничества на современном этапе в рамках международного общественного и культурного пространства.

Из республики Мордовия выступил делегат конгресса Николай Ишуткин. Владимир Тимин (Республика Коми) акцентировал внимание на важности и значимости общественного института, которым является Ассоциация, и его роли в формировании позиции литераторов в деле развития родных языков и культур.

На пленарном заседании выступил поэт, переводчик Турци Иштван, (Венгрия). «Цветок кактуса в условиях глобализации или нация, единообразие и литература», так назвал он свой доклад. Т.Иштван затронул вопрос о влиянии глобализации на национальную идентичность. Вот некоторые слова из его доклада: «Источник нашего познания находится во всемирной культуре. Но в условия развития всеобъемлющей технологии работоспособность культуры снизилась. Культура, которая играет роль разума, оказалась придатком экономики. Европейское образование, качество жизни, выживание – недостаточны для успеха. Национальная литература и сохранение самоидентификации представляются нам как посредники для решения экономических проблем. И поиск ответа на вопрос Что мы думаем о нас самих? и определяет наше будущее». Он предлагает вырваться из изоляции национальной литературе, используя Интернет. «Авторам необходимо выйти в мир через «интернет-литературу», научиться использовать литературный маркетинг, активно принимать участие в международных организациях и в различных конкурсах. Следует отметить, что Т.Иштван является вице-президентом ПЭН-клуба, главным редактором издательства «Парнассуш», членом исполкома ЮНЕСКО.

Идею о возможности, и даже необходимости использования Интернета для размещения своих произведений поддержал Йоуни Тоссовайнен писатель из Финляндии. Он предлагал произведения вначале публиковать в электронном варианте, а затем и в печатном, т.е. книгах. Это несложно, как утверждал он, так как «электронные проекты находятся за гранью рыночной коньюнктуры». «В настоящее время больше имеем стихов, чем читателей. Многие не переведены на английский, французский и другие языки. Сберечь языки малых народов можно посредством глобальной сети Интернет, хотя существует много сложных технических и практических вопросов для реализации данного проекта», – сказал в заключение Й.Тоссовайнен.

Янош Пустаи, известный венгерский ученый, говорил о литературе и идентичности народа, приведя в пример финский эпос «Калевала». Он утверждает, что с помощь литературы народ становится из неизвестного известным. Необходимо беречь свою индивидуальность и главное сохранить язык. Появляется такое явление как «хомо русификус», «хомо русландикус».

А предпочитают ли финно-угры свой язык и культуру? В финно-угорских регионах существуют законы о языке, культуре, образовании, но функционируют частично. Я.Пустаи остановился на проблемах перевода. Финно-угорские произведения теряют своеобразие, если перевод осуществляется через посреднический язык. Я. Пустаи высказал ряд предложений: осуществление переводов мировой литературы на финно-угорские языки не через русский язык. Переводы на финский, эстонский и венгерские языки осуществлять также без посреднического языка. Необходимы семинары для переводчиков, встречи с писателями, распространение художественной литературы. Я. Пустаи сообщил, что в Венгрии открыт Институт «коллегиум Финно-угрикум», который будет вести работу по распространению информации о финно-угорской культуре, языках, литературе для всего мира, проводить семинары.

Кари Салламаа, ученый – исследователь (Финляндия) подчеркнул значимость конгресса писателей как акт надежды ренессанса культуры. Большую роль в этом играют конгрессы по этнофутуризму. В условиях глобализации и угрозы ассимиляции необходимы свои экономические источники для развития литературы. В утверждении своего тезиса о том, что литература всегда политична в освещении дел мира, обратил внимание на Конгресс «Идель-Урал», который может играть важную роль для народов Поволжья и Урала.

Надежда Федосеева, литературовед (Марий Эл) выступила с докладом «Современный литературный процесс в Республике Марий Эл». Она отметила расцвет исторического романа, поэтических произведений. В творчестве писателей и поэтов наблюдается реконструкция мифологии и опора на архетипические образы в раскрытии современных общественных процессов. Марийская литература едина и однородна, несмотря на существование лугово-марийского и горно-марийского языков. Отметила, что переводческая деятельность не на должном уровне, и констатировала, что на русском языке мало финно-угорской литературы. Рассказала о

проведении литературных конкурсов и исследований, фестивале финно-угорских театров «Майатул», о практике работы с молодыми авторами редакций газеты «Ямде лий» и журналов «Кече», «Ончыко» и «У сем».

С кратким обзором о состоянии и особенностях национальной литературы прибалтийско-финских народов выступила Елена Богданова, заместитель министра по делам национальностей Республики Карелия, затронув также проблемы издательской деятельности.

Виктор Шибанов (Удмуртия) рассказал о работе по поддержке молодых литераторов, о проведении литературных курсов для юных литераторов, школьников при поддержке Общества М.А.Кастрена и эстонской Программы поддержки культур финно-угорских народов. В.Шибанов затронул также творческие вопросы о стихосложении, о сложности перевода верлибра.

Еремей Айпин (Ханты-Мансийск) в своем выступлении предложил организовать работу по обмену художественной и справочной литературой между финно-угорскими народами. Руководитель Российского финно-угорского центра Светлана Белорусова призвала всех участников конгресса принять участие в проекте по изданию книг финно-угорских авторов в Коми. Бедюров Бронтой (Горный Алтай) – секретарь исполкома писательского союза и председатель Союза писателей Алтая эмоционально высказал свою позицию об урало-алтайской общности и о единстве финно-угорских народов. В. Козлов, директор Центра-музея В. Колумба из Марий Эл призвал принять участие в подготовке и проведении в 2010 году Колумбовских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения В.Колумба, и предложил создать литературный музей в Республике Марий Эл. А. Волков (Карелия) и С. Петкевич (Коми-Пермяцкий округ) высказали слова благодарности правлению Ассоциации писателей и его президенту А.Валтону.

Ученый-литературовед Раисия Кудрявцева из Марий Эл представила интересный и творческий проект виртуального музея литературного краеведения.

Ксенофонт Сануков, доктор наук, профессор выступил с докладом о творчестве, общественной деятельности и значительном вкладе в современное развитие финно-угорского сотрудничества профессора Петера Домокоша из Венгрии.

Маргарита Маркина из Мордовии с болью говорила о том, что нет писателей в возрасте от 30 до 50 лет, большинство уже в возрасте. Сейчас труд писателей малооплачиваемый. Раньше писатели имели высокий общественный статус. Из литературы уходит мужская логика, литература и творчество стали женской сферой деятельности. В литературе не нужен ни патриархат ни матриархат. М. Маркина затронула тему обучения на родном языке. «А будут ли у писателей читатели. Школьников, читающих на родном языке, становится все меньше. В чужой школе сельские дети погружаются в иноязычную среду. К чему приведет создание нового мордовского языка и новой общемордовской грамматики?» Таким риторическим вопросом закончила выступление М.Маркина.

В рамках конгресса работало шесть секций: «Проза», «Поэзия», «Драматургия», «Художественный перевод», «Издательское дело» и «Детская литература».

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы секций. На секции «Поэзия» было заслушано 15 докладов, предложили издать антологию финно-угорской литературы на английском, французском, немецком языках. На секции «Проза» заслушано 8 выступлений и проведен круглый стол. Внимание привлекла позиция участников круглого стола, отметивших, что в прозе должно быть меньше психологического реализма, а больше мифологии, магического плана, фэнтези. Секция «Драматургия» обсуждала вопросы создания сайта в Интернете по размещению пьес, проведения семинаров драматургов, и сложности работы с подстрочниками.

Секция «Детская литература» была создана впервые за все предыдущие конгрессы писателей. В работе секции участвовало 25 человек. Были внесены предложения о проведении литературных конкурсов по номинациям, по взаимопереводу, по изданию сборника детских произведений на русском языке, о поддержке малокомплектных школ. На секции «Издательское дело» выступили 9 докладчиков. Поднимались вопросы взаимоотношений государственных органов, издательств, авторов, реализации изданных книг. Были высказаны проблемы подготовки редакторов и издательских специалистов, слабой культуры технического оформления изданий. Внесены предложения по систематизации работы с молодыми авторами, организации литературно- издательских конкурсов.

В работе секции «Перевод» участвовало 50 человек. На ней был внесен ряд предложений в адрес Конгресса: об учреждении именных премий за перевод, создание интернет-сайта для переводчиков и журнала переводов, а также конкурсов для переводчиков. На секции шел заинтересованный разговор о проблемах перевода по сохранению ритмики и музыки стиха. Участники секции отметили, что переводчик должен встречаться с автором, чтобы они могли понять друг друга. Помимо подстрочника переводчику необходимо иметь рядом оригинал произведения. Выступление Каталины Надь (Венгрия) было очень интересным и содержательным. «Переводчик должен переводить не слова и предложения, а мысли автора. Должна происходить метаморфоза переводчика, он должен думать как автор. Искусство – это ощущения, плюс слова и мысли. Переводчик – это медиатор между произведением и автором, между произведением и читателем, между разными культурами. Переводчику надо знать историю, культуру, политику, общественное сознание. Только душой можно делать эту работу, уважая и автора, и персонажи произведения».

Арво Валтон подчеркнул сложность перевода прозы с подстрочником. Подстрочник это третий язык, поэтому надо переводить без посреднических языков. Для перевода нужны консультанты. Прозу еще можно переводить, а в поэзии надо переводить стиль, ритм, музыку. Переводить стихи – это ребус.

Для участников и гостей Конгресса была представлена насыщенная культурная программа. Состоялись тематические встречи «Тукым вож» («Связь поколений») писателей с учащимися и студентами образовательных учреждений города Йошкар-Олы. Были организованы обзорные экскурсии по городу «Йошкар-Ола – чевер Ола» («Йошкар-Ола – город красоты») с посещением учреждений культуры

и спортивных объектов. Состоялись церемонии открытия мемориальной доски в честь Миклая Рыбакова – народного писателя Республики Марий Эл, возложения цветов к памятнику основоположника марийской литературы С.Г.Чавайна. Делегации посетили Национальную библиотеку, где состоялись презентации выставки «Книга года Марий Эл», проекта «Марийская электронная библиотека» и сборника переводов поэзии и прозы на финно-угорских языках «Черемуховая река», выпущенного в Сыктывкаре. Участники конгресса были первыми слушателями кантаты «Кусото» С.Макова и З. Дудиной и были зрителями оперы «Алдиар» Марийского государственного театра оперы и балета им. Э.Сапаева. В рамках конгресса состоялись литературно-музыкальный вечер «Чоным почын ойлынем» («От всей души») с участием мастеров искусств Республики Марий Эл, фотовыставка «Корни» о финно-угорских народах, посещение литературных музеев и встречи с читателями в Сернурском, Моркинском, Оршанском районах республики.

К сожалению, на конгрессе было мало представителей молодежи, а на заседаниях за трибуной и в зале чаще можно было видеть представителей «немолодого поколения».

На конгрессе отмечалось, что вследствие определенных финансовых факторов и, несмотря на внешнюю лояльность официальных лиц к развитию культуры на родных языках титульных народов, возможности образования на родных языках не улучшились, произошло уменьшение количества читателей родной литературы. Значительная часть диаспор не приобщается в необходимой мере к культуре на родном языке. В области издательской деятельности заметно увеличилось число книг на родных языках только благодаря частным инициативам.

Кроме того, значительная часть диаспор, живущих вне пределов титульных республик, краев и округов, не приобщается в необходимой мере к культуре на родном языке.

На основе вышеизложенного X Международный конгресс финно-угорских писателей выдвинул в резолюции следующие рекомендации:

– способствовать воспитанию родного читателя, используя для этого все имеющиеся возможности, в том числе и различные формы обучения детей на родном языке (используя частные, воскресные, домашние школы), особенно при изучении родного языка, литературы, истории и культуры народа, краеведения и природоведения;

– издавать научные труды, в первую очередь, краеведческой и литературоведческой направленности на родном языке;

– максимально способствовать возвращению народам с помощью литературы их традиционных духовных ценностей, идеологии, имен;

– добиваться распространения печатных изданий на родных языках среди всех читателей, в том числе и в диаспорах, живущих вне пределов финно-угорских стран и регионов Российской Федерации;

– всячески способствовать становлению молодой литературы, для чего активно поощрять поиски в литературе, создавать условия для расширения кругозора

молодых писателей через Интернет, путем установления контактов с литераторами других стран и освоения их опыта;

– изыскивать возможности для издания книг и журналов на родных языках, при этом особое внимание уделять дебютным произведениям, поощрять диалог между разными литературными группами и школами внутри одной литературы;

– стабильно обеспечивать обмен художественной и справочной литературой между центральными государственными библиотеками финно-угорских стран и субъектов Российской Федерации;

– ходатайствовать перед органами государственной власти о выделении писателям стипендий (грантов) на выполнение конкретных творческих проектов;

– рекомендовать Министерству по делам Коми-Пермяцкого округа обеспечить государственную поддержку в издании газеты и журнала для взрослого населения на коми-пермяцком языке;

– создать интернет-сайт для размещения оригинальных и переводных произведений финно-угорских писателей;

– обратить внимание издателей на издательское и полиграфическое качество книг, выпускаемых на финно-угорских территориях;

– ходатайствовать перед органами государственной власти финно-угорских регионов России о сохранении и поддержке малокомплектных школ как средоточия родных языков;

– создать информационно-организационный центр художественного перевода финно-угорских литератур».

Президентом Ассоциации вновь был избран Арво Валтон (Эстония).

Итак, завершил работу Десятый Международный конгресс финно-угорских писателей. Даст ли он толчок развитию национальных литератур, активизируется ли работа с молодежью финно-угорских народов? Может ли найти себя и пробьет ли себе дорогу творчества молодой начинающий автор, покажет время. А XI конгресс уже не за горами. Через два года в 2010 году в Хельсинки будущие делегаты рассмотрят итоги реализации решений X конгресса и обсудят вопросы переводческой деятельности.

Игорь Садовин,
Надежда Федосеева
Йошкар-Ола

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ВИЗУАЛЬНЫЙ МИР КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ»*

Межрегиональный научно-практический семинар «Визуальный мир культуры народов Урало-Поволжья» был проведен на базе Самарского государственного педагогического университета 30–31 октября 2008 г. Его организатором выступила кафедра истории и теории мировой культуры СГПУ (и.о. зав. каф. д.и.н., профессор Е.А. Ягафова) при содействии других структур СГПУ (отдела инвестиций и маркетинга, международного отдела), общественной организации «Лига азербайджанцев Самарской области» (президент – Ш.М. Керимов). Финансовую поддержку проекта осуществляли РГНФ и Министерство образования и науки Самарской области.

В семинаре приняли участие 28 специалистов (этнологов, визуальных антропологов, представителей общественных организаций и госструктур из Самары (СГПУ, СГАКИ), Москвы (Институт этнологии и антропологии РАН, Архива РАН, МГУ им. Ломоносова), Ижевска (УИИЯЛ УрОРАН), Екатеринбурга («Этнографическое бюро»), Чебоксар (Чувашский госуниверситет), Йошкар-Олы (МарНИИЯЛИ), 53 студента самарских вузов – Самарского государственного педагогического университета и Самарской государственной академии культуры и искусства.

В первый день семинара, **30 октября**, были представлены доклады д.и.н., профессора СГПУ ***Е.А. Ягафовой*** (Самара) «Визуальная антропология в контексте исследовательских и образовательных проблем урало-поволжской этнографии», к. искус., в.н.с. Центра визуальной антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова ***Е.В. Александрова*** (Москва) «Актуальность и проблематичность введения визуальной антропологии в социокультурную практику». Дирекцией IV Московского международного фестиваля визуальной антропологии (Е.В. Александров, Е.С. Данилко) была представлена программа фестивальных фильмов, созданных авторами из регионов Урало-Поволжья: **«Одна из рода»** (*26 мин., Россия (Москва), 2007; автор – Евгений Александров),* **«Старик Петр»** *(26 мин., Россия (Екатеринбург), 2008; автор – Иван Головнёв),* **«Идентичность, или в поисках истинных чувашей»** *(30 мин., Россия (Самара), 2007; автор – Екатерина Ягафова),* **«Корка туй»** *(13 мин, Россия (Ижевск), 2008; автор – Елена Попова.* Фильмы обсуждались участниками семинара. Представленные в данном блоке

---

* Проект осуществлен на средства гранта РГНФ и Министерства образования и науки Самарской области (08-01-26182г/В)

фильмы создавались в разных жанрах: первый и третий – как результат видеосъемок полевого материала, фильм «Старик Петр» – как часть кинотрилогии о хантах, а работа Е.Поповой была снята в жанре телефильма. Жанровое разнообразие послужило поводом для разговора участников о многообразии подходов к созданию антропологических фильмов.

В вечерней программе семинара были показаны фильмы участники IV ММФ ВА **«Прекрасная Диана»** *(45 мин., Сербия, 2004; автор – Борис Митич)* – 30 октября; **«Аль-Хаджи и его жены»** *(50 мин., США/Камерун, 2006; автор – Джи Ли)* – 31 октября. В просмотре и обсуждении фильмов принимали активное участие студенты 3–5 курсов отделения культурологии СГПУ.

Во второй день семинара, **31 октября,** обсуждались исследовательские подходы и методики в визуальной антропологии: вопросы научной и технической компетентности визуальных антропологов, их профессиональной этики, поиска новых «полей» визуальной антропологии и др. В выступлении д.и.н., в.н.с. ИЭА РАН ***Е.С. Данилко*** (Москва,) «**Обрядовая культура в этнографическом кино**» было обращено внимание на особенности видеосъемок обрядов, требующих не только глубокого знания этнографического материала, но и особо деликатного поведения антрополога в ходе съемок. В качестве примера видеосъемок обряда автор продемонстрировал фильм «**Учук**» *(25 мин., Россия (Москва), 2004; автор – Елена Данилко)*. Визуальные методы фиксации полевого материала обсуждались в ходе ряда выступлений. Например, эта тема, но в контексте создания интерактивной части музейной экспозиции, звучала в выступлении ст. преп. кафедры ИТМК СГПУ ***Н.Ю. Лосевой*** (Самара) «Визуализация культуры в музейном пространстве»: на примере полевых видеосъемок кряшен была показана возможность использования видеоматериалов в музейной экспозиции. Методика видеофиксации в полевых условиях и размышления визуального антрополога о роли «человека с камерой» стали предметом обсуждения в ходе выступления с.н.с. архива РАН ***Н.В. Литвиной*** (Москва) «Видеосъемки староверов Верхокамья: дневник визуального антрополога».

Традиционные методы визуальной фиксации – фотографирование – стали темой выступлений к.и.н., доцента ЧГУ ***О.В. Егоровой*** (Чебоксары) «Ребенок в круговороте жизни чувашей Урало-Поволжья: визуальные источники и информационные технологии полевых исследований» и к.и.н., в.н.с. МарНИИ ***Т.Л. Молотовой*** (Йошкар-Ола) «Фотоколлекции Т.Е. Евсеева как этнографический источник». Выступление О.В. Егоровой открыло новое «поле» визуализации традиционной культуры в Урало-Поволжье – этнографию детства, проблемы гендерной антропологии, что, как отмечалось в ходе обсуждения, является перспективным направлением современной визуальной антропологии. Если первое выступление целиком базировалось на материалах полевых исследований автора, то второе представляло направление визуальной антропологии, на которое необоснованно мало обращается внимания исследователями – это архивная фотография. В обсуждении данного выступления было отмечено, что изучение фотофондов с точки зрения содержа-

ния, композиции и технического качества фотографий могло бы существенно расширить исследовательское поле визуальной антропологии в Урало-Поволжье.

В рамках семинара была проведена также презентация фестивалей и проектов. В первый день Московский международный фестиваль визуальной антропологии представила координатор фестиваля Е.С. Данилко. Российский фестиваль антропологических фильмов в Салехарде представила 31 октября проект-менеджер фестиваля, киновед ***Д.Н. Федорова*** (Екатеринбург, «Этнографическое бюро»). Был показан фильм, удостоенный гран-при на Четвертом фестивале «**Маленькая Катерина**» *(24 мин., Россия (Екатеринбург), 2004), автор – Иван Головнев.*

Особого внимания был удостоен проект авторской группы из Ижевска в составе оператора ***А.Бакулева,*** фотографа ***Ю.Любомировой,*** менеджера проекта ***А.Пентегова*** и этнографа, научного руководителя проекта, к.и.н., с.н.с. УИИЯЛ УрО РАН ***Е.В. Поповой*** «Энциклопедия «Народы России». Вопросы разработки общероссийского этнокультурного проекта в интернет-пространстве». В рамках единого проекта «**Страна отцов**» были представлены аудио-, фото- и видеоматериалы, рассказывающие о культуре и повседневной жизни народов Удмуртии: северных и южных удмуртов, бесермян, чепецких татар и русских старообрядцев. Данный проект показателен в качестве примера гармоничного соединения аудио-, фото- и видеоисточников в просветительских и образовательных целях.

Просветительский характер носят и телевизионные фильмы, представленные ***Е.В. Поповой*** в ходе выступления, на тему «Этническая тематика в региональных средствах массовой информации. Из опыта работы над циклом «Обстоятельства счастья» (ТК «Моя Удмуртия»). Были показаны фильмы «Весенняя каша», «Портмаськон», «Пимокат», «Проводы льда» (все по 13 мин.), созданные на ТК «Моя Удмуртия». Всеми участниками было единодушно отмечено, что программа «Обстоятельства счастья» демонстрирует немногочисленный позитивный опыт создания этнически ориентированной продукции на региональных ТВ-каналах с участием профессионального этнографа.

Аналогичная проблема была представлена в выступлении режиссера ГТРК «Самара» ***О.А. Христенко*** (Самара) «Визуализация культуры самарских марийцев и башкир. Презентация телевизионного проекта «Вести «Содружество» и фильма **«Колыбельная моей матери»** *(15 мин., Россия (Самара), 2007; автор – Ольга Христенко).*

Подавляющая часть выступлений участников была посвящена коренным народам Урало-Поволжья: чувашам, татарам, удмуртам, марийцам, русским-старообрядцам, хантам, коми-пермякам. Презентация фильма **«Впервые в Самаре»** *(30 мин., Россия (Самара), 2007), авторы – Надежда Осипова, Ширван Керимов, Ольга Христенко)* затронула мигрантское население региона – вопросы адаптации азербайджанской общины в Самаре и области. Создатели фильма Председатель правления «Лига азербайджанцев Самарской области» ***Ш.М. Керимов,*** главный специалист Аппарата Правительства Самарской области ***Н.П. Осипова***, режиссер ***О.Христенко*** и другие участники семинара отметили актуальность об-

ращения визуальной антропологии к проблемам мигрантского населения. Вместе с тем, технология создания фильмов на подобную тематику требует более тщательной подготовки сценарного плана, включения, например, бытовых сюжетов, демонстрирующих реальные формы адаптации мигрантов к новой окружающей среде.

В ходе обсуждения фильмов была отмечена еще одна важная функциональная особенность визуально-антропологических фильмов – возможность и необходимость использования в образовательной сфере, в первую очередь, в преподавании курсов этнологии, культурной и социальной антропологии и т.д.

При обсуждении выступлений были высказаны следующие предложения и замечания:

– расширить исследовательское и образовательное пространство визуальной антропологии в Урало-Поволжье: более активно применять визуальные методики в ходе проведения научных исследований (фото- и видеофиксация материала с его последующей интерпретацией, созданием каталогов, фильмов и иной продукции); распространять визуальную продукцию и внедрять в образовательную сферу для сопровождения курсов этнологии, культурной и социальной антропологии, региональной этнографии, внедрять курсы визуальной антропологии;

– изучать позитивные практики производства этнографических / антропологических фильмов исследователями, творческими группами: привлекать специалистов-этнографов, профессиональных режиссеров, операторов и т.д.;

– ответственно (с точки зрения этики, научной и технической компетентности) относиться исследователям к процессу фото- и видеосъемок;

– расширить исследовательское поле визуальной антропологии в Урало-Поволжье за счет включения мигрантских сообществ, применения новых информационных технологий (интернет-порталов и т.д.);

– регулярно обмениваться опытом специалистам в области визуальной антропологии в Урало-Поволжье: проводить семинары, секции в рамках конференций и т.д.;

– расширить презентационное пространство визуальной антропологии на ТВ.

Екатерина Ягафова
Самара

«Финно-угроведение», 2008, № 2

ПАМЯТИ В.Н. ВАСИЛЬЕВА

Праздничный день 12 июля 2008 года для кафедры марийского языка Марийского государственного университета нежданно стал траурным. Всех потрясла печальная весть: скоропостижно скончался наш товарищ, друг, коллега, наш ученик В.Н. Васильев.

Писать о смерти человека, с которым бок о бок трудился многие годы, вдвойне тяжелее, если он был ещё твоим учеником и другом. Ещё только неделю назад до рокового дня мы договаривались встретиться с ним за праздничным столом на родине его супруги в Юледуре. И вдруг – такое печальное известие. Никто не хотел верить, что перестало биться сердце Валентина Николаевича Васильева, кандидата филологических наук, доцента кафедры марийского языка Марийского государственного университета, зарубежного члена Финно-угорского общества (Хельсинки) и просто обаятельного человека. Ушёл из жизни замечательный сын марийского народа, талантливый исследователь, прекрасный человек, верный и надёжный товарищ. Марийское языкознание понесло невосполнимую утрату. Он был ещё молод, полон сил и энергии, мечтал о новых исследованиях, собирался написать учебник по диалектологии для студентов, составить атлас марийских диалектов. Скоропостижная смерть помешала ему осуществить свою заветную мечту.

В.Н. Васильев родился 1 января 1949 года в д. Малая Купта Мари-Турекского района Марийской АССР. После окончания в 1968 г. Оршанского педагогического училища работал учителем в сельской школе, служил в рядах Советской Армии. В 1972 г., поступив на отделение марийской филологии, оказался в числе первых студентов только что открывшегося Марийского государственного университета.

Я хорошо помню эту группу. Запомнил, наверное, не столько из-за того, что в истории марийского образования она была первая университетская группа марийских филологов, сколько потому, что в ней собрались необыкновенные ребята, молодые люди – ценители языка и культуры своего народа, увлечённые, пытливые студенты, жаждущие получить университетское филологическое образование. На завершающем этапе обучения этих студентов мне по воле судьбы пришлось быть их куратором, наставником этой группы. И среди умных, смышлёных студентов действительно университетского уровня выделялся один – русоволосый паренёк небольшого роста с умными синими глазами. Он отличался трезвостью рассуждений, необыкновенным усердием и прилежностью. Находил всегда правильные ответы на самые каверзные вопросы преподавателей. Это был Валентин Васильев.

Он как-то сразу привлёк к себе внимание. Бывает такое, когда человек с первой встречи завораживает тебя, с ним легко общаться, обсуждать разные проблемы, невольно захочешь с ним поделиться своими мыслями. От общения с такими людьми сам становишься одухотворённее, зажигаешься новыми мыслями и идеями. Таким был и В.Н. Васильев. Я уже тогда понял, что это природный талант, самородок, из него получится прекрасный учёный-лингвист. Между нами, несмотря на разницу в возрасте и в положении, сразу установились тёплые дружественные отношения. Бросалось в глаза, что в отличие от своих сокурсников, он вёл себя исключительно скромно, оставаясь в то же время необычайно любознательным, рассудительным и сообразительным. Я понял: в нём таится будущий учёный. Предчувствие не обмануло меня.

В 1977 г. В.Н. Васильев окончил университет с красным дипломом. Это был первый выпускник отделения марийской филологии, получивший диплом с отличием. Можно сказать даже больше – он марийский филолог № 1 с дипломом Марийского университета. Поэтому по окончании вуза мы сразу взяли его на кафедру. После двух лет работы в должности ассистента кафедры марийской филологии в 1979 г. его направили в аспирантуру Тартуского университета к самому Паулю Аристэ. Здесь пытливый юноша получил «аристэнское» филологическое воспитание. Чуткий по натуре, он сумел точно уловить суть «аристэнского отношения» к исследовательской работе. Своим ученикам знаменитый профессор внушал, что истинным учёным может стать только тот, кто всецело отдастся своей избранной науке, будет жить её проблемами, ежедневно заниматься научными поисками, каждый день выдавать хотя бы две-три страницы научной продукции. А коль уж ты ещё и лингвист, то должен непременно овладеть несколькими родственными и неродственными языками, бережно относиться к своему родному языку, благодаря которому ты стал человеком и исследователем самого удивительного явления природы. Этому он учил своих аспирантов. В.Н. Васильев глубоко впитал это в себя и добросовестно выполнил заветы своего любимого учителя: и языки выучил (он свободно владел финским и эстонским языками), и усердно занимался наукой.

В аспирантуре В.Н.Васильев занимался исследованием орнитонимических названий в финно-угорских языках. В 1984 г. в Тартуском университете успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Марийская орнитонимия» и получил учёную степень кандидата филологических наук. После аспирантуры вернулся в родные пенаты на кафедру марийской филологии. В 1990 г. его как подающего надежды ученого направили в зарубежную научную командировку в Финляндию. Это была первая командировка наших преподавателей в зарубежные страны. Такой чести удостаивались в то время далеко не все, особенно в буржуазные страны, каковою считалась и Финляндия. Но В.Н. Васильеву доверили представлять нашу республику за рубежом. Так он в течение двух лет преподавал марийский язык в университетах Хельсинки и Турку, одновременно знакомился с финским языкознанием, изучал практический финский язык. За период научной командировки он в совершенстве овладел финским языком, досконально изучил зарубежное финно-

угроведение. Вернулся на родину уже зрелым исследователем и прочно занял место одного из ведущих финно-угристов в республике.

Знание финского языка, близкое знакомство в Финляндии с классическим финно-угроведением сыграло существенную роль в его дальнейших научных изысканиях. Вместе со своими финскими и марийскими коллегами он принял активное участие в подготовке и издании большого марийско-финского словаря А.Мойсио (1992), был одним из авторов первого финско-марийского словаря (1995), изданного в Финляндии. Написал и опубликовал ряд статей по этимологии названий птиц в финно-угорских языках и по другим проблемам марийского и финно-угорского языкознания.

Вся жизнь В.Н. Васильева была связана с Марийским государственным университетом. Здесь он проработал более тридцати лет. В университете вёл курсы морфологии марийского языка, марийской диалектологии, различные спецкурсы и спецсеминары, занимался ономастикой, преподавал финский язык. В последние годы увлекся марийской диалектологией. Ездил в диалектологические экспедиции со студентами. Благодаря ему на кафедре марийского языка накопился значительный диалектологический материал. Его занятия пользовались неизменным успехом у студентов. Студенты уважали его за глубокие знания, умение доступно преподнести их, за его справедливость во всём, за обаятельность, неподдельную человечность. Он был одним из самых любимых преподавателей у студентов отделения марийской филологии. Требовательный, но справедливый педагог, современно мыслящий исследователь, он пользовался большим авторитетом как в студенческом коллективе, так и среди преподавателей факультета.

В.Н.Васильев был истинным представителем тартуской лингвистической школы, сложившейся в республике главным образом из прошедших аспирантское обучение в Тартуском университете, ортодоксальным сторонником научных идей эстонского профессора П.Аристэ. Внёс немалый вклад в дело укрепления научных связей между Эстонией, Тартуским университетом и Республикой Марий Эл, Марийским университетом. Он был достойным учеником своего великого учителя, выдающегося финно-угроведа XX века академика Пауля Аристэ.

Ушел от нас наш коллега в расцвете сил. Ушел тихо, как и жил, незаметно, никого не беспокоя. Опустела кафедра без него. Не будет хватать нам его тонкого хитроватого юмора, веселого смеха, принципиальности при решении острых проблем, рассудительного спокойствия в моменты напряженного состояния, умения сдержанно разряжать накалившуюся обстановку. Он умел это делать. Во многом благодаря ему на кафедре всегда царили мир и спокойствие.

Ушёл из жизни человек, который в своей жизни, осмелюсь предположить, никогда никого не обидел даже в мыслях. Его уважали все: студенты и преподаватели, знакомые и незнакомые, друзья и товарищи, и даже недруги. Таким он был в жизни, таким навечно останется в наших сердцах: добрым и непреклонным, веселым и грустным, мягким и непоколебимым, но всегда человечным. Память о нём будет жить в благодарных сердцах друзей, коллег и его учеников.

Иван Иванов
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богомолова Зоя Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературно-художественной критики Уд ГУ

Васильева Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры мировой и отечественной экономики МарГУ

Григорьева Людмила Яковлевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Иванов Иван Григорьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры марийского языка МарГУ

Кириллова Роза Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературно-художественной критики УдГУ

Кузнецова Маргарита Нифонтовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры уральской филологии Западно-венгерского университета

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор кафедры музеологии Казанского государственного университета

Мамаева Майя Николаевна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Николаева Алевтина Васильевна – аспирантка кафедры марийского языка МарГУ

Попова Елена Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского НИИЯЛ УрО РАН

Примечаева Мария Александровна – младший научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ

Ракин Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИЯЛИ КНЦ УрО РАН

Садовин Игорь Геннадьевич – координатор общества М.А. Кастрена по Республике Марий Эл

Сануков Ксенофонт Никанорович – доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории МарГУ.

Сибатрова Серафима Сергеевна – кандидат филологических наук, заведующая отделом языка МарНИИЯЛИ

Столярова Гузель Рафаиловна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнографии Казанского государственного университета

Федосеева Надежда Александровна – кандидат филологических наук, заведующая отделом литературы МарНИИЯЛИ

Чертыкова Мария Дмитриевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела хантыйской филологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок.

Ягафова Екатерина Андреевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и теории мировой культуры Самарского государственного педагогического университета.

CONTENTS

ARTICLES

Sanukov K.N. Peter Domokosh and Finno-Ugric literature studies 3
Bogomolova Z.A. Word about Udmurt Literature 9
Primechayeva M.A. Some philosophic aspects of traditional Mari culture development in the modern conditions 18
Kuznetsova M.N. One language – one people (once more to the problem of one Mari literary language – look from the side) 30
Mamayeva M.N. About systematization of the Mari wedding songs 38

REPORTS

Sibatrova S.S. To the history of Mari orthography 49
Nikolayeva A.V. Changes in the field of vowels and consonants in Urzhum dialect of the Mari language 56
Popova E.V. «Soldier's fir-tree» in the modern sacral space of Besermyan settlements 62
Phedoseyeva N.A. Educator of Mari people G. Yakovlev and his creative work ... 70
Kirillova R.I. Sound colouring of Gai Sabitov's lyric poetry 77
Stolyarova G.R., Vasilyeva E.A. Interethnic marriage in Mari El Republic in the second half of the XX century 82

PERSONS

Grigoryeva L.Y. To the 125th anniversary of Academic E. Beke 94
Ivanov I.G. To the anniversary of Yanosh Pustai 99
Sibatrova S.S. To the anniversary of B.I. Vershinin 103

SURVEYS AND REVIEWS

Chertykova M.D. Rev.: Kaksin A.D. Kazymski dialect of the Khant language. – Khanty-Mansiysk, 2007. – 134 pp. 106
Rakin A.N. Rev.: Pashkova T.V. National names of illnesses in the Karel language. Thesis submitted for Degree of Candidate of Philology. Petrozavodsk, 2008. – 167pp. 110
Litvin A.A. Rev.: Malinina O.S. Ethnocultural and social-political collaboration of Finno-Ugric people in Modern Russia. Thesis submitted for Degree of Candidate of History. Kazan, 2008 116

CHRONICLE

Sadovin I.G., Phedoseyeva N.A. X International Congress of Finno-Ugric writers 119
Yagafova E.A. Interregional scientific-practical seminar «Visual world of the culture of Ural-Volga people» 126
Ivanov I.G. Memory of V.N. Vasilyev 130
Information about the authors 133

«Финно-угроведение», 2008, № 2
Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360
Выдано Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Издатель и учредитель:
МарНИИЯЛИ
424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
Телефоны: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: mamii@mari-el.ru

Редактор *Н.И. Сараева*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Э.И. Пекшеевой*

Подписано в печать 25.11.2008. Формат 70x100/16.
Усл.п.л. 10, 97. Тираж 300 экз. Заказ № 2016
Цена свободная

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424002, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112